В. Н. ПИЛИПКО

ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БАКТРИИ

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш. БАТЫРОВА

В. Н. ПИЛИПКО

ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ БАКТРИИ

Под редакцией
доктора исторических наук
Г. А. Кошеленко

АШХАБАД · ЫЛЫМ · 1985

ББК 63.4(2)
П 32

Рецензенты
И. Масимов, Х. Юсупов

Пилипко В. Н.
П 32 Поселения Северо-Западной Бактрии. / Под ред. Г. А. Кошеленко. — А.: Ылым, 1985. — 216 с.
2 р. 25 к.

Приведены результаты исследований античных памятников Юго-Восточного Туркменистана; описаны и систематизированы монеты и терракотовая пластика; предложена хронологическая шкала керамики для данного региона.
Для археологов, историков.

ББК 63.4(2)

П $\frac{0507000000-029}{M561(14)-85}$ 7—84

© Издательство «Ылым», 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние два десятилетия кушанская археология развивается бурными темпами. В различных концах древней Кушанской империи проводятся широкие раскопки разнообразных археологических объектов. Обширные исследования ведутся в важнейшем центре Кушанского государства — Бактрии. Вместе с тем следует отметить, что Бактрия — наиболее полно, но далеко не равномерно изученная область древней империи. Некоторые ее районы едва затронуты рекогносцированным обследованием. Современный уровень изученности кушанских памятников Бактрии четко зафиксирован в содержательной монографии Б. Я. Ставиского «Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры». В первой главе этой работы дается определение географических границ Бактрии, из которого следует, что территория Юго-Восточной Туркмении — часть этой древней историко-культурной области. В следующей главе Б. Я. Ставиский приводит описание археологических памятников Бактрии по отдельным районам. Общий объем главы равен 42 страницам, из них описанию памятников Юго-Восточной Туркмении посвящены только девять строк, что является объективным отражением современного уровня знаний об этом районе.

Предлагаемая работа представляет попытку в некоторой степени заполнить это белое пятно в бактрийской археологии на основании публикации материалов разведывательного археологического изучения Юго-Восточной Туркмении, осуществленного в 60—70-х гг. Институтом истории им. Ш. Батырова АН ТССР.

Работа в значительной мере носит справочный характер, что наложило отпечаток на ее структуру. Важнейшую ее часть составляет каталожное описание поселений, терракот и монет, которому предшествует обоснование предлагаемых датировок и краткий очерк развития культуры в этом районе Бактрии.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе рассматриваются археологические памятники кушанского времени на территории Юго-Восточной Туркмении в пределах Керкинского, Чаршангинского, Халачского и Ходжамбасского административных районов Туркменской ССР, в частности — долины Амударьи на участке Келиф — Бешир, т. к. остальная часть указанных районов занята горами, пустынями или безводными степями, где археологические памятники рассматриваемого периода неизвестны, за исключением небольшой горной долины Кугитанга.

В физико-географическом отношении этот участок долины Амударьи представляет единое целое. В его пределах Амударья не принимает притоков и является единственным источником для занятия земледелием. Долина реки имеет ширину в среднем 6—8 км. С обеих сторон она ограничена пустынями, за исключением южного участка правобережья, где к реке подступают отроги Гиссарских гор. Выделяются две террасы. Нижняя, пойменная, занята пышной влаголюбивой растительностью. В тугаях водятся звери и птицы, имеющие промысловое значение. Для земледелия (каирного) здесь осваиваются лишь отдельные участки. Верхняя терраса, почти не затопляемая в паводки, используется для поливного земледелия. Орошаемая зона не образует сплошной полосы—местами она прерывается пустынными участками или выходами скальных пород. В результате многовекового земледельческого освоения в орошаемой зоне образовался значительный культурно-ирригационный слой почвы. Климатические условия области благоприятны для теплолюбивых растений. Безморозный период здесь длится 216—230 дней, среднегодовая температура воздуха около 16°. Водный режим Амударьи в общем благоприятен для занятия поливным земледелием, т. к. ее летний паводок (июль—август) совпадает с периодом наиболее интенсивных поливов. Однако ирригационное использование реки связано с большими трудностями. Ширина ее русла—1—3 км. Река течет с большой скоростью и часто размывает берега, особенно правый. Вода содержит большое количество ила, который во время паводков и поливов оседает на полях. Это значительно повышает их плодородие, но имеет и отрицательные последствия—ирригационные сооружения быстро заиливаются и нуждаются в постоянной очистке[1].

Физико-географические условия области неблагоприятны для сохранности археологических памятников. Остатки поселений, расположенных в тугайной зоне, быстро разрушаются вследствие высокого стояния грунтовых вод, частых наводнений и буйного зарастания. В орошаемой зоне

[1] Физико-географическое описание области дано по работам: *Фрейкин З. Г.* Туркменская ССР. М., 1957, с. 41—42, 382 и сл.; *Петров М. П.* Сельскохозяйственное районирование Туркмении на естественно-исторической основе. — Изв. АН ТССР, 1958, № 1, с. 28—29; *Бабаев А. Г.* Физико-географическое районирование Юго-Восточной Туркмении.—Изв. АН ТССР. Сер. биол. наук, 1962, № 2, с. 41.

ограниченность пригодных для земледельческого освоения территорий компенсировалась интенсивным их использованием, что также отрицательно сказывалось на сохранности археологических объектов. Одни из них оказались погребенными под агро-ирригационными наносами, другие распахивались, богатые селитрой культурные слои третьих вывозились на поля в качестве удобрений. Страдали при этом, в первую очередь, мелкие памятники и пригородные зоны больших городищ. Постоянное блуждание русла и размыв коренных участков берега приводили и приводят к разрушению памятников в непосредственной близости от Амударьи. Ряд археологических объектов навсегда исчез в водах реки. Причем иногда разрушению подвергались довольно крупные археологические объекты. Например, имеются сведения о разрушении рекой древней крепости в Наразыме, в 40-х гг. было смыто крупное городище Ак-кала к югу от Карабекаула, при наводнении 1969 г. разрушено городище Старого Фараба. Все это необходимо учитывать при определении степени культурного освоения побережья Амударьи в различные исторические периоды.

Предмет настоящего исследования — памятники античного времени на побережье среднего течения Амударьи. Источником для написания работы послужили в основном материалы Амударьинской экспедиции Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР, кроме того использованы все доступные автору опубликованные и неопубликованные материалы предшественников. В соответствии со степенью археологической изученности области основная задача работы сводится к опознанию памятников указанного хронологического периода, их картографированию и первичному описанию. В силу этого основную часть настоящей работы составляют каталоги поселений и наиболее важных категорий находок—монет и терракот. Им предшествует история археологического изучения области и описание стратиграфических исследований на некоторых памятниках, результаты которых, наряду с аналогиями и данными нумизматики, послужили основой для хронологического определения указанных объектов. Заключительная часть работы посвящена предварительной оценке описанных памятников как исторических источников. Подобное изложение материала обусловлено желанием четко разграничить систему доказательств, изложение фактического материала и его последующую историческую интерпретацию.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

История изучения памятников античного времени в этом районе очень коротка, так как за исключением исследований А. М. Мандельштама в 1960 и 1962 гг. они никогда не являлись объектом специального изучения. В этой связи целесообразно дать общую краткую характеристику археологического изучения области.

В дореволюционный период Средняя Амударья, ввиду ее вхождения в состав Бухарского ханства, была малодоступна для научного изучения. Первые археологические находки, ставшие известными научной общественности, были сделаны в городе Керки, где в 1888—1889 гг. на возвышенности близ бековской крепости развернулось строительство русского укрепления. При земляных работах здесь нашли ряд древних предметов и клад золотых и серебряных монет, часть которых поступила первоначально в Археологическую комиссию, а затем была разослана по разным музеям России. В том же 1888 г. еще один клад был найден в одном из бугров в 14 км от Керки, часть монет из этого клада также поступила в Археологическую комиссию[1].

В 1890 г. в Керки побывал Е. Ф. Каль, предпринявший здесь первые специальные археологические исследования. Им были осмотрены окрестности города, левый берег Амударьи от Керки до афганской границы и правый берег — от Керки до устья Сурхана. В сохранившемся дневнике Е. Ф. Каля подробно описана только поездка по правому берегу, во время которой были осмотрены лишь некоторые крупные поселения: Ак-депе и Мазарли-депе (могила Сейид-Абдулла-Вали) в Хатабе, Шор-депе (Шур-тепе) у современной железнодорожной станции Мукры, Шор-депе у селения Ак-

[1] Подробнее об истории этих находок см.: *Пилипко В. Н.* Еще раз о так называемом Керкинском кладе 1888 года. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1977, № 5.

кумулам и развалины башен в окрестностях Келифа[1]. В окрестностях Керки он произвел небольшие раскопки курганов и могил[2].

В 1916 г. в Керкинском районе побывал активный член Туркестанского кружка любителей археологии Ж. Кастанье. Но письменного отчета об этой поездке не сохранилось, а коллекция его находок, хранящаяся ныне в Музее истории народов Узбекистана, содержит всего 7 небольших обломков поливных сосудов. 4 из них найдены в песках у Астан-баба, 3—в Келифе[3].

В печати тех лет изредка появлялись сообщения о древностях края. Так, в газетах «Кавказ» и «Туркестанские ведомости» за 1891 г. имеется сообщение о подземном городе в районе современного поселка Керкичи[4]. В фантастическом описании пещер привлекает внимание указание на находку серебряной монеты сасанидского царя Шапура I (240—272 гг.), которая, возможно, действительно имела место[5]. В описании Туркестанского края, составленном В. И. Масальским, сообщается о находках греко-бактрийских монет в Келифе[6]. В начале XX в. русский офицер Б. Литвинов составил интересные описания древностей Керки и кишлака Сулейман (Астана-баба)[7].

Первой попыткой археологического изучения Средней Амударьи в годы Советской власти следует считать археолого-этнографическую экспедицию Н. В. Брюлловой-Шаскольской, которая проводила исследования в Керкинском округе в мае 1926 г. Экспедиция в основном занималась этнографическими изысканиями, а археологические работы, несмотря на их включение в программу исследований, носили попутный характер. В значительной степени это объясняется отсутствием в составе экспедиции специалиста-археолога. Краткие сведения, имеющиеся в публикациях Н. В. Брюлловой-Шаскольской

---

[1] Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 86. «Дело императорской археологической комиссии об археологических розысканиях Е. Ф. Каля в Туркестанском крае», л. 24—25: Там же. Каль Е. Ф. «Дневник», с. 139—143.

[2] Там же, л. 57—58. В описи вещей, собранных Е. Ф. Калем в 1890 г. упоминаются 2 черепа, найденных в Керки, в кургане; монета, найденная в Керкичи в кургане; 19 монет, купленных в Керки (л. 42).

[3] Музей истории народов Узбекистана. Коллекции 121 и 122.

[4] Туркестанские ведомости, 1891, № 21, 21 мая, с. 83 (3).

[5] См. также: *Массон М. Е.* Прошлое города Керки. — Памятники Туркменистана, 1973, № 1, с. 7.

[6] *Масальский В. И.* Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание, т. 19. Спб., 1913, с. 730.

[7] *Литвинов Б.* Керки (Картинки амударьинской жизни). Кауфманский сборник М., 1910, с. 47. *Он же.* Астана-баба. — Туркестанские ведомости, 1910, № 10, 31 января.

ской[1], лишь в небольшой степени дополняются отчетами и отрывками из полевых записей, хранящимися в Центральном государственном архиве ТССР[2]. Н. В. Брюлловой-Шаскольской собрана небольшая коллекция керамики с древних крепостей Керки, Керкичи, Мирзабек, Келиф, но датировка этой керамики в ряде случаев дана неправильно. В частности, фрагменты, описываемые как расписная керамика типа Анау, в действительности представляют собой обломки средневековых сосудов с потёками темного ангоба на стенках.

В 1928 г. вышла в свет работа М. Е. Массона «Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г.», в которой сообщается о находках в Керки в 1927 г. драхмы Синатрука и приводятся сведения о монетах, обнаруженных в 1888—1889 гг. при устройстве русского оборонительного сооружения в этом же городе[3].

В 1928—1930 гг. район Средней Амударьи (в основном Чарджоу, Керки, Келиф) посещают краеведы Егоров, Арбеков, Герц и др. Результат этих поездок — небольшие коллекции керамики, дающие материал для датировки исследованных городищ. Наибольший интерес среди них представляют сборы Герца на Мирзабек-кала, где вместе с керамикой найден обломок терракотовой статуэтки[4]. В это же время Туркменкультом ведется переписка с административными организациями Керки о пересылке в Ашхабад крупных средневековых намогильных плит с надписями[5].

В 1931 г. новую разведывательную поездку по Амударье предпринимает сотрудник Института туркменской культуры (Туркменкульта) А. А. Марущенко. Выборочно были обследованы памятники на участках Келиф—Керкичи и Керки — Чарджоу. О результатах данной экспедиции упоминалось в печати[6], однако отчеты и другая научная документация к настоящему времени утрачены.

В 1937 г. по заданию Метростроя А. А. Марущенко с целью получения образцов местных водоустойчивых растворов осматривает две средневековые цистерны-сардобы. Одна

---

[1] *Брюллова-Шаскольская Н. В.* Глубины великих культур. — «Семь дней», 1927, № 17, с. 8; *Она же.* На Аму-Дарье. — Новый Восток, 1927, № 16—17, с. 291—293.

[2] ЦГА ТССР, ф. 67, оп. 1, д. 70.

[3] *Массон М. Е.* Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г. — Изв. Средазкомстариса. Ташкент, 1928, вып. 3, с. 285—287.

[4] В Отделе археологии Института истории АН ТССР имеются описи и частично коллекции, собранные во время этих поездок. См. также: Дневник Туркменкульта. — Туркменоведение, 1930, № 10, с. 48.

[5] ЦГА ТССР, ф. 67, оп. 2, д. 7. Туркменкульт. «Переписка секции археологии с госучреждениями об охране памятников музейной старины».

[6] *Ершов С. А.* Археология в ТССР за 20 лет. — Изв. ТФАН, 1944, № 2—3, с. 30—31.

из них находится в 18 км севернее ст. Чаршанга, вторая, известная под названием Дукча, — на левом берегу Амударьи вблизи афганской границы[1].

В послевоенные годы археологическое изучение района проводится более интенсивно. Значительные заслуги в этом Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). В 1948 г. М. Е. Массон с группой сотрудников экспедиции провел археолого-топографическое обследование Керки и селения Астана-баба. На основании этих работ М. Е. Массон пришел к выводу, что средневековый город Земм находился на территории современного Керки и сохранившимися его остатками является холм у переправы, где отмечается также наличие слоев доарабского времени[2].

В 1949 г. XVI отряд ЮТАКЭ под руководством А. А. Росляковa и при участии А. Ф. Ганялина провел рекогносцировочное обследование левого берега от Чарджоу до Халача и правого — от Бурдалыка до Ходжамбаса. При этом обследовано 44 археологических объекта, древнейшим из которых признана Эссен-Менгли-кала, интерпретированная как «город скотоводов» середины I тыс. до н. э. Большинство обследованных памятников определено как небольшие кушанские городки, имеющие цитадели, стены с башнями, рвы и эспланады. Часть этих укреплений была оставлена в древности, часть обживалась в последующие эпохи вплоть до позднего средневековья, когда они были превращены в эрсаринские крепости[3].

В этом же году В. А. Левина, начальник XIII отряда ЮТАКЭ, занимающегося изучением позднесредневековых туркменских жилищ, обследовала городище Мирзабек-кала. Было составлено общее описание памятника, произведен сбор подъемного материала, в числе которого имеется крупная обезглавленная терракотовая статуэтка, и у одного местного жителя приобретена драхма Фраата III[4].

Наряду с ЮТАКЭ в послевоенный период изучением археологических памятников района занимались другие научно-исследовательские организации и отдельные лица.

---

[1] ЦГА ТССР, ф. 67, оп. 2, д. 89.

[2] *Массон М. Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. — ЮТАКЭ, 1955, т. 5, с. 200; *Он же.* Прошлое города Керки.— Памятники Туркменистана, 1973, № 1.

[3] *Массон М. Е.* Краткая хроника..., с. 202—207; *Росляков А. А.* Дневник археологической разведки на Средней Амударье (Чарджоу—Керки) в июле 1949 г. (Рукопись). Архив ЮТАКЭ; *Он же.* Полевой отчет об археологической разведке на Средней Амударье летом 1949 г. (Рукопись). Архив ЮТАКЭ. К сожалению, в указанных документах отсутствует обоснование предложенной датировки памятников (полевые сборы экспедиции утеряны).

[4] *Левина В. А.* Дневник начальника XIII отряда ЮТАКЭ, 1949, май—июль, с. 51—59. Архив ЮТАКЭ; *Массон М. Е.* Краткая хроника..., с. 205.

В 1945 г. А. А. Марущенко обследовал ряд памятников между Керкичи и Бурдалыком, в том числе античное городище Бешир-кала[1].

В 1948 г. геолог В. В. Шумов в ряде пунктов Келифского Узбоя собрал значительную коллекцию керамики и кремня, описанную впоследствии С. А. Ершовым[2]. В ней имеются материалы эпохи неолита, энеолита, бронзы и развитого средневековья.

В 1959 г. сотрудники Сектора археологии Института истории АН ТССР осуществили маршрутный проезд по трассе Каракумского канала и левому берегу Амударьи от Керки до Чарджоу с выборочным обследованием расположенных здесь памятников.

В 1960 г. археологической разведкой в Чаршангинском районе занималась совместная экспедиция Института истории АН ТССР и ЛОИА, возглавляемая А. М. Мандельштамом. На побережье Амударьи и в долине Кугитанга экспедиция зафиксировала около 20 археологических памятников, большинство из которых отнесено к античному времени. На основании полученных материалов, А. М. Мандельштам пришел к выводу о вхождении обследованного района в состав Северной Бактрии — Тохаристана[3]. Основной задачей экспедиции была разведка памятников кочевого населения античного времени. На указанной территории зафиксировано четыре курганных могильника, один из которых — Баба-Шов, расположенный между железнодорожными станциями Мукры и Ташрабат, раскапывался в 1960 и 1962 гг. Материалы раскопок полностью опубликованы и являются ценным источником по истории кочевого населения Средней Азии[4].

В 1964 г. при земляных работах в местности Карахауз около Мукры под поздними селевыми наносами обнаружены многочисленные обломки керамики. Выехавший к месту находки сотрудник Института истории АН ТССР Е. Атагаррыев установил, что здесь находилось средневековое поселение X—XII вв[5].

В 1966 г. во время служебных поездок по Ходжамбасскому, Чаршангинскому и Керкинскому районам инженер-гидротехник А. А. Ляпин посетил ряд археологических па-

---

[1] Устное сообщение А. А. Марущенко.

[2] *Ершов С. А.* Археологическая коллекция с Келифского Узбоя.—Изв. АН ТССР, 1951, № 3.

[3] *Мандельштам А. М.* Археологическая разведка в Чаршангинском районе. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1967, № 1, с. 30.

[4] *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. — Тр. Таджикской археологической экспедиции. Л., 1975, т. 7.

[5] Материалы хранятся в Отделе археологии Института истории АН ТССР.

мятников, дал их краткое описание и произвел сбор подъемного материала[1].

В связи с началом работ по составлению археологической карты Туркменской ССР, в 1966 г. в Институте истории АН ТССР создана Амударьинская экспедиция, приступившая к сплошному обследованию Чарджоуской области[2]. В первый сезон полевых исследований экспедиция работала на правобережье Амударьи, где между Фарабом и Келифом обследовано 40 разновременных археологических поселений. Осмотр памятников сопровождался сбором подъемного материала и проведением глазомерной съемки на большинстве из них. На некоторых памятниках сделаны контрольные зачистки, а на Шор-депе в колхозе «Победа» Ходжамбасского района пройден стратиграфический шурф. В 1967 г. аналогичная работа проделана на левобережье между Чарджоу и поселком Головное, стратиграфические шурфы заложены на Кичи-Хозарек-депе в Саятском районе и Ак-кала в колхозе «Пионер» Карабекаульского района. Небольшим шурфом исследованы также нижние слои Керкинской «Бековской крепости», датированные серединой I тыс. до н. э. В 1968 г. экспедиция обследовала побережье Амударьи на участке между Чарджоу и Дарганом. Этими работами завершилась первая часть программы Амударьинской экспедиции — учет и картографирование археологических памятников Средней Амударьи.

В 1970 г. экспедиция приступила к осуществлению второй части программы—составлению местной хронологической колонки на основе стратиграфических исследований. Было проведено стратиграфическое изучение средневекового поселения Шехри-Хамс и двух памятников кушанского времени в районе селений Хатаб и Ташрабат на правом берегу Амударьи.

В 1975 г. на поселении Чопли-депе близ Хатаба в стратиграфическом раскопе площадью 50—55 м² исследована 11-метровая толща культурных отложений первой половины I тыс. н. э. На поселениях Хатаб, Кара-депе пройдены стратиграфические шурфы. На городище Мирзабек-кала — два шурфа, причем общая мощность культурных слоев, исследованных в одном из них, составила 15,5 м.

Определенный вклад в изучение прошлого Средней Амударьи внесли местные краеведы. Благодаря им, научному изучению стали доступны интересные древние предметы из числа случайных находок.

---

[1] Коллекция керамики и отчеты о поездках хранятся в Отделе археологии Института истории АН ТССР.

[2] Помимо В. Н. Пилипко, в работе экспедиции принимали участие археологи Т. Ходжаниязов (1966), К. Качурис (1966), И. С. Масимов (1967, 1975), Г. Гутлыев (1968), А. Сапарбердыев (1970), С. Хамракулиев (1974), которым автор приносит искреннюю благодарность за активную помощь в организации и проведении полевых исследований.

ОСНОВЫ ХРОНОЛОГИИ

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ

Подробные сведения о монетах содержатся в каталоге. Далее будет рассмотрено их значение для характеристики денежного обращения на территории Юго-Восточной Туркмении. Здесь же остановимся на возможности привлечения монетных находок для относительной и абсолютной датировки памятников.

Среди найденных монет имеются парфянские драхмы, монеты кушанских царей, подражания их чекану, монеты сасанидо-кушанских правителей. Монеты парфянских царей найдены в небольшом количестве и вне связи с культурными слоями, поэтому факт их находки на том или ином памятнике является лишь общим указанием на функционирование данного поселения в эпоху, близкую ко времени выпуска и обращения соответствующего типа монет. Абсолютная датировка парфянского чекана разработана достаточно хорошо и здесь нет необходимости в подробном ее рассмотрении. Укажем лишь, что для восточных районов Средней Азии и территории Афганистана зафиксировано использование в денежном обращении собственно парфянских драхм, надчеканенных парфянских драхм и подражаний надчеканенным парфянским драхмам. Последние монеты отделены от выпуска их прототипов некоторым промежутком времени, длительность которого еще точно не выяснена.

Более сложным представляется вопрос об абсолютной датировке кушанских и кушано-сасанидских монет. Соотношение «эры Канишки» с нашим летоисчислением остается камнем преткновения уже более ста лет. Сведения о существующих точках зрения на начальную дату эры Канишки (НДК) и критический обзор источников, привлекаемых для решения этой проблемы, подробно рассмотрены в книге Е. В. Зеймаля «Кушанская хронология», опубликованной в 1968 г. Из этой сводки следует, что современное состояние источников оставляет «право на существование» за различны-

ми точками зрения на дату воцарения Канишки в пределах 78—278 гг. н. э. В этих хронологических рамках наибольшие возражения вызывает обновленный вариант гипотезы Д. Р. Бхандаркара, предполагающий отнесение НДК к 278 г. н. э.[1] Наиболее подробный критический анализ этой гипотезы содержится в работах Б. Г. Гафурова[2] и Г. А. Пугаченковой[3]. Являясь сторонником ранних дат кушанской хронологии (до середины II в. н. э.), автор настоящей работы считает возможным внести свою лепту в критику гипотез, относящих НДК к III в. н. э. Одной из «контрольных дат», подтверждающих отнесение НДК к 278 г. Е. В. Зеймаль считает датировку монет индо-парфянского правителя Гондофара третьей четвертью II в. н. э.[4] Классификация монет восточно-парфянского, вероятно, маргианского чекана (со знаком П под луком) позволила наметить допустимые хронологические пределы выпуска отдельных его групп на основании сопоставления с общегосударственным парфянским чеканом[5]. В связи с рассматриваемой проблемой обращают на себя внимание монеты типа III, 5, обнаруживающие много общего с монетами индо-парфянского правителя Пакора, что заставляет признать использование последних в качестве исходного образца. Исходя из общей хронологии «маргианских» монет, тип III, 5 может быть датирован концом I—началом II в. н. э[6]. Но датировку временем позднее первой половины II в. следует признать невозможной. Отсюда следует, что монеты индо-парфянского Пакора должны выпускаться несколько ранее этих дат. Вероятно, близки к истинным даты, предложенные для этого правителя А. Симонеттой — 60-е гг. I в. н. э.[7] В свою очередь, исходя из относительной хронологии индо-парфянских монет, правление Гондофара следует помещать на несколько десятилетий раньше. В противоречии с НДК-278 находится и факт обнаружения перечеканки упомя-

---

[1] *Зеймаль Е. В.* Начальная дата Канишки — 278 г. н. э. — В кн.: Центральная Азия в Кушанскую эпоху, т. 1. М.: Наука, 1974.

[2] *Гафуров Б. Г.* Таджики. М.: Наука, 1972, с. 142—147; См. также: *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977, с. 15—31; Обсуждение докладов по проблемам кушанской хронологии. — В кн.: Центральная Азия в Кушанскую эпоху, т. 1, с. 308—310.

[3] *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* и др. Дальверзинтепе—кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978, с. 182—185.

[4] *Зеймаль Е. В.* Начальная дата Канишки..., с. 298.

[5] *Пилипко В. Н.* Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком. — ВДИ, 1980, № 4.

[6] Там же, с. 119.

[7] *Simonetta A.* The Indo-Parthian coinage and its significance in the chronology of the Kushans. — В кн.: Центральная Азия в Кушанскую эпоху, т. 1, с. 284—286.

нутым Пакором монет «Сотер мегаса»[1]. При любых допустимых поздних датах правления Пакора это событие нельзя относить ко времени позднее первой половины II в., тогда как по хронологии Е. В. Зеймаля правление «Сотер мегаса» относится к первой половине III в.

Нерешенность проблемы абсолютной датировки кушанских монет ни в коей мере не снижает их значения для относительной датировки кушанских комплексов. Последовательность выпуска монет кушанского чекана в настоящее время разработана достаточно подробно и может быть представлена в следующем виде: Кадфиз I—«Сотер мегас»—Кадфиз II—Канишка I—Канишка II—Хувишка—Васудева I—Канишка III (=Васудева II). Некоторые разногласия в этой схеме вызывают лишь два звена: «Сотер мегас» и Васудева—Канишка III. Монеты безымянного «царя царей, великого спасителя» имеют различные определения[2], но, по данным монетной типологии[3] и стратиграфическим наблюдениям[4], их следует помещать между монетами Кадфизов I и II. В более подробном рассмотрении этой проблемы здесь нет необходимости, так как монеты «Сотер мегаса» на памятниках Юго-Восточной Туркмении пока не обнаружены. Более важным для настоящей работы представляется вопрос о последних царях из династии «великих кушан». По эпиграфическим данным, последним кушанским царем был Васудева. Известно восемь надписей, упоминающих этого царя. По эре Канишки они датированы 64—98 гг. Этому правителю приписываются золотые и бронзовые монеты, разделяющиеся на несколько самостоятельных типов[5]. Некоторые исследователи в соответствии с типологией монет выделяют двух или трех правителей по имени Васудева, другие склонны считать, что в течение 34 лет правил один царь с этим именем[6]. Окончательное решение этой проблемы требует дополнительного материала. В практической работе с бронзовыми монетами, часто имеющими плохую сохранность, на наш взгляд, на современном этапе достаточно констатировать их принадлежность к чекану Васудевы.

На основании надписей на золотых монетах устанавли-

---

[1] *Simonetta A.* An Essay of the so — called «Indo — Greek» coinage.— «East and West», 1957, N 1, p. 53, pl. 3.

[2] Подробнее см.: *Гафуров Б. Г.* Таджики..., с. 148—149.

[3] *Массон М. Е.* Происхождение безымянного «царя царей, великого спасителя». — Тр. САГУ. Нов. серия. Гуманитарные науки, кн. 3, 1950, вып. 11.

[4] *Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент: Фан, 1981, с. 36—37.

[5] *Зеймаль Е. В.* Монеты великих кушан в Государственном Эрмитаже. — Тр. ГЭ. Т. 9. Ленинград: Советский художник, 1967, с. 83—86.

[6] *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология..., с. 50.

вается, что монеты, часто определяемые как принадлежащие Васудеве II, в действительности чеканились кушанским правителем по имени Канишка, которого по типологии Е. В. Зеймаля следует называть Канишкой III. В литературе высказывалось мнение, что этот царь был современником Васудевы и правил в южной или восточной части распавшегося Кушанского государства. Однако частые находки монет Канишки III в северных районах Бактрии заставляют отказаться от этого предположения[1].

Канишке III принадлежат бронзовые монеты с изображением на лицевой стороне царя, стоящего перед жертвенником. На нем широкополый до колен кафтан. Правая рука опущена вниз к алтарю, расположенному слева от него, левая, поднятая вверх, опирается на копье. На оборотной стороне—богиня Ардохш, сидящая на троне с высокой спинкой. В правой ее руке венок, в левой — рог изобилия[2].

В значительной степени остается нерешенным вопрос о хронологии подражаний монетам Васудевы и Канишки III[3]. Монеты-подражания встречаются очень часто, но обобщающей сводной работы по их типологии еще нет. Наиболее продуктивными в этом отношении представляются разработки Е. В. Зеймаля, выделившего четыре хронологические серии подражаний монетам Васудевы[4]. В соответствии с развиваемой им гипотезой позднего варианта кушанской хронологии (НДК-278), Е. В. Зеймаль чеканку этих монет относит к концу IV—началу VI в[5]. По мнению этого исследователя, подражания чеканились вне пределов кушано-сасанидского владения и находились в обращении параллельно с кушано-сасанидскими и сасанидо-кушанскими эмиссиями[6]. Этот вывод представляется спорным, если даже оставить в стороне вопросы абсолютной хронологии. Подражания кушанским монетам — обычные находки в районах Бактрии—Тохаристана, входивших в состав Сасанидского государства. Совместные их находки в кладах или культурных слоях еще не

---

[1] *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология..., с. 50—51; *Давидович Е. А.* Клады... древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979, с. 44—46.

[2] *Давидович Е. А.* Клады..., с. 44.

[3] Е. В. Зеймаль выделяет еще подражания монетам Хувишки, но типологические признаки этих монет в публикациях не указаны. См.: *Давидович Е. А., Зеймаль Е. В.* Денежное хозяйство Средней Азии в переходный период от древности к средневековью (к типологии феодализма).—В кн.: Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980, с. 72.

[4] *Давидович Е. А.* Клады..., с. 42—44.

[5] *Давидович Е. А., Зеймаль Е. В.* Денежное хозяйство..., с. 71—72.

[6] Там же; *Давидович Е. А.* Клады..., с. 52.

могут служить основанием для заключения о синхронности их выпусков. В качестве аналогии можно привести пример из денежного обращения Маргианы, где местные монеты, чеканенные в позднепарфянский период, длительное время обращались совместно с эмиссиями первых сасанидских царей[1].

В случае принятия предложения о чеканке подражаний независимыми позднекушанскими правителями, царствовавшими одновременно с кушаншахами, требуют объяснения еще два факта:

1. Отсутствие локализации отдельных типов подражаний в четко ограниченных районах и совпадение их ареала с областью распространения прототипов, т. е. монет Васудевы и Канишки III.

2. Параллельное существование позднекушанских правителей и кушаншахов предполагает их политическую конфронтацию и четкое разграничение ареалов их бронзовых эмиссий, рассчитанных на обращение по условному курсу в пределах того или иного политического объединения. Каким образом тогда следует объяснять широкое распространение позднекушанских подражаний в пределах сасанидо-кушанского владения?

В силу этих возражений более предпочтительным кажется мнение о неодновременном, последовательном выпуске подражаний кушанским и сасанидо-кушанских монет на одной и той же территории[2].

Тесно связанной с кушанской хронологией и столь же далекой от окончательного решения следует признать проблему абсолютной датировки сасанидо-кушанских монет. В настоящее время с равной степенью доказательности отстаиваются три точки зрения на время их выпуска. Сторонником

---

[1] *Массон М. Е.* Хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1955—1957 гг.— Тр. ЮТАКЭ, 1978, т. 16, с. 182—183; см. также *Филанович М. И.* Гяур-кала. — Тр. ЮТАКЭ, 1974, т. 15, с. 58; *Кацурис К., Буряков Ю.* Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-калы.— Тр. ЮТАКЭ, 1963, т. 12.

[2] В связи с этим нельзя признать окончательной оценку Е. В. Зеймалем кладов позднекушанских и сасанидо-кушанских медных монет из Янгиабада и Болтай-тепе (*Давидович Е. А.* Клады..., с. 47—56). В первом случае на основании совместной находки подражаний монетам Васудевы (серия I—II) и сасанидо-кушанских эмиссий (Арташира, Пероза, Хормизда) сделан вывод о параллельности их выпусков. Во втором случае, со ссылкой на Янгиабадский клад, как самые поздние определяются подражания монетам Васудевы серии III—IV. Но нельзя исключить вероятности того, что подражания серий III и IV не представлены в Янгиабадском кладе лишь в силу каких-то особых обстоятельств и что в обоих случаях сасанидо-кушанские монеты—самые поздние. В доказательство этой версии можно привлечь клад № 4 из Шаартузского района (*Давидович Е. А.* Клады..., с. 42—46), где представлены все серии подражаний монетам Васудевы, но нет сасанидо-кушанских монет и факт отсутствия в Янгиабадском и Болдайском кладах поздних сасанидо-кушанских выпусков.

традиционной ранней датировки этих монет (середина III—конец IV в.) является А. Д. Х. Бивар[1]. В. Г. Луконин, уделивший много внимания анализу сасанидо-кушанских монет, в 1967 г. предложил следующий вариант их классификации и датировки[2].

Все сасанидо-кушанские монеты делятся на две большие категории:

1. Сасанидо-кушанские монеты, характеризующиеся изображением на лицевой стороне погрудного портрета в сасанидском стиле (группа А). Они представлены преимущественно бронзовыми монетами, в небольшом количестве известны также серебряные и золотые.

2. Кушано-сасанидские монеты. На лицевой стороне воспроизводится композиция, характерная для кушанских монет—царь перед низким жертвенником. Царь, однако, изображается в индивидуальной короне и в сасанидского типа одеянии. На оборотной стороне также помещена «кушанская» композиция: божество и бык. Эти монеты чеканились в бронзе (группа Б) и в золоте (группа В).

Наиболее многочисленна и разнообразна группа бронзовых сасанидо-кушанских монет. На основании индивидуальных форм корон В. Г. Луконин выделил восемь сасанидо-кушанских правителей (короны *a*—*h*)[3]. Некоторые из этих правителей имеют соответствия в кушано-сасанидских выпусках. Все бронзовые кушано-сасанидские монеты В. Г. Луконин отнес к кушаншаху Хормизду (корона *d*), а выпуск золотых связал с тремя последовательно правившими кушаншахами: Хормиздом (корона *d, d'*), Варахраном (корона *e*) и Варахраном (корона *f*).

Опорные даты для всей серии, по мнению В. Г. Луконина, дают мервский динар кушаншаха Хормизда (корона *d'*), датированный 60-ми гг. IV в., на основании сопоставления с динаром Шапура II[4], и отождествление кушаншаха Варахрана в короне *e* с шахиншахом Варахраном IV, вступившим на сасанидский трон в 388 г.[5]. Для сасанидо-кушанского чекана предложена датировка с 368—371 по 459 г.

В построениях В. Г. Луконина можно отметить некоторые

---

[1] *Bivar A. D. H.* The Kushano-Sasanian Coin Series. — «Journal of the Numismatic Society of India», XVIII, pt. 1, 1956; *Он же.* Kushan and kushano-sasanian seals and kushano-sasanian coins. — In: Corpus Inscriptionum Iranicarum, pt. III, Pahlavi Inscriptions, vol. VI, Seals and coins, portfolio I. London, 1968.

[2] *Луконин В. Г.* Кушано-сасанидские монеты. — ЭВ, 1967, вып. 18; *Он же.* Культура сасанидского Ирана. М.: Наука, 1969.

[3] Буквенный порядок обозначения типов корон отражает предлагаемую В. Г. Лукониным последовательность выпусков.

[4] *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана..., с. 135.

[5] Там же, с. 141—142.

противоречия. Развивая идею идентичности кушаншаха Арташира и шахиншаха Арташира II (379—383), он соответственно относит его деятельность в роли кушанского царя к 70-м гг. IV в. Вместе с тем в типологической схеме Арташир предшествует Хормизду, время правления которого предлагается относить к 60-м гг. этого же столетия.

В тексте бронзовые монеты группы Б отнесены только к чекану Хормизда, на иллюстрациях (см. табл. XIII, *2—3*) показаны также монеты этой группы, принадлежащие Перозу.

Критике было подвергнуто и его предположение о том, что сасанидо-кушанское владение просуществовало до середины V в. Б. И. Маршак[1], а позднее Б. И. Вайнберг[2] высказали обоснованное сомнение в сохранении власти Сасанидов в Бактрии с конца IV—до середины V в. Это в свою очередь делает малообоснованным рецидив чеканки монет по сасанидо-кушанскому типу в 60-х гг. V в. К тому же отнесение монет правителей в коронах *g* и *h* к концу сасанидо-кушанского чекана не имеет убедительного типологического обоснования.

Другую версию типологии и хронологии сасанидо-кушанских монет предложил Р. Гебль[3]. Скифатные кушано-сасанидские монеты обнаруживают несомненную гинетическую связь с «динарами» Васудевы II[4]. Первые кушано-сасанидские монеты чеканены от имени Пероза, в котором Р. Гебль видит самого шахиншаха Шапура II. Первоначально этот правитель изображался в короне Васудевы, затем сменил ее на львиный кулах (корона *d*, по В. Г. Луконину). Следующий сасанидо-кушанский правитель—Хормизд, при котором львиный кулах увенчивается «артишоком-лотосом», характерным для большинства последующих кушано-сасанидских выпусков. В дальнейшем Р. Гебль предполагает параллельную чеканку монет Перозом (в котором он считает возможным вновь видеть Шапура II) и Варахраном, затем продолжается чеканка лишь одного Варахрана. Динары с именем Варахрана Р. Гебль разделяет по коронам на три типа, но связывает их с правлением одного царя, в котором считает возможным видеть будущего шахиншаха Ирана Варахрана IV. Завершают золотую кушано-сасанидскую серию монеты Кидары,

---

[1] *Маршак Б. И.* К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.— В кн.: Страны и народы Востока, т. 10. М., 1971, с. 62—63, 65.

[2] *Вайнберг Б. И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. — В кн.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М.: Наука, 1972.

[3] *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I—IV, Wiesbaden, 1967, Bd. I, s. 15—21.

[4] Р. Гебль различает монеты нескольких правителей с именем Васудева.

для которых характерны две разные короны. Одна близка по типу к короне Шапура III, а вторая, с тремя пальметами,— известна по ранним драхмам Варахрана IV.

Наряду с золотыми чеканились бронзовые монеты, которые Р. Гебль разделяет на тяжелые толстые и маленькие легкие. Серия «толстых» монет начинается выпусками с именем и короной Шапура II. На тонких маленьких монетах упоминаются имена разных правителей, в том числе такие, каких нет в золотом чекане. Это явление Р. Гебль объясняет разделением власти в соответствии с субординацией разных правителей.

Начало всей серии Р. Гебль относит к 356/357 г. на основании сообщения Аммиана Марцеллина о восточной кампании Шапура II и четко выявляемой связи между динаром Шапура II (относящимся к середине его правления), динаром кушаншаха Хормизда, по сасанидскому стандарту, и скифатными динарами этого правителя. Конечная дата — период правления Шапура III (379—388) — выводится из анализа состава клада на Маранджан-тепе.

Типологии В. Г. Луконина и Р. Гебля разработаны самостоятельно и в значительной степени на разном материале, что осложняет их корреляцию. Некоторую помощь в этом может оказать публикация доклада В. Г. Луконина на Душанбинской конференции 1968 г., в котором его вариант распределения сасанидо-кушанских монет модифицирован с учетом ряда аргументов Р. Гебля[1].

В некоторых важных вопросах позиции В. Г. Луконина и Р. Гебля совпадают. Оба исследователя относят начало этой серии ко времени правления Шапура II, но к разным конкретным датам, Р. Гебль—к 356—357 гг., В. Г. Луконин—к 365 г. Для обоснования хронологии они привлекают одни и те же факты: соответствие между динарами Шапура II и кушаншаха Хормизда, отождествление одного из кушаншахов Варахранов с царем Ирана Варахраном IV[2]. Но, следует отметить и значительные расхождения. Так, Р. Гебль считает, что выпуск золотых и бронзовых монет начинается и заканчивается одновременно. В. Г. Луконин предполагает, что первоначально по типу сасанидо-кушанских выпускались только бронзовые монеты (Шапур, Арташир) и что Пероз кушано-сасанидских золотых динаров не может быть Шапуром II[3].

---

[1] *Луконин В. Г.* Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии. — В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху, т. 1. М.: Наука, 1974 (К сожалению, форма и объем этого сообщения обусловили отсутствие подробного изложения ряда важных положений нового варианта гипотезы В. Г. Луконина).

[2] Однако имеются в виду разные типы кушано-сасанидских монет.

[3] *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана..., с. 131—132.

Существенно расхождение в определении кушаншаха Арташира. Р. Гебль считает его второстепенным правителем. В. Г. Луконин видит в нем будущего царя Ирана Арташира II и на основании этого отождествления делает важные выводы в вопросе кушано-сасанидской хронологии. Время его вступления на сасанидский трон становится terminus post quem для всех последующих кушано-сасанидских эмиссий.

Из приведенного обзора можно сделать следующие выводы:

1. Конечная дата выпуска кушано-сасанидских монет—конец IV в.

2. Один из кушаншахов по имени Варахран может быть отождествлен с царем Ирана Варахраном IV.

3. Большая типологическая близость динара Шапура II, динара кушаншаха Хормизда и его скифатных монет позволяет относить деятельность этого кушаншаха к середине правления Шапура II, по В. Г. Луконину—к 60-м гг. IV в.

4. По данным надписей на золотых динарах выявляются кушаншахи Пероз, Хормизд, Варахран. Типология монет дает возможность предполагать существование нескольких кушаншахов с именем Пероз (Р. Гебль выделяет два разновременных выпуска кушаншаха Пероза, которые, однако, пытается связать с одним историческим лицом—Шапуром II) и Варахран (по Р. Геблю,—2—3, по В. Г. Луконину,—2).

5. Первым известным кушаншахом, чеканившим золотые монеты, был Пероз—современник Шапура II, но отождествление этих двух правителей следует признать неубедительным (В. Г. Луконин).

6. Ряд бронзовых монет с именем Шапура (=шахиншах Шапур II) предназначался для обращения на территории Бактрии.

7. Только по бронзовым монетам известен царь кушан—Арташир.

8. Сасанидская нумизматика допускает выпуск сасанидо-кушанских монет в пределах правления Хормизда II—Варахрана IV, когда для государственного сасанидского чекана характерно погрудное изображение божества над алтарем[1].

Менее бесспорными, но перспективными для разработки кушано-сасанидской хронологии, представляются два вывода В. Г. Луконина: 1) золотые динары не являются самыми ранними выпусками сасанидо-кушанских монет, некоторые правители выпускали только бронзовые монеты; 2) учитывая индивидуальные различия в коронах, следует признать существование, по крайней мере, восьми сасанидо-кушанских пра-

[1] *Göbl R.* Dokumente..., S. 19—21.

вителей (без Шапура), причем некоторые из них носили одинаковые имена.

Попытаемся теперь все эти выводы привести в логическую связь. Сообщение Мирхонда о женитьбе Хормизда на дочери царя Кабула и появление на его монетах бюста божества над алтарем, композиции, характерной для большинства сасанидо-кушанских монет и исчезающей с государственного чекана одновременно с утратой сасанидо-кушанского владения, является серьезным основанием для отнесения начала сасанидо-кушанского чекана ко времени, близкому к правлению этого шахиншаха. Судя по индивидуальным коронам, в настоящее время известно девять сасанидо-кушанских правителей[1]. Помимо выделенных В. Г. Лукониным, имеется еще один тип сасанидо-кушанских монет, не включенный в его сводку. На лицевой стороне изображен правитель в короне, увенчанной птицей (корона *i*), на оборотной — композиция из двух противостоящих фигур: женское (?) божество вручает какой-то предмет (вероятно, корону кушанского типа) стоящему слева царю[2]. Следует отметить, что корона этого правителя наиболее близка к головному убору шахиншаха Хормизда II. О монетах еще одного сасанидо-кушанского правителя сообщает Е. В. Зеймаль[3].

В сасанидо-кушанском чекане, очевидно, следует различать два периода: первый—когда кушаншахи чеканили только монеты группы А (бронзовые монеты в сасанидском стиле), второй — когда, наряду с сасанидо-кушанскими, выпускались кушано-сасанидские, в том числе золотые (группы Б и В)[4]. В соответствии с этим можно произвести хронологическое разделение бронзовых сасанидо-кушанских монет. Кушаншахов, короны которых находят соответствие в золотом чекане, следует относить ко второму периоду[5]. Это правители в коронах *d, d', e, f*. Остальных (в коронах *a, в, c, g, h, i*) следует связывать с ранней стадией сасанидо-кушанского чекана. Последовательность правления этих кушаншахов нуждается в уточнении. По приведенным выше соображе-

---

[1] Большое количество правителей и обилие их чекана—косвенное свидетельство значительной длительности существования сасанидо-кушанского владения. Если принять мнение В. Г. Луконина (с учетом поправки Б. И. Вайнберга), что сасанидо-кушанские монеты выпускались в течение всего лишь четверти века (365—389 гг.), то на время правления одного кушаншаха в среднем будет приходиться всего лишь около 2,5 лет.

[2] См. каталог монет № 55.

[3] *Давидович Е. А.* Клады..., с. 48.

[4] Подобное деление может отражать постепенное нарастание мощи и политических амбиций сасанидо-кушанских правителей.

[5] Начало данного периода, в соответствии с доводами Р. Гебля и В. Г. Луконина, следует относить к 50—60-м гг. IV в.

ниям, правитель в короне *i* может быть причислен к первым сасанидо-кушанским правителям.

При современном состоянии проблемы, выпуск сасанидо-кушанских монет в первой половине IV в. следует считать вероятным, во второй — бесспорным.

Необходимо остановиться еще на одной особенности кушанского денежного обращения, значительно осложняющей использование нумизматических данных для датировки археологических комплексов. Кушанские монеты и их подражания, вероятно, редко изымались из обращения, поэтому в археологической практике нередки совместные находки монет, отстоящих друг от друга по времени выпуска на десятки, в некоторых случаях, даже сотни лет. По этой причине находка единичных монет, как правило, не снимает проблемы датировки. Но в этом вопросе следует избегать и чрезмерного скептицизма. Археологами и нумизматами в настоящее время в общих чертах намечаются хронологические пределы массового обращения тех или иных монет. Различные варварские подражания монетам греко-бактрийских правителей окончательно выходят из обращения после выпуска эмиссий «Сотер мегаса». Монеты «Сотер мегаса» и Кадфиза II практически исчезают из обращения при Канишке, монеты которого отличаются значительным долголетием. Монеты Хувишки, как показали Э. В. Ртвеладзе и Ш. Р. Пидаев[1], видимо, были изъяты из обращения вскоре после смерти этого государя. Монеты Васудевы и Канишки III часто встречаются в одних археологических слоях. Они продолжают использоваться в период выпуска подражаний, которые, вероятно, предназначались для восполнения естественной убыли этих монет и даже в период массового использования монет сасанидо-кушанского чекана.

Наконец, в кушанской археологии уже намечена достаточно жесткая связь определенного типа монет с определенными артефактами, что позволяет распознавать случаи явного хронологического несоответствия.

Кушанские и сасанидо-кушанские монеты — важный, но чрезвычайно сложный датирующий источник. При их привлечении к датировке археологических комплексов следует учитывать особенности денежного обращения Бактрии—Тохаристана и ориентироваться на относительную хронологию тех или иных монет. Вопросы абсолютной датировки должны рассматриваться отдельно и обязательно сопровождаться указаниями на исходные посылки.

---

[1] *Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р.* Каталог..., с. 40.

СТРАТИГРАФИЯ ПОСЕЛЕНИЙ

Стратиграфические исследования в Юго-Восточной Туркмении, без учета небольших зачисток, проведены на восьми памятниках. При описании стратиграфии поселений ниже употребляются в качестве синонимов понятия строительный горизонт, период обживания и стратиграфический горизонт. Два первых термина более узкие по своему значению. Под строительным горизонтом понимаются остатки одной или нескольких одновременно возведенных построек и культурные слои, относящиеся ко времени их функционирования. Период обживания фиксирует культурные слои, относящиеся к какому-то отрезку времени, и выделяемые из всей толщи отложений по изменениям в планировке, слоям запустения, четко выраженным уровням полов. Это понятие несколько шире, чем строительный горизонт, так как период обживания позволяет фиксировать определенный этап жизни поселения, не представленный в раскопе или шурфе архитектурными остатками. Стратиграфический горизонт—более универсальное понятие. К одному стратиграфическому горизонту относятся не только отложения периода функционирования постройки, но и связанные с последующим ее запустением (завалы, натеки, оплывы, надувные прослойки). Следует отметить, что «теория слоя», применительно к среднеазиатской археологии, разработана еще недостаточно полно, специальные работы, анализирующие процессы накопления культурных отложений, практически отсутствуют[1], поэтому при выделении стратиграфических горизонтов возникают определенные трудности. В настоящей работе к одному горизонту отнесены архитектурные остатки построек, возведенных одновременно или с небольшим сдвигом по времени, первоначальные и последующие уровни полов, связанные с функционированием этих построек, строительный (ремонтный) и бытовой мусор между полами, а также ямы, впущенные в нижележащие культурные слои или материковые отложения. К этому же стратиграфическому горизонту относятся слои, связанные с разрушением постройки (построек). Они могут быть представлены надувными слоями, натеками, оплывами, завалами. Находки из этих отложений хронологически не всегда однородны. Среди них могут быть артефакты, происходящие из разложившихся строительных материалов (если глина на формовку кирпичей или для пахсы бралась из культурных слоев), предметы, синхронные периоду функционирования постройки и перемещенные в вышележащие слои в результате деятельности человека

[1] См.: *Распопова В. И.* Керамика и слой поселения (На материалах VII—VIII вв. Пенджикента). — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.

или животных, реже—в результате действия стихийных сил. Особенно значительные трудности возникают при анализе находок из засыпок и забутовок, которые могут содержать разнообразный в хронологическом отношении материал. В данной работе нивелировочные прослойки преимущественно отнесены к нижележащему стратиграфическому горизонту, так как материалы, относящиеся к периоду функционирования и запустения нивелируемой постройки, в них преобладают.

Для более четкой характеристики археологических комплексов античной эпохи, рассмотрены также стратиграфические исследования на памятниках более раннего («Бековская крепость» в Керки) и более позднего времени (Кара-депе в районе Хатаба).

«Бековская крепость» в Керки

На участке шириной 3,2 м осуществлена зачистка нижней части обрывистого юго-восточного края холма. Плоскость обрыва зачищена на высоту 3 м, у подножия этой зачистки до уровня грунтовых вод, проступивших на глубине 2,5 м от современной поверхности, прокопан контрольный шурф (рис. 1). Верхний край зачистки затронул культурный слой с включениями керамики XIII—XIV вв. Его подстилает слой натеков

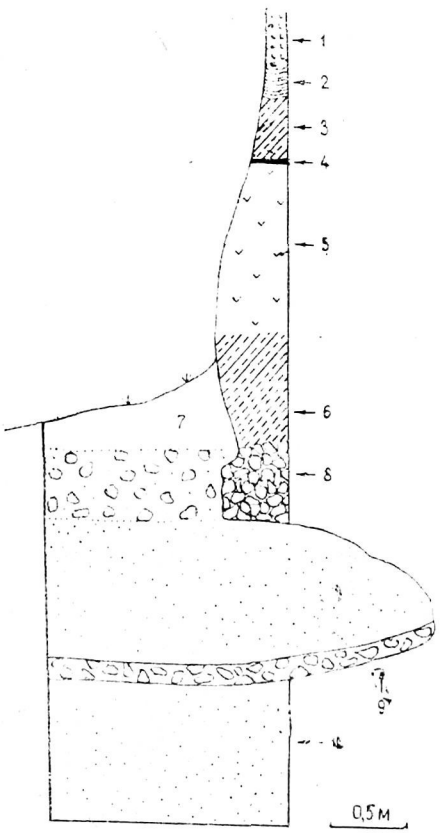

Рис. 1. Керки, «Бековская крепость». Шурф-зачистка на юго-восточном фасе холма: *1*—средневековый культурный слой; *2*—натек; *3*—завал из сырца; *4*—зольная прослойка; *5*—культурный слой с зольно-гумусными включениями; *6*—плотная глина; *7*—оплыв; *8*—скальный грунт; *9*—камень с песком; *10*—песок.

толщиной 40—50 см, сменяющийся уплотненными остатками разрушенной сырцовой архитектуры. Ниже залегает мощный культурный слой с обильными зольными и гумусными включениями. От верхнего завала он отделен зольной прослойкой. Далее вновь прослежен слой разрушения, который подстилается слоем плотной глины с редкими включениями угольков и мелких обломков керамики. Ниже начинаются «материковые» отложения. Общая мощность нижнего стратиграфического горизонта достигает толщины 2—2,5 м.

Керамика из нижних культурных слоев изготовлена на гончарном круге. Черепок в изломе красный, тонкоотмученный и хорошо обожженный. Внешняя поверхность обычно белая, реже — кремовая или цвета черепка. Стенки некоторых сосудов имеют горизонтальную гофрировку. Ведущие формы — большие и малые цилиндро-конические банкообразные сосуды с приостренным или манжетовидным венчиком (табл. I, *1, 4, 5, 11*). У некоторых сосудов тулово при переходе к подкосу резко расширяется и образует сильно выступающее ребро. Встречаются крупные миски с отогнутым наружу венчиком, короткими вертикальными стенками и подкосом (табл. I, *3*), а также высокие конические бокалы. Обнаружены горшкообразные сосуды со слабо отогнутым наружу невысоким венчиком, коническая горловина с круглой в сечении ручкой и плоские без подкоса донца.

Чопли-депе

Стратиграфический раскоп на Чопли-депе заложен в северо-восточной части главного холма, размытой Каракумским каналом (рис. 2).

Длина раскопа—10 м, ширина—5,4—5,7 м. На глубине

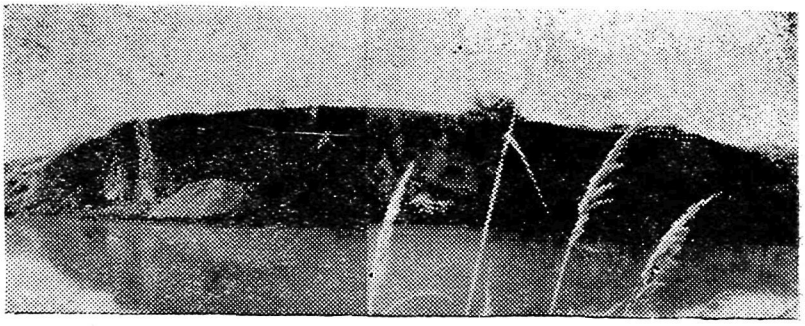

Рис. 2. Чопли-депе. Стратиграфический раскоп.

9,5 м с северо-северо-востока оставлена ступенька, сократившая ширину раскопа до 4 м. Общая глубина раскопа составляет 12 м[1]. Почти весь 12-й метр занимают мощные отложения речного песка (верхние отметки—11,9—12,2 м). Их перекрывает слой розового лёсса, имеющий толщину 0,4—1,3 м. Оба слоя относятся к материковым отложениям. Поверхность лессового слоя неровная. По всей площади шурфа прослеживаются вырытые в нем траншеи и ямы с гумусным заполнением (рис. 4). На остальной части раскопа поверхность лесса также пропитана органикой. Вся вышележащая толща холма — продукт деятельности человека. Общая толщина этих отложений, с учетом ям, впущенных в материковый лесс, в месте заложения раскопа составляет 10,8 м. Она разделяется на 10 стратиграфических горизонтов (рис. 3).

1-й стратиграфический горизонт представлен слоем мусора, перекрывающим материковый лесс. Его толщина в среднем 30—40 см (без учета ям). Каких-либо архитектурных остатков, связанных с этим горизонтом, в раскопе не обнаружено. Вероятно, в этот период обживания здесь располагался обширный хозяйственный двор. Находки из этого слоя представлены преимущественно керамикой. Среди ремесленной керамики, изготовленной на гончарном круге с черепком хорошего качества, преобладают мелкие обломки красноангобированных бокалов, форма которых полностью не восстанавливается. Чаши представлены преимущественно обломками донец, имеются чаши с плоским дном и чаши, снабженные глубоким кольцевидным поддоном (табл. II, *51, 57*). На дне резервуара некоторых чаш вырезаны глубокие кольца. Горшки и кувшины представлены плоскими донцами разного диаметра. Одни из них обработаны на гончарном круге, другие сохранили следы песчаной подсыпки. Венчики хумов двух разновидностей. Первая—слегка отогнутая наружу стенка заканчивается валикообразным утолщением (табл. III), вторая — венчик также утолщен, но наружная его поверхность разделена на два валика, нижний из которых украшен часто расположенными вмятинами от пальца. Лепная керамика представлена верхней частью крупного лепного горшка. Короткий вертикально поставленный венчик переходит в пологие плечики. В тесте обильная примесь шамота (табл. II, *52*).

2-й стратиграфический горизонт представлен остатками постройки, занимающей северо-западную часть раскопа, и синхронными мусорными слоями (рис. 3, 4). В раскоп частично вписались остатки трех прямоугольных помеще-

[1] За условный репер принят верхний край раскопа, который не является высшей точкой холма.

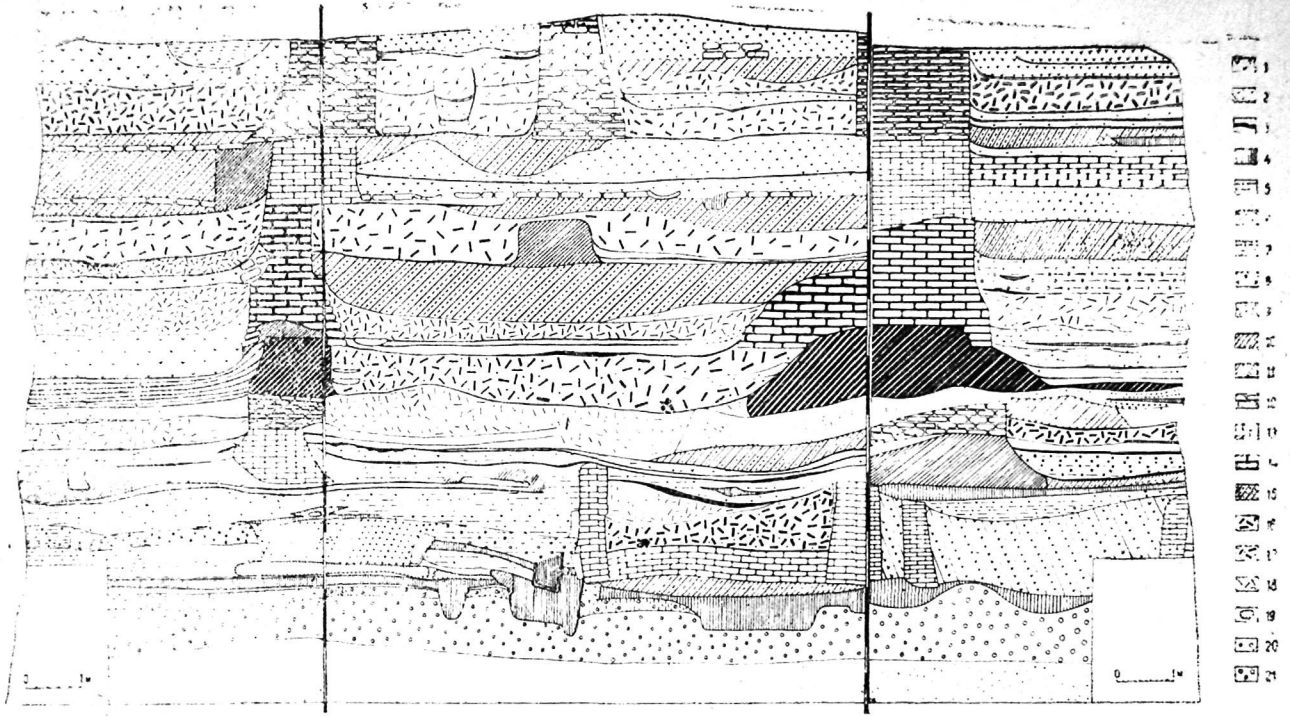

Рис. 3. Чопли-депе. Стратиграфический раскоп. Развертка: *1*—рыхлый культурный слой; *2*—плотный культурный слой; *3*—полы и зольные прослойки; *4*—зольные, гумусные прослойки; *5—8* — частые тонкие прослойки мусора; *9*—песок; *10—11*—пахсовые стены; *12—14*—сырцовые кладки; *15*—нивелировочные засыпки и забутовки; *16—18*—завалы; *19*—участки обожженной земли; *20*—лесс, пропитанный органикой; *21*— розовый лесс («материк»).

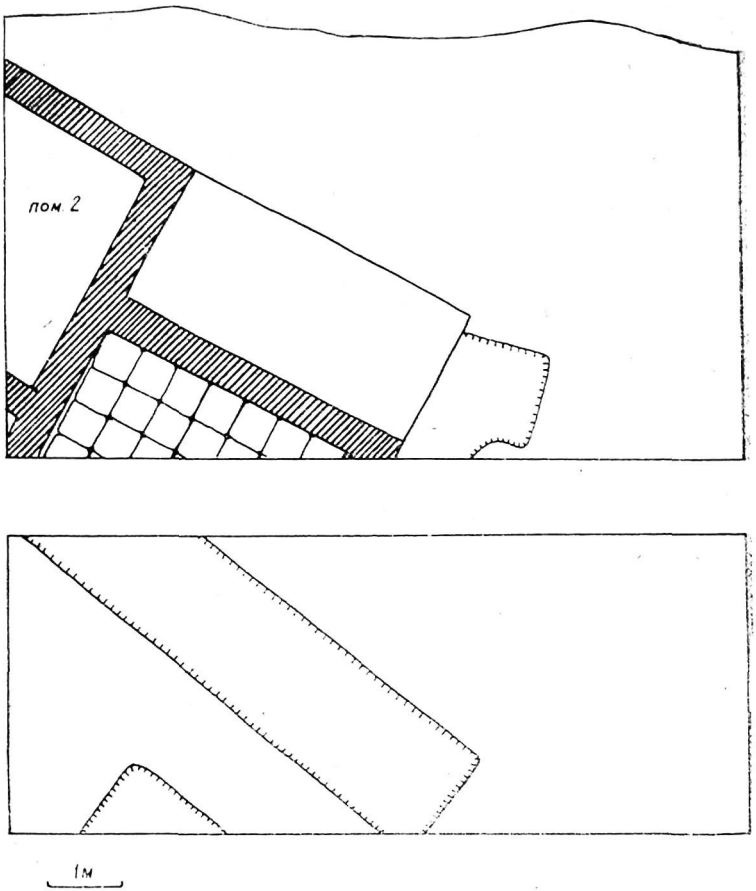

Рис. 4. Чопли-депе. Стратиграфический раскоп. Планировка на уровне 1-го (внизу) и 2-го стратиграфических горизонтов.

ний. Одна из сторон помещения 1—3,65 м, помещения 2—3,15 м. Угол постройки занят пахсовой суфой. Ширина ее—1,9—1,95 м, длина—4,4 м, высота—0,5 м. Такая же суфа или сплошная вымостка из сырцового кирпича расположена в помещении 1. Вся постройка возведена из сырцового кирпича размерами 40—43×40—43×10—12 см. На некоторых обнаружены клейма в виде диагональной линии или полукруга, образованного двумя параллельными бороздами (рис. 5). Внутри помещений залегают рыхлые мусорные слои и завалы. Стены постройки, возможно, несколько раз перекладывались.

В разрезе стен помещения 1 хорошо заметно использование кирпичей разного цвета и смещение отдельных участков кладки. Если принять во внимание эти наблюдения, то в перестройке здания можно выделить три этапа. Остальная часть раскопа, по-видимому, приходится на обширный двор. Здесь преимущественно горизонтально залегают тонкие (5—10 см) прослойки мусора, представленного золой, песком и гумусом зеленого и коричневого цветов. Коричневые прослойки, вероятно, остатки сопревшей соломы и навоза, т. е. можно предполагать, что на этом дворе содержался скот. Горизонтальное залегание прослоек местами нарушается ямами, относящимися к этому же периоду обживания.

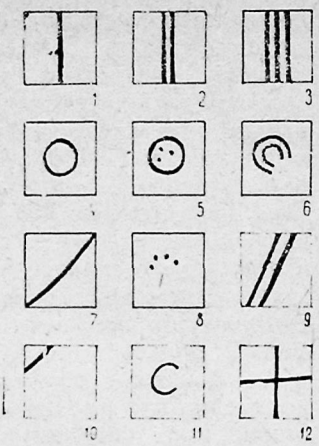

Рис. 5. Клейма на сырцовых кирпичах: Мирзабек-кала (*1—4*); Чопли-депе (*1—2, 4—5, 11—12*); Дешикли-депе (*1, 4, 8*); Ак-депе (Бургучи) (*1—2, 7, 9, 11*); Бешир-кала (*4, 11*); Сакар-кала (*4*); Уч-агач-депе (*8*); Омар-кала (*1—2*).

Максимальные нижние отметки этого горизонта — 990—1010 см, верхние—780 см. Юго-восточная стена помещения 1 значительно выступает вверх и, вероятно, каким-то образом использовалась в следующий период обживания. Усредненная толщина этого слоя—1,5 м. Четкое разделение слоев 1-го и 2-го горизонтов отсутствует. На большей части раскопа слои 2-го горизонта непосредственно налагаются на слои 1-го (различаются они в основном по цвету), лишь под суфой и стенами помещения 1 имеется небольшая нивелировочная подсыпка.

Керамика из этого горизонта, как из всех других, сильно фрагментирована. Доминирует красноглиняная[1] круговая керамика с хорошим качеством черепка, около 16% приходится на долю лепной, с примесью шамота в тесте; одним обломком чаши представлены черноглиняные изделия.

Бокалы на ножке составляют около 10% всей керамики[2]. Сосуды этого вида, как правило, покрыты двусторонним красным ангобом. Целых форм нет, поэтому разновидности выделить трудно. Предположительно, большинство бокалов относится к числу рюмковидных, но есть, вероятно,

[1] Черепок в изломе розовый, красный, красно-коричневый, коричневый, желто-коричневый.

[2] При подсчете керамики учитывались только венчики.

колоколовидные[1]. Диаметр большинства венчиков—16—18 см, но есть и 13 см. Бокалы имели тонкую высокую (7—8 см), неустойчивую ножку (диаметр основания—4,3—6 см). В небольшом количестве имеются маленькие дисковидные поддоны, которые в равной степени могли принадлежать и бокалам, и чашам (табл. II, *28, 42*). Одним экземпляром представлены плоскодонные бокалы (табл. II, *9*).

Чаши (около 30%). Выделяется два основных типа: в виде шарового сегмента и с развернутыми наружу плавно изогнутыми стенками. Среди первой разновидности имеются глубокие и мелкие, у некоторых чаш стенки почти прямые. Венчики обычно скругленные, но иногда и подтреугольной формы. Большинство чаш со слегка вогнутыми дисковидными или кольцевыми поддонами. На дне резервуара нередко имеются одно или два врезанных кольца. Большинство чаш с двух сторон, или только внутри, покрыты красным ангобом.

Тазы и миски[2] (около 4%). Известны экземпляры с диаметром венчика 35—42 см. Косо поставленные стенки заканчиваются подтреугольным (вершиной вверх), выступающим наружу венчиком. В некоторых случаях наблюдается тенденция к более сложной профилировке венчика.

Кувшины и горшки[3] (более 40%). По диаметру венчика можно выделить две группы: узкогорлые (диаметр—10—15 см) и широкогорлые (диаметр—до 26 см, обычно—24—25 см). Для всех горшков и кувшинов характерна хорошо выраженная цилиндрическая или коническая горловина. По профилю венчики можно разделить на следующие разновидности: 1) подтреугольные, приостренные сверху (это наиболее многочисленная группа); 2) подпрямоугольные, выступающие наружу; 3) Т-образные; 4) сложно-профилированные, наружный край расчленен на несколько валиков; 5) скругленные. Венчики двух последних разновидностей встречаются редко. Ручки кувшинов имеют многоваликовую или округлую спинку. Столовые кувшины ангобировались и украшались процарапанным орнаментом в виде синусоиды в обрамлении одиночных или спаренных прямых линий (табл. II, *38*). Иногда такой орнамент расположен в два регистра.

Кухонные горшки (около 12%). Лепные, с шамотом в тесте, часто закопчены. Форма предположительно шаровидная. Дно плоское или выпуклое. Горловина отсутствует или имеет вид короткого вертикального бортика. Венчик образо-

---

[1] Классификацию бокалов кушанской Бактрии см.: *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. — МИА, 1966, № 136.

[2] К этой категории отнесены чашевидные сосуды с диаметром венчика свыше 25 см.

[3] Сильная фрагментированность имеющегося материала не позволяет четко разделить эти формы

ван плоским срезом или скруглением стенки, в единичных случаях он имеет подтреугольное сечение.

Жаровни. Представлены одним экземпляром. Слегка наклонённый наружу бортик имеет высоту 5 см, диаметр — около 50 см (табл. II, *19*). Изготовлена жаровня из теста с обильной примесью шамота.

Крышки. Имеется только один фрагмент дисковидной крышки с держаком в виде вертикально поставленной пластины.

Хумы. Найдены венчики в виде вытянутых по вертикали валиков, слегка вогнутая наружная поверхность которых разделена на два или три округлых ребра (табл. III).

В небольшом количестве встречена керамика раннежелезного века, которая достаточно хорошо опознается по фактуре и форме (см. табл. I). К тому же периоду относится обломок листовидного втульчатого бронзового наконечника стрелы (табл. IV, *6*). К еще более отдаленным временам относится кремневое орудие. Оно имеет подтреугольную форму (табл. IV, *19*). Ко времени функционирования постройки относятся ткацкие грузила из сырой глины (табл. V, *1, 4, 6*). Одно из них имеет форму эллипсоида диаметром 7,6 см. Три других — пирамидальной формы. На глубине 900—950 см в раскопе найдены два обломка терракотовых фигурок животных.

3-й стратиграфический горизонт. С него начинается планировка, с небольшими изменениями сохранившаяся до самого верха раскопа. По диагонали прослежена сырцовая стена шириной 1,5 м. На северо-востоке она поворачивает под прямым углом и уходит в северо-западный борт раскопа. Ограниченное этими стенами пространство составляет одно большое помещение № 1. В средней части раскопа к диагональной стене примыкает поперечная, имеющая северо-восточное направление (стена 3). К западу от нее расположено помещение 2, к востоку — помещение 3. Помещение 2, возможно, часть двора, так как продолжения стены 2 в северо-восточном направлении не прослежено. Но не исключено, что на стыке стен 1 и 2 находился проход, а расположенная далее к северо-востоку стена 4 (?) полностью смыта. Стена 1 сложена из сырца (40—42×40—42×10—12 см), стены 2 и 3—из пахсы. Все помещения, вероятно, имели хозяйственное назначение, так как в помещении 1 обнаружены нижние части четырех хумов, столько же—в помещении 2 и один хум—в помещении 3.

Мощность горизонта—0,4—1,5 м, он залегает преимущественно на глубине 7,5—8,5 м от репера. Заполнение представлено многочисленными тонкими горизонтальными прослойками бытового мусора (зола, гумус, песок), свидетельствую-

щими о длительном постоянном использовании постройки. От нижележащих слоев этот горизонт на большей части раскопа отделен тонкими зольными прослойками.

Керамика из этого слоя представлена теми же фактурно-технологическими группами (черноглиняной нет совсем) и теми же формами (табл. VI, *33—77*).

Бокалы (около 8%). По-прежнему нет возможности полностью восстановить их форму. Можно лишь отметить, что для этого горизонта характерны бокалы с узким постепенно расширяющимся резервуаром, переход от тулова к ножке иногда отмечен валиком (табл. VI, *65, 69*).

Чаши, выявленные в предшествующем горизонте, продолжают бытовать и в этот период. Наиболее многочисленны чаши с плавно развернутыми наружу стенками. Найдены целые экземпляры, подтверждающие, что для этих чаш характерны вогнутые дисковидные поддоны (табл. VI, *41*). В средней части стенки с внутренней стороны иногда бывает легкий перегиб, а на дне резервуара — кольцевая врезка или небольшое округлое углубление. Большим разнообразием отличаются чаши в виде шарового сегмента. Чаши с подтреугольным венчиком получают разделку валиками (табл. VI, *63*). Единственным экземпляром представлена глубокая чаша с круто отогнутым коротким венчиком (табл. VI, *53*). Встречаются чаши как с ангобным покрытием, так и без него.

Горшки и кувшины (45%). В материалах из этого горизонта не обнаружены скругленные и Т-образные венчики. Продолжают встречаться лишь треугольные и подпрямоугольные. Но наиболее многочисленными становятся сосуды со сложно профилированными венчиками. Становятся обычными и приобретают «классические» очертания подтреугольные венчики с разделкой внешней плоскости на три валика. Диаметр венчиков горшков и кувшинов—8—26 см, но наиболее многочисленны горловины диметром 10—15 см. Найден обломок миниатюрного горшочка, к сожалению, без венчика (табл. VI, *66*). Ручки кувшинов овальные или гребенчатые в сечении. В одном случае у нижнего корня ручки имеется глубокая вмятина пальцем. Столовые кувшины продолжают украшаться процарапанным орнаментом и ангобом.

Кухонные горшки (9%) значительно варьируют в пределах одного типа. Верхние части стенок наклонены внутрь, горловина выражена слабо, часто совсем отсутствует (табл. VI, *40, 49, 60, 61*).

Хумы (15%) имеют разнообразные венчики. Изредка— в виде округлого валика, чаще — внешняя поверхность имеет двухчастное деление, нижний валик обычно маленький, приостренный (см. табл. III). Эта очень распространенная в кушанских комплексах форма венчиков условно названа скобчатой

из-за отдаленного сходства с фигурной скобкой. Донца хумов чаще всего выпуклые, большого диаметра.

Кроме керамики в слоях данного горизонта найдены ткацкие грузила из сырой глины в виде эллипсоидов и параллелепипедов, обломок железного ножа (см. табл. IV, *7*), два сверленых астрагала и торсы двух лепных терракотовых статуэток (см. каталог терракот № 16—17).

4-й стратиграфический горизонт. Максимальные высотные отметки этого горизонта—800 и 645 см, но в основном он расположен между отметками 750—670 см. Планировка на этом периоде не изменяется (рис. 6), но здание подвергается капитальному ремонту. Старые стены были срублены и на их остатках возведена кладка из плохо формованного, часто деформированного сырца. С этим горизонтом связаны значительные слои завалов, особенно в помещении 1. В конце периода здание было разрушено и некоторое время, возможно, находилось в полном запустении. В юго-западном углу раскопа над стеной залегает слой плотного песка.

Небольшая мощность слоя обусловила и малочисленность находок. Найдено всего 70 венчиков. Красноангобированные, часто лощеные бокалы составляют 40% всех находок. Примечательны ранее не встречавшиеся загнутые внутрь венчики (табл. VI, *18*). Насколько можно судить по имеющимся фрагментам, использовались в основном бокалы двух разновидностей — на высокой тонкой ножке с одним или двумя приостренными ребрами (табл. VI, *12*) и на массивной относительно невысокой ножке высотой 4—5 см. Среди чаш (25%) доминируют два ранее отмеченных типа. Чаши с развернутыми наружу стенками и полусферические. На одной из них, с круто загнутым внутрь венчиком, имеется орнамент в виде процарапанной волнистой линии (табл. VI, *11*). Среди поддонов замечается преобладание низких дисковидных с плоским или слегка вогнутым основанием. Вазообразные сосуды (тазы) представлены двумя венчиками. Один принадлежит крупной миске (диаметр—36 см) с пологими стенками и подтреугольным венчиком, второй — «вазе» с почти вертикальными стенками и нарезным орнаментом на внутренней поверхности (табл. VI, *29, 31*).

Большинство горшков и кувшинов (около 40%) имеют утолщенные выступающие наружу венчики по форме в сечении близкие к треугольнику или прямоугольнику. Наружная поверхность многих из них украшена тремя валиками. Ручки в сечении овальные или гребенчатые. Довольно часто встречаются стенки с процарапанной синусоидой в прямолинейном обрамлении. Иногда на плечики нанесены два ряда такого орнамента. Значительно чаще, чем в нижележащем слое,

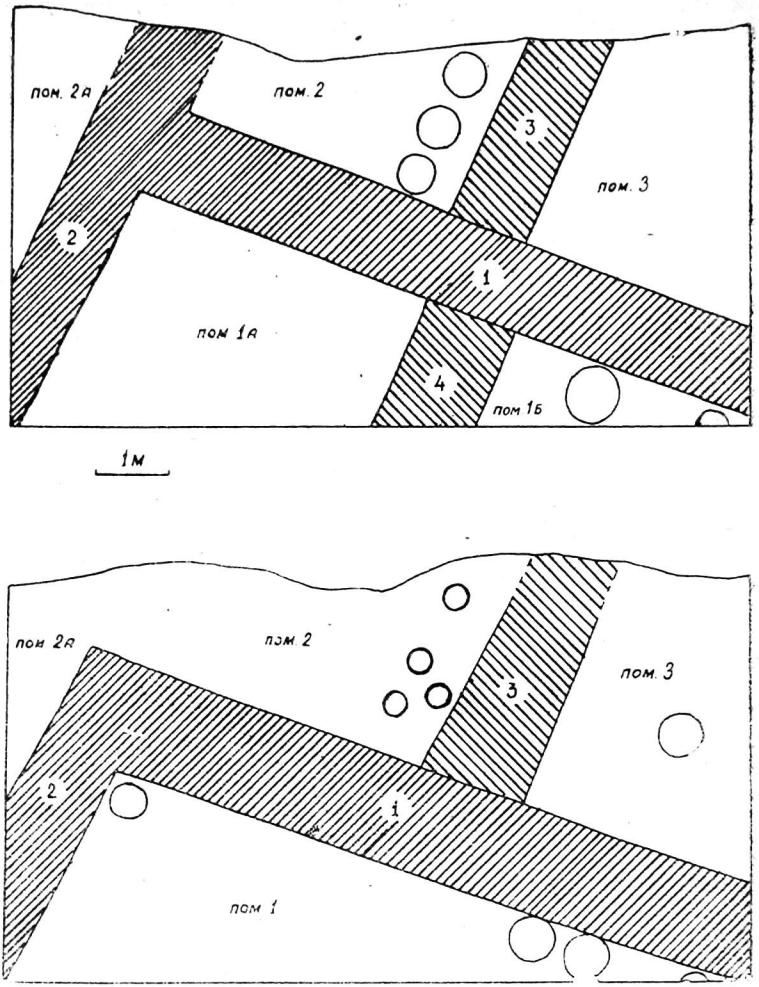

Рис. 6. Чопли-депе. Стратиграфический раскоп. Планировка на уровне 4-го (внизу) и 7-го стратиграфических горизонтов.

встречаются миниатюрные горшочки (табл. VI, *25*). Появляются крупные корчаги (?) с диаметром горла—30—40 см. Манжетовидные венчики снаружи оформлены тремя сглаженными валиками. Ниже венчика по сырой глине сделаны четыре (?) сквозных отверстия. Двумя фрагментами представлены горшки с плавно отогнутым наружу венчиком (диаметр—17 см). Формы кухонных горшков и хумов практически

не меняются. Среди последних следует отметить экземпляры с равномерно расположенными оттисками пуансона или пальцев (см. табл. III). Единственным экземпляром представлена жаровня, изготовленная из комковатой глины с примесью рубленой соломы. Обжиг слабый. Форма обычная—плоское дно и вертикальный скругленный вверху борт. Диаметр—свыше 60 см.

Для датировки горизонта важен пол—700 см в помещении 2, на котором найдена монета Канишки. С этим полом связан очаг, стенки которого сооружены из сырцовых, поставленных на ребро, кирпичей. Очаг прямоугольный—34×32 см, высота—30 см. В нем — обломки описанной выше жаровни. На разных уровнях этого горизонта найдены цилиндрическое лепное пряслице, каменное пряслице, костяная обкладка лука (табл. IV, *9*), перламутровая раковина, костяной игольник (см. табл. IV, *1*), обломок железного трехперого черешкового наконечника стрелы (см. табл. IV, *2*), просверленные астрагалы, а также неизвестного назначения костяной предмет. Он имеет форму шара диаметром 1,8 см. С одной стороны шар плоско срезан, с другой — (диаметрально противоположно) имеет короткий трубчатый отросток. По оси этого отростка через шар проходит сквозное отверстие. В боковых сторонах шара имеется еще три отверстия, расположенных на равном расстоянии друг от друга (см. табл. IV, *10*). В помещении 3 найдена бронзовая бритва (?) — прямоугольная, приостренная с одного края пластина (длина—5 см, ширина—1,5 см) (см. табл. IV, *22*). Принадлежность данного предмета к описываемому комплексу сомнительна. В помещении 1 в хуме на полу—735 см найдены многочисленные обломки пирамидальных и эллипсоидных грузил. Довольно часто в слоях 4-го горизонта встречаются целые и фрагментированные жженые кирпичи (квадратные, со стороной 28—31 см, толщиной—4—4,5—5 см). По качеству черепка и форме они удивительно напоминают средневековые.

5-й стратиграфический горизонт. Все сохранившиеся стены постройки этого периода возведены из пестрой пахсы. Однако не исключено, что из пахсы были сооружены только цоколи стен, так как внутри помещений обнаружены завалы из обломков сырцового кирпича. Наслоения 5-го горизонта в основном залегают между отметками 670—600 см. Помещение 1 заполнено завалом и четких уровней полов здесь не зафиксировано, хотя вблизи юго-восточного угла раскопа обнаружено два расположенных один над другим хума. В остальных помещениях с нижними уровнями этого горизонта связаны многочисленные тонкие горизонтальные прослойки мусора. В помещении 1 с этим периодом связана дополнительная стена, возведенная перпендикулярно к стене 2, в результате ширина помещения сократилась до 2,5 м.

Среди керамики 5-го горизонта обломки бокалов встречаются редко (около 6%). Наиболее крупный фрагмент венчика принадлежит небольшому узкому бокальчику (диаметр—16 см) с тонкой неустойчивой ножкой (табл. VII, *35*). Чаши почти исключительно представлены обломками сосудов в виде шарового сегмента. Преобладают глубокие полусферические. Много дисковидных поддонов. Одним фрагментом представлены полусферические чаши или крышки с горизонтально отогнутым венчиком. Вазообразные сосуды представлены крупным фрагментом с диаметром венчика 31 см. Стенки крутые, венчик слегка отогнут. На внутренней поверхности процарапан орнамент—волнистые и прямые линии. Вертикально расположенные ручки верхним корнем прикреплены к венчику (табл. VII, *42*). В формах кувшинов, горшков, котлов и хумов нет значительных изменений. По крупным фрагментам устанавливается, что часть кувшинов была двуручной. Ручки крепились к плечикам. В слоях этого горизонта найдены обломки двух статуэток «богини с виноградной гроздью» (см. каталог терракот № 7, 32).

6-й стратиграфический горизонт находится на глубине 4—6 м раскопа. В помещении 1 зафиксированы три уровня полов—600—580—570 см, разделенные прослойками рыхлого мусора. В помещении 2 был еще один пол—550 см. Планировка в этот период остается прежней, но пахсовые стены заменены сырцовыми. От вышележащих слоев горизонт отделен мощными прослойками завалов и нивелировочных подсыпок. Эти подсыпки были сделаны уже при последующем строительстве, но насыщенны материалами, относящимися к шестому горизонту. В слое подсыпки кроме керамики найдены шаровидная стеклянная бусина (см. табл. IV, *16*), небольшая плоская галька с отверстием в центре (см. табл. IV, *15*), головка терракотовой статуэтки и эллипсоидное ткацкое грузило. В помещении 2 на полу—550 см найден обломок торса терракотовой статуэтки, в слоях этого горизонта также найдены обломки нескольких терракотовых фигурок животных.

В рыхлых культурных слоях, соответствующих периоду функционирования постройки, найдены обломки 50 сосудов (см. табл. IV, *1—11*).

Бокалы (6%) представлены тремя венчиками, среди которых следует отметить обломок сосуда со слегка сужающимся вверх резервуаром. Ножек нет.

Чаши (8%) представлены венчиками полусферических сосудов. Продолжают встречаться низкие дисковидные поддоны.

Тазы. Небольшой археологически целый таз имеет круто

поставленные стенки и крючковидный венчик. Диаметр венчика—26 см, дна—14, высота—13,5 см (табл. VII, *10*).

Горшки и кувшины. Форма одного из кувшинов полностью восстанавливается. У него небольшой подтреугольный венчик с бороздкой по верхнему краю. Цилиндрическая горловина плавно переходит в округлые плечики. Тулово бочковидное, дно плоское с небольшой выступающей закраиной. Под венчиком четыре крестообразно расположенные отверстия, на плечиках две гребенчатые ручки и орнаментальный пояс из двух волнистых линий. Диаметр венчика—17,4 см, дна—12 см, высота — около 26 см (табл. VII, *3*). Следует также отметить крупный фрагмент небольшого горшка с уплощенным сверху венчиком с концентрическими бороздками. Коническая горловина незаметно переходит в округлое тулово. На плечиках несколько врезанных линий (табл. VII, *6*). Горшки и кувшины из этого горизонта не отличаются от материалов предшествующего периода.

Крышки нескольких разновидностей: дисковидные с цилиндрическим держаком; дисковидные с держаком в виде плоской вертикальной пластины (для удобства в боковых плоскостях сделаны вмятины) и чашевидные. Фрагменты последних трудно отличить от чаш. У них небольшое плоское дно, слабовыпуклые стенки и горизонтально отогнутый венчик (диаметр—16—20 см). Отличить их от чаш помогает отсутствие ангоба и сквозное отверстие в «донце», сделанное по сырой глине.

Кухонные котлы (16%). Имеющиеся фрагменты позволяют полностью реконструировать форму этих сосудов. Один из найденных в этом слое котлов имел небольшую плоско срезанную сверху горловину высотой около 1 см, бочковидное тулово и сильно выпуклое дно (табл. VII, *5*). Диаметр венчика—17 см, дна—20 см, высота—около 23 см.

Фляги. В 6-м горизонте впервые встречена фляга. Она почти целая. Широкое плоское дно снаружи не обработано и сохранило следы песчаной подсыпки. Изготовленный на круге резервуар имеет форму слегка сплюснутого шара. Вблизи его вершины с небольшим отклонением от вертикали прикреплена длинная широкая горловина. Она соединена с корпусом небольшой ручкой (табл. VII, *4*).

Хумы (24%). Преобладают «скобчатые» венчики. В небольшом количестве встречаются также валикообразные и манжетовидные (см. табл. III).

7-й стратиграфический горизонт. В этот период продолжают использоваться добротные ранние стены. Выделение горизонта, залегающего в основном между отметками 470—340 см, обусловливается рядом факторов. От нижних полов верхние отделены мощными слоями завалов и специа-

льной нивелировочной подсыпкой в помещении 1. Стена, перпендикулярная стене 2, в этот период не восстанавливается. Взамен ей строится пахсовая стена 4, перпендикулярная стене 1. Стена 2 получает продолжение в северо-восточном направлении и четко отграничивает помещение 2 (см. рис. 6). Следует отметить, что в данный период обживания полы в помещении 1, благодаря специальной нивелировочной подсыпке, находятся много выше, чем в других помещениях. В помещении 1 основной пол горизонта имеет отметку 420—440 см, в помещениях 2 и 3—470 см, а в помещении 2а—500 см. Мусорные слои в горизонте невелики по мощности, что может быть принято как свидетельство скорого запустения построек этого периода. Помещения в основном заполнены рыхлым завалом, в котором найдены фрагмент миниатюрной базы (табл. VIII, *3*) и обломок бронзового перстня (см. табл. IV, *24*). В помещении 2 на полу с отметкой 470 см найдены две монеты Канишки (см. каталог монет № 8—9). Раскапываемые помещения, по-видимому, продолжали использоваться как хозяйственные. В помещении 2 вдоль юго-восточной стены было установлено три хума, от которых сохранились только придонные части. В помещении 1а также обнаружены остатки двух хумов.

В слоях 7-го горизонта найдены фрагменты 54 венчиков. Столовые сосуды открытого типа малочисленны. Найдены лишь два прямых вертикальных венчика бокалов и один венчик крупной чаши (табл. IX, *22*). Крупные столовые миски также представлены одним венчиком подтреугольной формы с разделкой наружной поверхности на три валика (диаметр—39 см). Стенки миски прямые, крутопоставленные. На внутренней поверхности сосуда—волнистый орнамент в два ряда (табл. IX, *41*).

Для горшков и кувшинов по-прежнему характерны различные варианты подтреугольных, манжетовидных и сложно-профилированных венчиков. Среди кувшинов, насколько можно судить по имеющимся фрагментам, преобладают сосуды с горловиной диаметром 10—15 см и двумя ручками на плечиках. Появляются подпрямоугольные и трапециевидные венчики и валики на горловине (табл. IX, *27*). Среди горшков имеются венчики и один археологически целый широкогорлый и широкодонный сосуд с круто отогнутым наружу верхним краем стенки. Горловина отсутствует. Диаметр венчика — 20 см, дна—14 см, высота—13,7 см (табл. IX, *18*). Продолжают встречаться манжетовидные венчики крупных корчаг или кувшинов (табл. IX, *35, 40*). Особого упоминания заслуживает маленький конический слив от «поильника». На юге Узбекистана эти сосуды широко распространены, для Чоплидепе это единственная находка (табл. IX, *37*).

Не совсем ясно назначение толстостенного цилиндрического изделия, найденного в помещении 3. Сохранившийся слегка сужающийся его край сверху плоско срезан. Диаметр—14,5 см, длина—20 см. Изделие похоже на водопроводную трубу, но ниже венчика имеется полоса волнистого процарапанного орнамента, что заставляет видеть в нем обломок какого-то бутылеобразного сосуда (табл. IX, *20*).

Кухонные горшки практически не меняют своей формы. Одни из них имеют небольшой вертикально поставленный венчик (табл. IX, *24*), у других—край загнутой внутрь стенки никак не оформлен (табл. IX, *31*). Среди крышек имеются обломки дисковидных плоских (диаметр—13 и 20 см) и конических (диаметр—17 см), без отогнутого наружу края.

Венчики хумов по-прежнему дают множество вариантов в пределах выделенных выше типов, какие-либо четко выраженные специфические черты для изделий этого периода выделить трудно. Среди находок следует отметить хум с оттиском печати или штампа (помещение 3) и хумы с процарапанными по сырой глине тамгообразными знаками (рис. 7, *1—2, 5*).

8-й стратиграфический горизонт залегает в пределах 3—4 м раскопа. Средняя его толщина—1—1,2 м. От слоев предыдущего периода он надежно изолирован нивелировочными подсыпками. В планировке отмечаются значительные изменения. Помещение 1 вновь становится единым. Для этого периода удалось выявить его длину — 7,7 м. Помещение 2 лишается северо-восточной стены. На уровне восьмого горизонта впервые установлена его ширина—3,6 м. В помещении 3 вдоль стен устраиваются высокие пахсовые суфы (рис. 8). Следует отметить, что сначала были возведены новые кладки стен и лишь затем сделаны нивелировочные подсыпки. Самый нижний пол этого горизонта, имеющий отметку 320 см, вымощен сырцо-

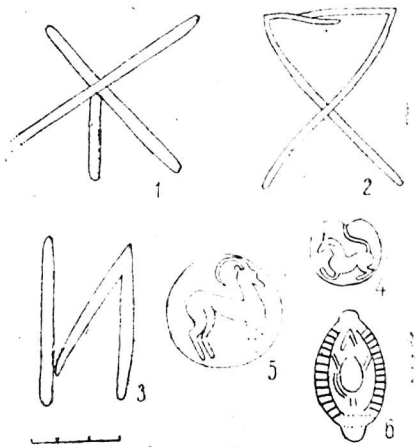

Рис. 7. Знаки на хумах (*1—3*) и оттиски печатей на керамике (*4—6*). Оттиски увеличены по сравнению со знаками в 2 раза: *1—2*—Чопли-депе, 7-й стратиграфический горизонт; *3*—Ак-депе (Бургучи), 3-й стратиграфический горизонт; *4* — Тилля-депе, подъемная; *5*—Чопли-депе, 7-й стратиграфический горизонт; *6*—Кургенкала, подъемная.

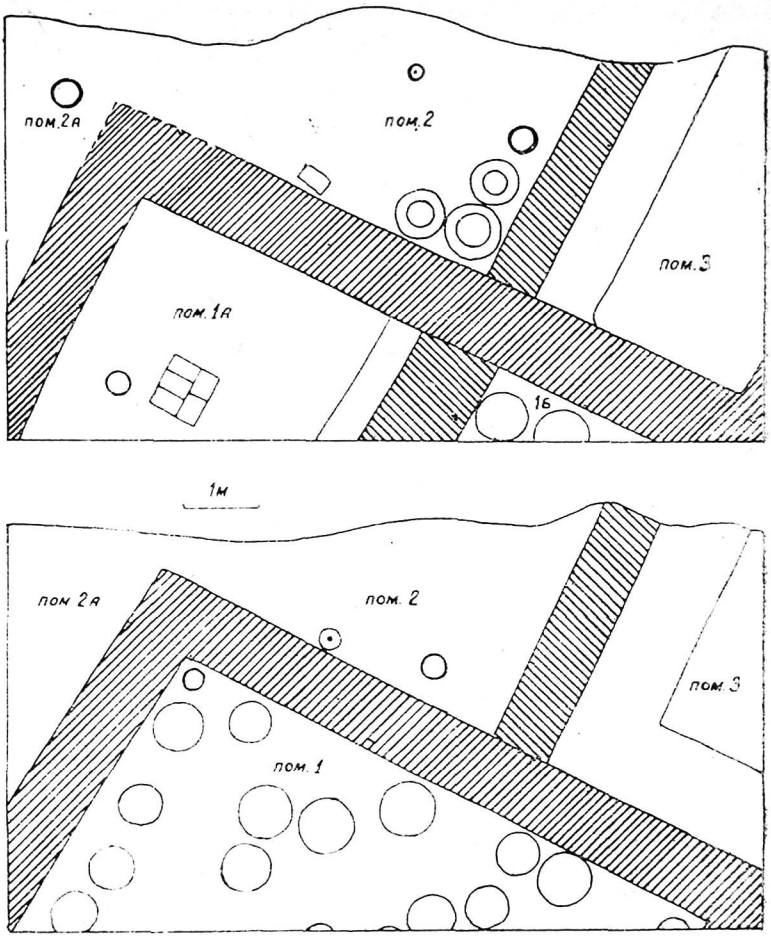

Рис. 8. Чопли-депе. Стратиграфический раскоп. Планировка 8-го (внизу) и 9-го стратиграфических горизонтов.

выми кирпичами. В некоторых местах вымостка нарушена, на дне таких углублений фиксируются песчаные линзы. Наблюдениями при раскопках установлено, что ямки с песчаной подсыпкой—следы установки хумов. Наиболее важен в 8-м горизонте пол с отметкой 305—285 см. На нем в помещении 1 было установлено в пределах раскопанного участка 17 хумов. Они практически занимают все помещение, между группами хумов оставлены лишь узкие проходы. Некоторые хумы неглубоко вкопаны, но большинство устанавливалось

непосредственно на полу и для устойчивости обкладывалось обломками сырцовых кирпичей. На полу между хумами найдены три монеты Васудевы и две—Канишки III. Еще две монеты этих же правителей найдены в верхних слоях горизонта (240—230 см). Кроме монет на полах этого горизонта найдены каменные и керамические пряслица, гипсовая пробка, обломки железных изделий и просверленные астрагалы. Помещение 2 на позднем этапе закладывается пятью рядами тщательной сырцовой кладки. В этой закладке на отметке 280 см найден целый жернов, а на 250 см — бронзовая ложечка (см. табл. IV, *3*). В кладке стен, вымостках полов и закладках использован сырцовый кирпич — 34—36×34 — 36×10—12 см.

Керамика из этого слоя представлена венчиками горшков, кувшинов и хумов. Обломков бокалов нет, чаши и кухонные горшки известны лишь по донцам и стенкам. Четкие треугольные и манжетовидные венчики горшков и кувшинов встречаются редко. Преобладают сложнопрофилированные венчики, расчлененные валиками и бороздками. Характерной чертой профилировки венчиков данного горизонта становится остроребериость. На горловине часто появляется валик, утолщение или ребро. Столовые кувшины покрываются красным ангобом. Иногда встречается волнистый орнамент, но уже без обрамления из прямых линий. Небольшую группу составляют горшки и кувшины с Т-образным или приостренным венчиком. Единственным экземпляром представлена корчага с Т-образным венчиком, выступающим как внутрь, так и наружу (табл. IX, *5*). Она изготовлена из теста с обильной примесью гипса. По наружному краю венчика пальцем нанесены косо расположенные вдавления, на плечиках — полоса волнистого процарапанного орнамента. Среди хумов следует отметить появление венчиков в виде вытянутых по вертикали утолщений, наружная сторона которых оформлена несколькими (три—четыре) разными по величине и конфигурации валиками[1]. У одного такого венчика на двух нижних валиках частые вмятины пальцем.

9-й стратиграфический горизонт как и все предыдущие выделяется по новым кладкам стен (см. рис. 3). Низ этого горизонта на глубине 225—210 см. На большей части раскопа он отделен от более ранних слоев нивелировочными подсыпками, причем на этот раз они предшествуют кладкам стен. В помещении 3 пол вымощен одним рядом сырцовых кирпичей. Размеры кирпича те же, что в кладке стен—34×

---

[1] В более ранних слоях этот вариант почти не встречается. Единственный близкий по форме венчик найден в 4-м горизонте (см. табл. III).

×34×10—12 см. В этот период помещение 1 вновь разделяется на две части. Поперечная стена пристроена впритык к диагональной (см. рис. 8). Эта постройка обживалась довольно длительное время. На стенах помещения 1а зафиксировано пять слоев штукатурки, четыре из них—из глины с саманом, пятая, верхняя—алебастровая. В помещении 1а выявлено три пола—220, 180 и 145 см. На верхнем полу примерно в середине помещения обнаружена прямоугольная вымостка (65×75 см) из трапециевидных жженых кирпичей, ширина оснований — 26—24 см, высота—37—38 см, толщина —4,5 см. Обломки подобных кирпичей довольно часто встречаются в других частях раскопа. В помещении 1б было установлено два хума. Форма одного из них восстанавливается полностью. Это крупный бочковидный сосуд с выпуклым дном и «скобчатым» венчиком (табл. X, *8*). Диаметр венчика—46 см, дна—52 см, высота—137 см. В помещении 2 зафиксировано три основных уровня полов—220, 183 и 160 см. На среднем полу установлено четыре хума, три из которых к моменту раскопок были практически целыми, от четвертого сохранилось только плоское дно. Из трех целых хумов два имели бочковидное тулово (табл. X, *1, 2*), третий—бутылеобразное (табл. X, *3*). Венчики у всех разные: у одного — «скобчатый», у второго—«манжетовидный», оформленный снаружи четырьмя приостренными ребрами, у третьего хума—тонкий венчик сильно отогнут наружу. Все хумы пустые, заполнены плотной слежавшейся пылью. Наиболее обильные находки керамики в этом помещении связаны с полом с отметкой 160 см. В помещении 3 нижний пол имеет отметку 225 см. Второй пол — 209 см. Спустя некоторое время здесь вдоль северо-западной стены была построена суфа шириной—75 см, высотой—50 см.

Важнейшими находками в напластованиях 9-го горизонта являются монеты. Всего найдено 14 экземпляров, но определить удалось только 10 (см. каталог монет). С нижними прослойками связаны находки трех монет—Васудевы и подражаний его чекану. В помещении 2 на полу 200 см найдено четыре монеты, но определена только одна—кушаншаха Варахрана. На вышележащих полах и в завалах найдены только монеты сасанидо-кушанского чекана: Пероза(?), Хормизда, Варахрана и других точно не определенных правителей. Керамика из этого горизонта многочисленна и разнообразна (табл. XI, XII).

Чаши составляют около 10% всех находок. Наиболее часто встречаются неглубокие тонкостенные большого диаметра. Венчик загнут внутрь или имеет вид вертикального бортика резко отделенного перегибом или ребром от остальной части стенки (табл. XI, *24—25, 28, 34*). Чаши этого вида ангобированы, иногда украшены редкими радиальными полосами ло-

щения. Единичными экземплярами представлены чаши в виде шарового сегмента и глубокие чаши со слабо отогнутым наружу венчиком (табл. XI, *19*). Новой формой являются бокаловидные чаши с перехватом верхней части стенки (табл. XI, *26*).

Тазы и миски. Отмечаются две разновидности. Крупные тарелкообразные сосуды с косопоставленным венчиком. Снаружи прикреплены массивные вертикальные ручки, их, вероятно, две (табл. XII, *40*). Второй тип появляется только в данный период. Это крупные конусовидные миски. Слегка отогнутый наружу венчик с внутренней стороны оформлен 3—4-мя ребрами, расположенными концентрическими кругами. Во впадинах между ребрами процарапан орнамент в одну-две и более линий. На край сосуда сверху вертикально прикреплены две полукольцевые ручки. Рядом с ручками обычно имеются налепные полосы с оттисками подушечек пальцев (табл. XI, *41, 43*).

Курильницы. Найдено два обломка. Один, лучшей сохранности, почти полностью сохранил резервуар в виде небольшой толстостенной чашечки (внутри следы копоти), поставленной на высокую полую ножку. Снаружи ножка оформлена гофрами (табл. XI, *29*).

Горшки и кувшины. Как и в других горизонтах, это наиболее многочисленная группа сосудов. Венчики—разнообразные. Встречаются почти все ранее отмеченные варианты. Широкое распространение получают уплощенные сверху венчики. Сосуды этой группы различны по величине и форме. В целом для них характерны относительно невысокие цилиндрические или слегка конические горловины, яйцевидное, шаровидное, бочковидное, реже — веретенообразное тулово и плоское дно. Переход от горловины к тулову, как правило, крутой, некоторые сосуды снабжены дисковидными псевдоподдонами. Крупные кувшинообразные сосуды—двуручные, мелкие—чаще одноручные. Ручки овальные или гребенчатые в сечении. Часто встречаются ручки с вмятиной на нижнем корне. Найден фрагмент ручки из двух спаренных круглых в сечении стеблей, украшенных спиральными нарезками (табл. XII, *47*).

Найдено несколько целых форм. Крупная корчага. Венчик в виде приостренного снизу валика, невысокая слегка коническая горловина, яйцевидное тулово и плоское дно. При переходе от горла к тулову имеется валик. Под венчиком—четыре сквозных отверстия по сырой глине. Две массивные ручки с «хвостовиками» прикреплены к горловине и плечику. Диаметр венчика—22 см, дна—17, высота—52 см (рис. 9, *1*).

Второй крупный двуручный сосуд имеет узкую горловину, плавно переходящую в широкие плечики, переход к нижней конической части тулова, напротив, крутой. Венчик подтре-

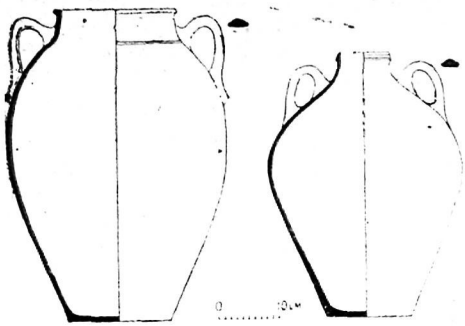

Рис. 9. Чопли-депе. Корчаги из 9-го стратиграфического горизонта.

угольный с разделкой внешней поверхности на три валика. Его диаметр — 8 см, диаметр дна—14, высота сосуда—42 см (рис. 9, *2*).

Небольшой по размерам также двуручный кувшин имеет раструбообразную горловину, плавно переходящую в бочковидное тулово. Венчик округлый, слегка утолщенный, его диаметр—10 см. Ручки массивные, гребенчатые с «хвостовиками» (табл. XI, *10*).

Имеется целый горшочек с подтреугольным, уплощенным сверху венчиком, невысокой горловиной, шаровидным туловом и плоским дном. Диаметр венчика—8,5 см, дна—8 см, высота сосуда—14,5 см (табл. XI, *15*). Наряду с крупными и средними размерами горшков и кувшинов встречаются и мелкие. Имеется маленький целый лепной горшочек (табл. XII, *42*). Миниатюрный, изготовленный на круге (!) кувшинчик имеет наибольший диаметр тулова — 4 см. На плечиках следы прикрепления ручки и потеки красного ангоба (см. табл. IV, *11*). Вероятно, это детская игрушка.

Кухонные горшки сохраняют свою форму. Один сосуд восстановлен почти полностью. У него небольшой вертикально поставленный венчик и шаровидное тулово (табл. XII, *31*). Дно могло быть плоским или выпуклым, среди находок есть фрагменты и тех, и других.

Светильники встречены двух разновидностей: в виде овальной плошки с вертикальной пластинчатой ручкой (табл. XII, *38*) и в виде узких высоких двухкамерных утюгообразных изделий (табл. XII, *32*). Верхний резервуар часто имеет следы воздействия огня. Назначение нижней емкости неясно. На боках этих светильников иногда по сырой глине процарапаны различные знаки.

Крышки по-прежнему встречаются двух разновидностей — дисковидные и конические. У последних в центре — сквозное отверстие.

Для наслоений 9-го горизонта характерно появление керамики новой фактурной группы[1]. Она имеет грубый, как пра-

[1] Один фрагмент венчика сосуда с подобной фактурой имеется среди материалов из 8-го стратиграфического горизонта. Не исключено, однако, что он происходит из нивелировочной подсыпки, т. е. может относиться ко времени возведения построек 9-го горизонта.

вило, пористый черепок обычно красного, черного или серого в изломе цвета. В тесте много добавок, состав которых требует специального изучения, визуально можно отметить лишь присутствие частиц шамота и гипса. Большинство сосудов изготовлено на круге, но есть и лепные. Обжиг в подавляющем числе случаев неравномерный. Для многих сосудов этой группы характерны Т-образные венчики. Небольшая их часть украшена небрежным волнистым орнаментом и наколками. Подобную фактуру и орнаментацию имеют преимущественно горшкообразные сосуды. Известны крупные корчаги с диаметром устья—19—23 см (табл. XII, *33, 34*), горшки с диаметром венчика—9—14 см (табл. XI, *22, 27, 31*) и миниатюрные горшочки с наибольшим диаметром тулова—7 см (табл. XI, *35*). Черепок подобной фактуры имеет также небольшая чашечка с невысокой, почти вертикальной стенкой. В средней части ее тулова расположен пояс декоративных шишечных налепов (табл. XI, *21*).

С 9-м горизонтом связаны находки многочисленных бытовых предметов, например, обломок зернотерки или краскотерки, 1 целый диск ручной мельницы (рис. 10) и несколько мелких фрагментов жерновов, 2 терочника. Все эти предметы употреблялись для помола муки или растирания красок. Имеются находки разнообразных пряслиц: каменных, терракотовых, лепных, выточенных из стенок сосудов. Пирами-

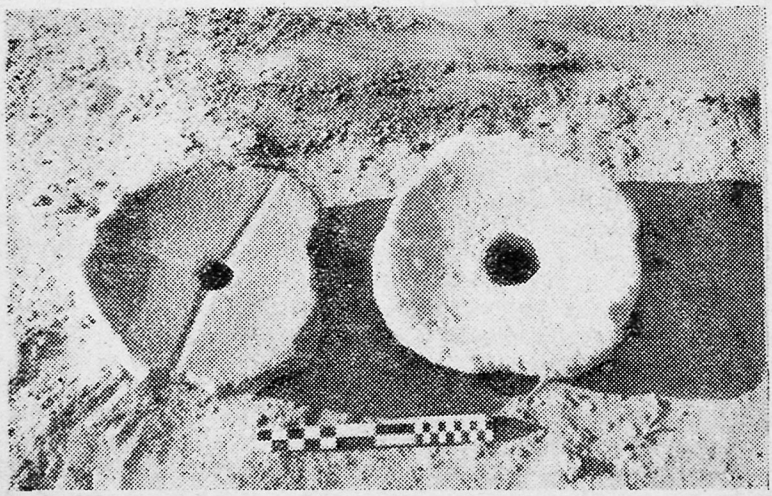

Рис. 10. Чопли-депе. Жернова.

дальные ткацкие грузила изготовлены как из сырой, так и из обожженой глины. В помещении 2 найден большой караваеобразный кусок алебастра, в разных частях раскопа встречены мелкие куски серы, керамических шлаков и обломки плохо сохранившихся железных предметов. В помещении 1 на нижнем полу обнаружена раздавленная бронзовая чашечка. Она имела полусферическую форму, диаметр венчика—8 см (табл. XIII, *4*). Обломок венчика более массивной бронзовой чаши найден в помещении 3 (табл. XIII, *3*). На нижнем полу в помещении 1 собраны обломки стеклянного сосуда. Форма его реконструируется следующим образом. Каплевидное тулово плавно переходит в раструбообразную горловину. Диаметр утолщенного венчика—7,5 см. Шейка украшена валиком, 3 подобных валика расположены на плечиках, по наиболее широкой части тулова проходит орнамент из 2 налепных полос в виде смыкающихся синусоид. Сохранились остатки пластинчатой ручки с двумя желобками на наружной плоскости (табл. XIII, *1*). К эпохе раннего железа, вероятно, следует относить найденное в 9-м горизонте овальное каменное ядро для пращи (см. табл. IV, *14*).

10-й стратиграфический горизонт. К нему относятся верхние слои до полов 100—135 см. На большей части раскопа от предшествующего горизонта их отделяют завалы и нивелировочные подсыпки. Значительных изменений в планировке выявить не удалось. В это время продолжают использоваться стены предшествующего периода, только в помещении 1а отмечены плохо сохранившиеся остатки какой-то новой стены (см. рис. 3). В слоях данного горизонта найдено 8 монет, но определить удалось только 5: 4 из них принадлежат сасанидо-кушанскому чекану, 1—чекану Канишки (см. каталог монет № 27—31).

Керамика из этого слоя (табл. XII, *1—30*) мало отличается от находок из 9-го горизонта. Из новшеств следует отметить появление лепных курильниц на массивной ножке (табл. XII, *15*), увеличение количества изделий с грубой фактурой черепка и плохим качеством обжига, появление орнаментации в виде многорядной волнистой ленты, обилие мелких горшков и кувшинов. Среди находок из 10-го горизонта нет столовых ваз с вертикальными ручками, конических крышек и крупных двуручных кувшинов, что может быть объяснено двояко. Их отсутствие или отражает реальные изменения в наборе керамических изделий этого периода, или является случайным, так как находки из верхних слоев раскопа вообще немногочисленны. Помимо керамики следует отметить находку пряслица, выточенного из стенки сосуда, и шаровидную сердоликовую бусинку с травленным орнаментом (см. табл. IV, *21*).

Мирзабек-кала

На этом памятнике заложено 2 стратиграфических шурфа. Основные результаты по стратиграфии памятника получены в шурфе № 1, пройденном в юго-западной, наиболее возвышенной части городища. Место для шурфа было выбрано на обрывистом останце (рис. 11), поэтому площадь вскрытия на

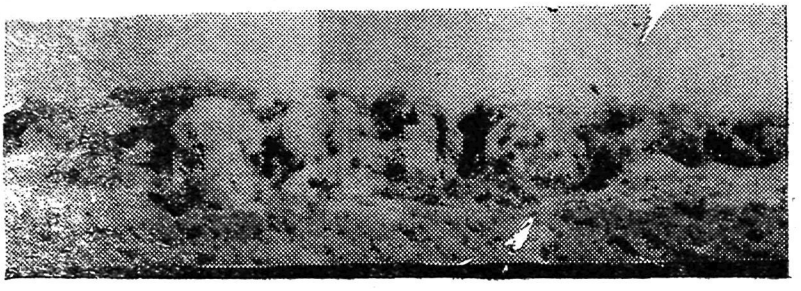

Рис. 11. Мирзабек-кала (фото).

различных уровнях составляла 8—15 м². «Материк» зафиксирован на глубине 15,5 м от верха шурфа. Он представлен мощным слоем чистого песка, прослеженным до отметки 16,5 (на глубине 16,3 м проступили грунтовые воды), и перекрывающей его прослойкой розоватого лесса. Максимальная толщина последней—0,7 м, но на большей части шурфа слой лесса значительно тоньше. В шурфе № 1 выделено 10 последовательно сменяющих друг друга стратиграфических горизонтов (Мирзабек 1—10), описание которых приводится снизу вверх.

Мирзабек 1. Самые древние культурные отложения представлены остатками глинобитной стены и окружающим ее рыхлым заполнением, с четко выделяющимися гумусными и зольными прослойками. Нижней границей этого горизонта служит материк, верхней — мощная прослойка зольно-гумусных отложений, залегающих выше остатков уже разрушенной к этому времени пахсовой стены (рис. 12). Общая мощность этого слоя—1,2—2 м.

В мусорном заполнении найдено значительное количество фрагментов керамики—51 венчик, 2/3 которых принадлежит чашам, мискам, тазам и бокалам.

Сосуды открытого типа не только многочисленны, но и разнообразны по форме. Наиболее часто встречаются фрагменты высоких бокаловидных чаш[1] со слегка загнутым внутрь

[1] Некоторые исследователи называют сосуды этого типа кубками или бокалами. Однако автор, при разделении бокалов и чаш, придерживается принципа, выдвинутого С. К. Кабановым (Ареал и эволюция двух древних керамических форм.—СА, 1964, № 3, с. 79). Бокалы—это столовые сосуды открытого типа, у которых высота больше диаметра венчика.

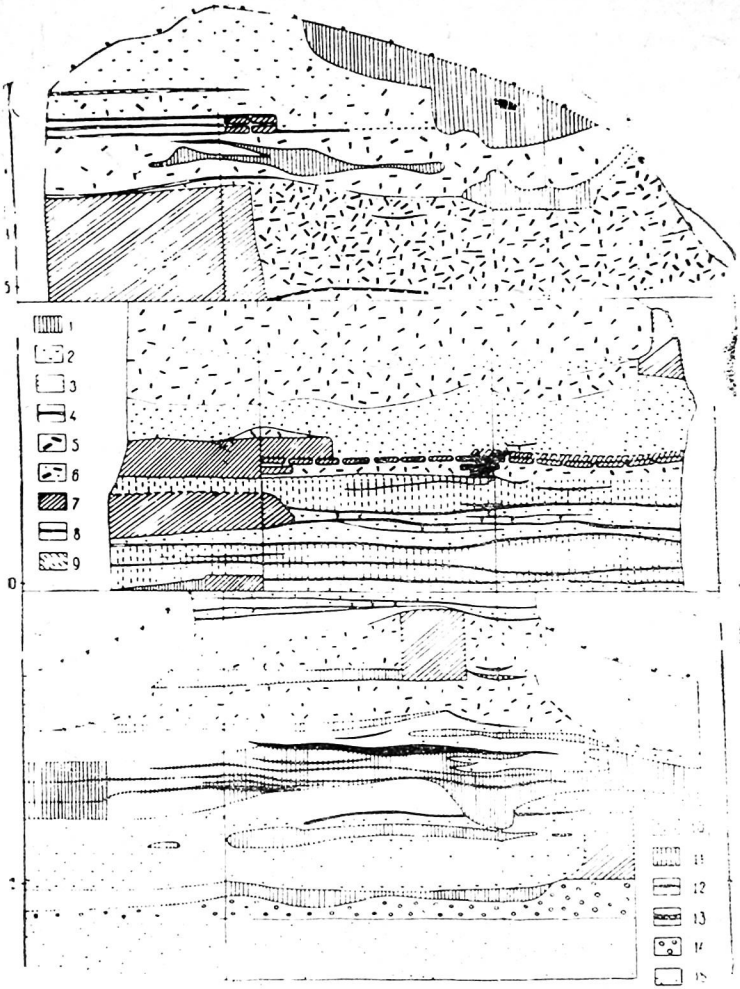

Рис. 12. Мирзабек-кала. Шурф № 1. Развертка: *1*—гумус; *2*—рыхлый культурный слой; *3*—натек; *4*—полы; *5—6*—завал; *7*—пахса и сырец; *8*—жженый кирпич; *9*—оплыв недавнего происхождения; *10*—слежавшаяся пыль; *11*—плотная глина; *12*—зола; *13*—кострище; *14*—лесс; *15*—песок.

венчиком (табл. XIV, *28—30*). В нашей коллекции нет целых форм, однако имеющиеся фрагменты можно достаточно уверенно сопоставлять с «кубками» из нижних слоев Дальверзинтепе[1] и с городища Ай-Ханум[2]. Другой ведущей формой яв-

[1] Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978, рис. 100, *1—2*.

[2] *Gardin J. C.* Les ceramiques. Fouilles d'Aï Khanoum. — MDAFA, t. XXI. Paris, 1973, Pl. 132.

ляются чаши с подтреугольными приостренными книзу венчиками, восходящие к греческим рыбным блюдам (табл. XIV, *4, 5, 16*). К этим чашам, вероятно, относится и плоское донце с небольшим круглым углублением в центре (табл. XIV, *20*). Третью многочисленную группу составляют глубокие чаши и миски со слегка загнутым внутрь венчиком, который обычно образован простым скруглением стенки (табл. XIV, *2, 10*), реже — слегка утолщен или имеет подтреугольное сечение (табл. XIV, *17*). Целая чаша этого типа снабжена небольшим дисковидным поддоном (табл. XIV, *8*). Другие типы чаш представлены меньшим количеством фрагментов. К ним относятся чаши с горизонтально отогнутым наружу венчиком (табл. XIV, *24*), чаши в виде шарового сегмента. Большинство чаш и бокалов, видимо, имело плоские донца, но часть из них была снабжена дисковидными поддонами (табл. XIV, *9, 25*).

Другую большую группу керамики составляют горшкообразные сосуды. Основная их часть имела отогнутые наружу венчики несложной профилировки. Часть венчиков сосудов закрытого типа (табл. XIV, *31, 32*), возможно, принадлежала кувшинам[1]. Во всяком случае, наличие в комплексе кувшинов подтверждается находками округлых и пластинчатых ручек. Для датировки важны два венчика крупных банкообразных сосудов, обнаруживающих сходство с цилиндро-коническими «банками» ахеменидского времени (табл. XIV, *37*).

Вся описанная выше керамика изготовлена на гончарном круге из хорошо подготовленного теста. Черепок в изломе красно-коричневый[2] или желтый. Многие чаши и бокалы имеют двусторонний красный ангоб. Обжиг, как правило, равномерный.

Кухонная керамика представлена преимущественно мелкими фрагментами, не дающими представления о форме сосудов. Можно лишь отметить, что кухонные горшки лепились от руки и содержали в тесте обильную примесь шамота. Такую же фактуру имеют плоские дисковидные крышки диаметром 30—50 см. Из глины с примесью шамота, но на круге изготовлен сосуд, занимающий промежуточное положение между глубокими чашами и широкогорлыми горшками (табл. XIV, *33*).

Помимо керамики, в этом слое найдены фрагмент широкого плоского оселка, обломок зернотерки, бочковидная бусина из оникса, бронзовый трехперый наконечник стрелы с короткой выступающей втулкой (рис. 13, *14, 15*) и небольшой конусовидный предмет из обожженной глины. Высота его—

[1] Ср.: Дальверзинтепе..., рис. 100, *11*.

[2] Встречаются черепки разных оттенков — от ярко-красных до желто-коричневых.

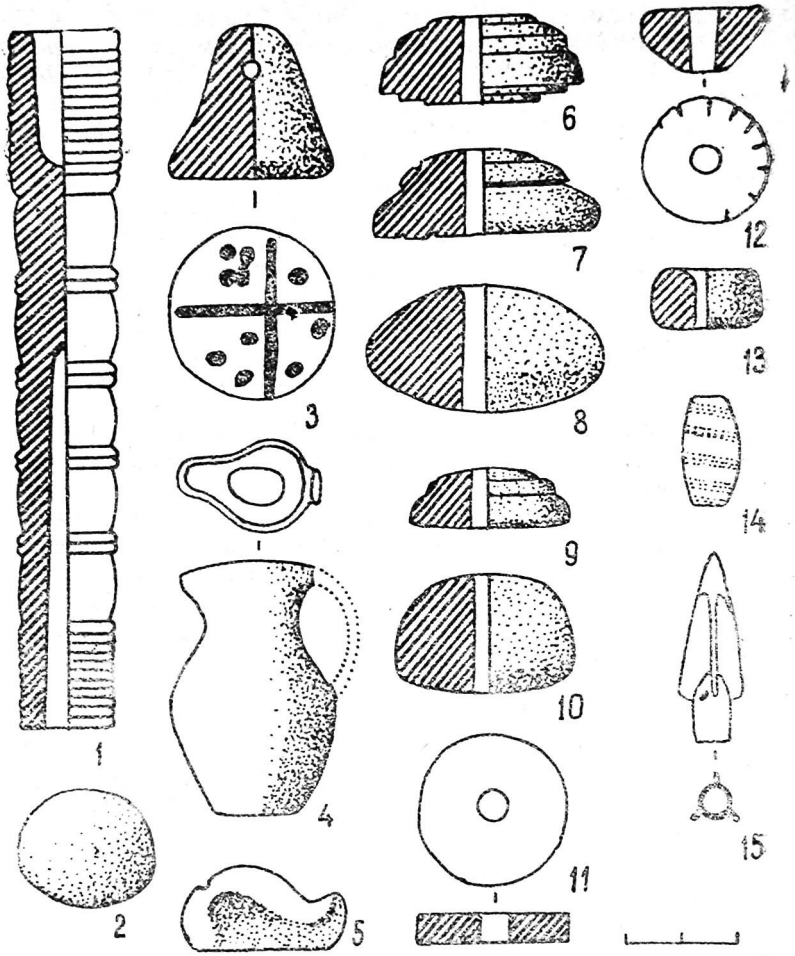

Рис. 13. Мелкие находки с Мирзабек-кала: *1—5*—кость; *2—4, 8, 11—13*—керамика; *6—7, 9, 14*—камень; *10*—алебастр; *15*—бронза.

2,7 см. В верхней узкой части имеется отверстие для подвешивания. Поле нижней плоскости (диаметр—3 см) крестообразно разделено двумя врезанными линиями. В каждом секторе имеются небольшие неправильной формы углубления. Количество их по часовой стрелке последовательно увеличивается от одного до четырех (см. рис. 13, *3*).

Мирзабек 2. Этот горизонт представлен рыхлыми культурными слоями, залегающими примерно от 14 до 13 м. Остат-

ков строений в шурфе нет. Вероятно, участок, пройденный шурфом, принадлежал двору или задворкам, где сваливались мусорные отходы. Культурные слои представлены разными по площади и толщине зольными и гумусными прослойками. Они насыщенны сильно фрагментированной разбитой еще в древности керамикой. Всего найдено 76 венчиков, из которых более половины (46) принадлежит сосудам открытого типа. Полученная из этого слоя керамика обнаруживает тесную связь с керамикой предшествующего слоя, но об идентичности комплексов говорить нельзя. В фактурно-технологическом отношении важным изменением является появление небольшого количества черноглиняной керамики, если только ее отсутствие в слоях Мирзабек 1 не случайность, обусловленная малой площадью раскопа. Большинство форм, выделенных для слоев Мирзабек 1, продолжают встречаться в горизонте Мирзабек 2. По-прежнему многочисленны бокаловидные чаши, чаши с подтреугольным венчиком и чаши с загнутым внутрь венчиком, но очень редким становятся чаши с горизонтально отогнутым венчиком, более многочисленны чаши с плавно развернутыми наружу стенками. Впервые встречена археологически целая круглодонная чаша в виде шарового сегмента (табл. XIV, *48*). В этом слое большим числом вариантов представлены венчики горшков и кувшинов. Среди них следует отметить горловины диаметром 12—13 см, с уступами для крышек (табл. XIV, *51*). К числу редких находок относятся верхняя часть узкогорлого кувшина со следами прикрепления ручки на плечике (табл. XIV, *74*) и фрагмент фляги с ручкой-налепом (табл. XIV, *50*). Фляга покрыта плотным красным ангобом и залощена. Найдено несколько валикообразных отогнутых наружу венчиков хумов. На внешней стороне у них имеются серповидные или овальные вмятины, сделанные пальцем (табл. XIV, *61, 63*). Кухонная керамика с примесью шамота в тесте представлена лишь одним горшком с вертикально поставленным венчиком (табл. XIV, *66*).

В слое кроме керамики много костей животных, в том числе крупного рогатого скота. Найден обломок зернотерки предположительно ладьевидной формы (ширина — 15,6 см) и костяная ручка ножа (?). Она изготовлена на токарном станке и отличается большим изяществом (см. рис. 13, *1*).

Мирзабек 3. Представлен частью сырцового здания, возведенного на уровне 11,7 м, а также подстилающими и перекрывающими его слоями завалов. Общая толщина напластований этого периода достигает 1,95 м. Нижняя его высотная отметка — 12,45, верхняя — 10,5 м. Частично выявленные в шурфе стены имеют толщину 1 м и сложены из сырца 43×43×12 см. Полы отмечены мощной гумусной прослойкой,

Обломки керамических сосудов найдены как на полу, так и в слоях завала. Общее их количество невелико — 21 венчик.

Чаши с отогнутым вниз и с загнутым внутрь венчиками здесь встречаются уже редко, также как цилиндро-конические бокалы. Ведущее место занимают чаши в виде шарового сегмента (табл. XV, *75, 81*), и чаши с плавно отогнутым венчиком (табл. XV, *73, 78*). Наряду с красноглиняными встречаются чаши с черным черепком. В этом горизонте найден венчик хума с частыми дугообразными защипами по внешнему краю (табл. XV, *72*), близкий к аналогичным находкам из нижних слоев. В данном комплексе появляются ранее неизвестные высокие ножки бокалов. Они имеют двухступенчатую профилировку. Из других находок в этом слое следует отметить ткацкое грузило в виде эллипсоида из слабообожженной глины (обжиг, возможно, случайный), кусок мрамора, обломки жженых кирпичей, просверленные и подточенные астрагалы (см. рис. 13, *5*).

Мирзабек 4. Представлен полутораметровым слоем глинистых отложений, насыщенных мусором и разделенных на отдельные прослойки неровными зольно-гумусными полами. Архитектурные остатки в этом горизонте почти полностью отсутствуют. Плохо сохранившаяся стена зафиксирована лишь в северной части шурфа на глубине 9,9—10,1 м.

В этом горизонте, как и в более раннем, встречается круговая керамика с красным, коричневым, желтым и черным черепком (последняя представлена только чашами), а также кухонная с примесью шамота в тесте. Красноглиняные чаши, бокалы и некоторые кувшины покрывались плотным красным ангобом. Чаши в этом горизонте представлены двумя основными типами: с плавно отогнутым наружу венчиком и конические с прямыми стенками. Как разновидность первого типа следует рассматривать крупные миски с этим же профилем (табл. XV, *33*). Внутренняя их поверхность украшена поясами волнистого и зигзагообразного процарапанного орнамента в сочетании с прямыми разделяющими их линиями. Аналогичный орнамент изредка встречается и на других видах сосудов комплекса. На плечиках крупного горшка имеется орнамент в виде горизонтальной цепочки мелких углублений в обрамлении параллельных линий (табл. XV, *49*). Бокалы сильно фрагментированы, и их форма точно не восстанавливается. Отчетливо прослеживается использование бокалов, по крайней мере, двух типов. Одни из них имели объемистый резервуар с широкой округлых очертаний нижней частью и тонкую гладкую цилиндрическую ножку (табл. XV, *51*). Другие — узкий, постепенно расширяющийся кверху резервуар и приостренный валик при переходе от тулова к ножке (табл. XV, *46*). У горшков и кувшинов, наряду с подтреугольными вен-

чиками, характерными для предшествующих периодов, появляются их модификации: венчики с внешней стороной, разделенной на два или три валика, а также уплощенные сверху венчики горшков, украшенные концентрическими бороздками (табл. XV, *54*). Кухонные горшки представлены несколькими разновидностями. Имеется горшок со сравнительно высокой плавно отогнутой горловиной (табл. XV, *32*). Многочисленны горшки с сильно раздутым шаровидным туловом и вертикально поставленной или отогнутой наружу короткой горловиной (табл. XV, *39, 44*). Известны уплощенные донца кухонных горшков. Из нижних слоев этого горизонта происходит венчик хума, украшенный вмятинами (табл. XV, *63*), но отмечено также появление гладких валикообразных и «скобчатых» венчиков хумов (табл. XV, *34, 35, 41, 42*). «Скобчатые» венчики еще далеки от классических вариантов кушанского времени, нижний валик у них только намечается и имеет скругленные очертания. Небольшим обломком представлена купольная часть фляги со следами прикрепления ручки.

К индивидуальным находкам из этого горизонта относится целая хорошей сохранности женская статуэтка, найденная над полом с отметкой 9,8 м. У нее лепное обобщенно выполненное в виде цилиндра туловище и изготовленная в односторонней матрице головка (см. каталог терракот № 64).

Мирзабек 5. По структуре наслоения этого горизонта не отличаются от нижележащих. Разделение горизонтов произведено по четко прослеживаемому глинобитному полу с отметками 9,2—9,3 м. Верхнюю границу образуют остатки помещения с сырцовой вымосткой пола (8,1 м). В северной части шурфа зачистилась плохо сохранившаяся глинобитная стена, с которой связано несколько натоптанных зольно-гумусных полов.

Керамики в этом слое найдено сравнительно немного—33 венчика. Сосуды с черным и желтым черепком отсутствуют, но в формах, по сравнению с горизонтом Мирзабек 4, изменения незначительные, поэтому остановимся лишь на находках, неизвестных по материалам предшествующего периода. Среди чашевидных сосудов выделяется миска с утолщенным горизонтально расположенным венчиком, на верхней плоскости которого имеются три концентрические бороздки (табл. XV, *4*). Найдены крупные фрагменты бокалов колоколовидной формы (табл. XV, *11*). В слоях этого горизонта впервые найдены донца горшков и кувшинов с выступающей закраиной (табл. XV, *19—21*). Интересна верхняя часть шаровидного столового горшка с хорошего качества красным черепком и двусторонним плотным ангобом. Наружная его поверхность богато украшена процарапанным и штампованным орнаментом. Сверху и снизу дан бордюр из двух неровных волнис-

тых линий, заключенных в рамку из двух параллельных прямых. В середине размещен пояс штампованного орнамента. Он состоит из вертикально расположенных овальных оттисков с изображением стилизованного дерева. Промежутки между ними заполнены чередующимися оттисками круглых штампиков с изображением многолучевой звезды, концентрических кругов и трехконечного креста (табл. XV, *10*).

Мирзабек 6. Он начинается с отметки 8,1 и продолжается до 5,2 м. Архитектурные остатки зафиксированы лишь внизу. Здесь по всей площади шурфа прослежен пол, вымощенный двумя рядами сырцовых кирпичей. Верхний ряд сохранился частично, нижний—полностью. Швы между кирпичами заполнены песком. В кладке пола использован сырец 38—40×38—40×10—12 см. На нижней пастели большинства, но не всех кирпичей, имеются клейма в виде двух параллельных полос в середине. В небольшом количестве использован сырец другого размера—31×31×12 см. В северной части помещения, вероятно, была устроена суфа. Ширина ее—не менее 1,2 м, высота—0,4 м. Рядом с суфой стояли два полностью сохранившихся хума. Они были несколько углублены относительно сырцовой вымостки. Отметка пола—7,8 м, а основания хумов расположены на 30 см ниже. Сосуды для хранения стояли здесь очень долго. Под целыми хумами при раскопках найдены донья их предшественников. Кроме хумов находки на полу практически отсутствуют. Вероятно, здание было покинуто и долгое время находилось в запустении. На полах скопился толстый слой слежавшейся чистой пыли, достигающий местами толщины 1,4 м. Он перекрыт небольшим слоем завала из сырцовых кирпичей, вероятно, образовавшегося в результате обвала старой обветшавшей стены. Выше — вновь слой слежавшейся пыли, но более тонкий. Над этой прослойкой новый слой завала, точнее нивелировочной забутовки, связанной с возведением вышележащего здания. Завал сухой, комковатый с редкими маловыразительными находками керамики и кусками алебастрового раствора. Единственная находка, заслуживающая упоминания — небольшое пряслице, выточенное из стенки сосуда (см. рис. 13, *11*).

Целые хумы, найденные в этом горизонте, имеют «скобчатые» венчики, хорошо выраженные горловины, яйцевидные тулова и слегка выпуклые донья (см. табл. X, *7, 9*). Высота хумов—120—125 см, наибольший диаметр тулова—74 см, диаметр дна несколько больше диаметра венчика, соответственно—50—40 и 54—48 см.

Мирзабек 7. Представлен относительно хорошо сохранившимися остатками какого-то крупного здания. В шурфе частично расчищена его северная стена высотой 2 м. Стена выведена из пахсы. Ширина ее—1—0,9 м, вверху она несколь-

ко сужается. На лицевой ее поверхности — несколько слоев штукатурки с саманом. С этой стеной, имеющей отметку основания 5,2 м, связан пол из жженого кирпича на алебастровом растворе, заполняющем швы между кирпичами и образующем тонкую промазку сверху. Пол в настоящее время деформирован, высотные его отметки—5,18—4,88 м. В одном месте кирпич был выбран еще в древности. В вымостке пола использован хорошего качества жженый кирпич с желтым в изломе черепком. Размеры кирпича — 40—50×30—31×3,5—4 см, преобладает кирпич 50×31×4 см. Частично расчищенное в шурфе помещение (или дворик?) занимало большую площадь. По остаткам видной в обрывах вымостки пола устанавливается, что ширина с севера на юг была не менее 7 м, а с запада на восток—8 м. Находки на полу отсутствовали; найдено лишь несколько невыразительных стенок и обнаружены выделяющиеся по цвету четыре круглых пятна диаметром 50—60 см. Это, вероятно, следы установки хумов. Над полом, вровень со стеной, находится завал из сырцовых кирпичей 34×34×12 см. На некоторых обломках видны остатки клейм. Достоверно восстанавливается лишь клеймо в виде двух параллельных линий посередине. В северной части шурфа завал однородный, в южной — отмечены горизонтальные глинистые прослойки древних поверхностей, указывающие на то, что завал накапливался постепенно в течение длительного периода.

Керамики на полу и в завале немного—18 венчиков. Встречаются мелкие фрагменты красноангобированных бокалов (табл. XVI, *50, 54*), тагора (табл. XVI, *57*), «скобчатые» венчики хумов (табл. XVI, *51*) и сферических кухонных котлов без горловины (табл. XVI, *47*). Венчики горшков и кувшинов трех видов: подтреугольные, выступающие наружу (табл. XVI, *46*), подтреугольные, разделенные на три валика (табл. XVI, *53*), и в виде округлых, выступающих наружу валиков; характерная особенность которых—наличие в верхней части венчика слабо выраженной ложбины, отделяющей его край от выступающей наружу части (табл. XVI, *54*).

Следует также отметить изредка встречающиеся фрагменты стенок с процарапанным орнаментом из прямых и волнистых одиночных линий, а также петлевидную округлую в сечении ручку. В слое завала найдена задняя половина терракотовой фигурки лошади.

Мирзабек 8. Представлен слоем завала с включениями крупных линз гумуса. Нижняя граница слоя — 3,73—3,15 м, верхняя — 2,40 м. Керамические находки преимущественно из гумусных линз. Всего найдено 18 венчиков. В типологическом отношении керамика этого горизонта не обнаруживает новшеств по сравнению с предыдущим комплексом

(табл. XVI, *33—34*). Следует лишь отметить отсутствие красноангобированных бокалов. Помимо керамики, найдена передняя часть статуэтки лошади со следами прикрепления всадника и верхняя часть фигурки богини с виноградной гроздью (см. каталог терракот № 53).

Мирзабек 9—10. Слой 9 снизу четко выделен тремя уровнями полов, имеющих отметки 2,40, 2,25 и 2,10 м. Два верхних пола вымощены сырцовым кирпичом, который почти полностью выбран при последующем запустении постройки. Полы перекрыты завалом и слоем рыхлой земли, разделены горизонтальным натечным слоем на уровне 1,7 м[1]. Вверху слой выклинивается.

Слой 10 в шурфе представлен большой неправильных очертаний мусорной ямой, впущенной в слой 9 и даже частично в слой 8. Нижняя отметка дна ямы—2,7 м. Материалы этих двух слоев при раскопках смешаны, ниже дается их общая характеристика. Следует лишь отметить, что основная масса находок происходит из мусорной ямы. В коллекции—28 венчиков. Вся керамика делится на три фактурно-технологические группы. Круговая керамика с хорошего качества черепком красно-коричневого цвета. Среди форм преобладают кувшины. Наряду с кувшинами, имеющими венчики в виде округлого или сильно выступающего наружу валика (табл. XVI, *14*) и уплощенных с тремя бороздками поверху (табл. XVI, *13*), появляется ранее неизвестная разновидность — утолщенные с угловатой наружной поверхностью венчики сложной профилировки, с которыми непременно сочетается рельефный валик в верхней части цилиндрической горловины (табл. XVI, *2, 4, 10*). Наряду с кувшинами крупных и средних размеров найден небольшой одноручный сосудик (табл. XVI, *9*). В этих слоях вновь появляются чаши со слегка загнутым внутрь венчиком (табл. XVI, *3*). Следует также отметить фрагменты конических крышек и гофрированную ножку массивной курильницы (форма ранее не встречавшаяся) (табл. XVI, *1*). Найдено некоторое количество обломков красноангобированных бокалов на ножках, вероятно, перемещенных из нижних слоев.

Вторую группу керамики составляют лепные сферические котлы без горловины (табл. XVI, *6, 7, 12*), известные по нижележащим слоям. Донца у них как плоские, так и выпуклые. В качестве отощителей в тесто добавлялись песок и мелкие частицы гипса.

Керамика третьей группы изготовлена на круге, но имеет плохо обожженный грубый черепок. Тесто содержит обильную

[1] Не исключено, что эта прослойка разделяет два самостоятельных периода обживания, но небольшая площадь вскрытия и малочисленность находок не позволяют настаивать на таком разделении.

примесь шамота часто в сочетании с кусочками гипса. Черепок и внешняя поверхность от некачественного обжига имеют черный цвет, или черный и красный одновременно. Поверхность шероховатая, в изломе видны пустоты. Из теста с подобной фактурой изготовлялись преимущественно однотипные широкогорлые горшки с крутыми плечиками, невысокой горловиной и Т-образным венчиком (табл. XVI, *11, 24, 32*). В отдельных случаях плечики этих горшков украшены нарезным орнаментом в виде волнистых линий и коротких штрихов.

Из некерамических находок следует отметить каменное пряслице и половину миниатюрной базы из белого известняка, найденные в слое 9 (см. табл. VIII, *4*).

Шурф № 2 заложен в центральной части площади № 3, к востоку от основного поселения (рис. 14). Он вписан в

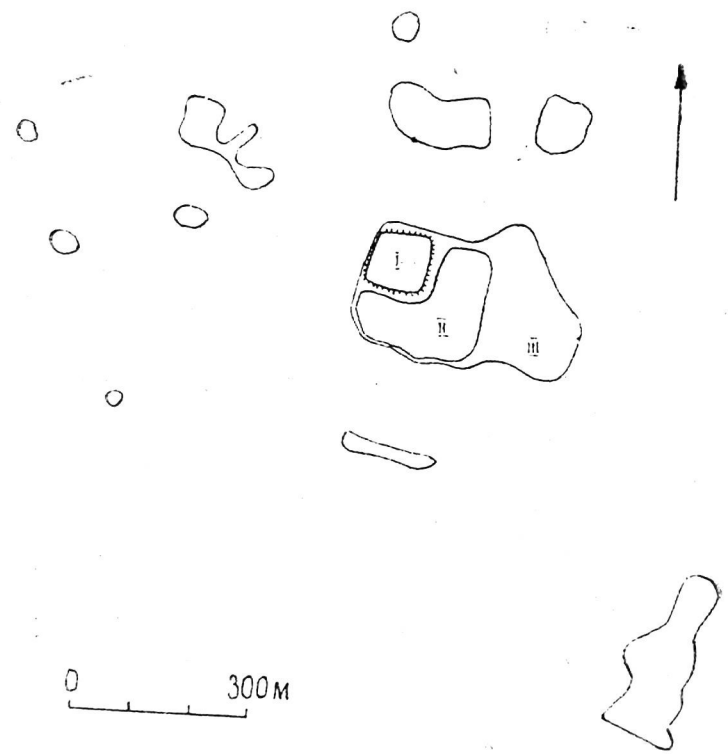

Рис. 14. Схематический план Мирзабек-кала и ее окрестностей.

край обширной ямы недавнего происхождения. Размеры шурфа — 2×2 м. «Материк», представленный серым речным песком, зафиксирован на глубине 5,6 м от верха шурфа. Выделено пять стратиграфических горизонтов.

1-й стратиграфический горизонт (нижний) занимает XI—начало XII яруса и представлен двумя прослойками: внизу—мощный слой гумуса, выше—слой серой земли с обильными находками фрагментов керамики (рис. 15). За исключением единичных обломков кухонных горшков с примесью шамота в тесте, вся керамика этого горизонта изготов-

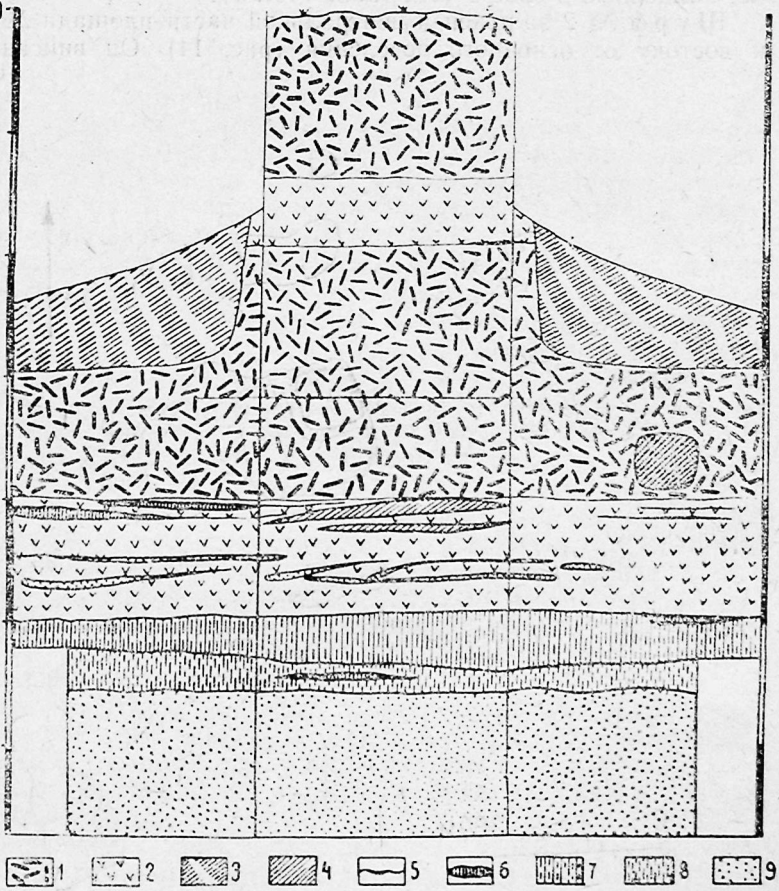

Рис. 15. Мирзабек-кала. Шурф № 2: *1*—завал; *2*—рыхлый культурный слой; *3*—оплыв недавнего происхождения; *4*—глинобитная структура; *5*—зола; *6*—гумус; *7—8*—плотная глина; *9*—песок.

лена на гончарном круге и имеет хорошего качества черепок красно-коричневого или желто-коричневого цвета. Наиболее многочисленны обломки красноангобированных чаш. Преобладают находки поддонов—кольцевых, дисковидных с вогнутостью нижней части и дисковидных с плоским дном (табл. XVII, *47—48, 50*). Некоторые чаши на дне резервуара имеют одно или два врезанных кольца. Венчиков мало. По ним устанавливается, что большинство чаш, видимо, имело развернутые наружу плавно изогнутые стенки (табл. XVII, *53*). Коническую крышку или чашу представляет венчик диаметром 17 см (табл. XVII, *49*). К бокалам, возможно, относится обломок косопоставленного прямого венчика (табл. XVII, *36*). Он имеет двусторонний красный ангоб.

Основную массу находок составляют венчики кувшинов и горшков диаметром 10—24 см. Преобладают подтреугольные, имеются манжетовидные и двухваликовые, а также венчик горшка в виде круто отогнутого наружу короткого края стенки. Ручки кувшинов фасолевидные или овальные в сечении. Донца плоские или с выступающей закраиной, нередко со следами песчаной подсыпки. Единственной находки представлена стенка, украшенная штампами и красным ангобом (табл. XVII, *42*). Процарапанный волнистый орнамент имеется на обломке лепного кухонного сосуда (табл. XVII, *41*). В слое найдено всего два венчика хумов. Один из них имеет вид небольшого слабо выраженного валика, второй — более массивный, по наружной стороне—ряд слегка искривленных узких вмятин (табл. XVII, *38, 39*). Кроме керамики, в этом слое найдена задняя часть терракотовой фигурки животного.

2-й стратиграфический горизонт представлен метровым мусорным слоем, залегающим в IX—X ярусах. Рыхлые мусорные слои перемежаются с многочисленными песчаными и глинистыми линзами. Несмотря на большую мощность слоя, находок в нем мало (табл. XVII, *20—30*). Здесь имеются фрагменты красноангобированных бокалов, представленные мелкими обломками венчиков и ножек. Продолжают встречаться дисковидные поддоны чаш. Единственный венчик принадлежит глубокой чаше со слегка загнутым внутрь краем стенки. Среди горшков и кувшинов следует отметить широкое распространение подтреугольных трехваликовых венчиков. Встречаются также валикообразные венчики с желобком посередине и подпрямоугольные, уплощенные сверху. Кроме керамики в этом горизонте найдена задняя часть фигурки лошади и небольшой обломок торса всадника.

3-й стратиграфический горизонт представлен мощным слоем завала, залегающим между отметками 400 и 200 см. На уровне 330 см на части шурфа отмечена горизонтальная зольная прослойка, возможно, указывающая на

существование двух последовательных этапов в накоплении этого слоя. Находок в завале мало. Можно лишь отметить обломок сероглиняной чаши с развернутым наружу венчиком (табл. XVII, *18*) и обезглавленную фигурку коня.

4-й стратиграфический горизонт представлен рыхлым слоем мусора (толщина — 0,6 м), ограниченным сверху и снизу зольными прослойками. Сверху слой перекрыт полутораметровым завалом из обломков сырцового кирпича, который образует 5-й стратиграфический горизонт. Находки из этих слоев нерасчленены и малочисленны (табл. XVII, *1—15*). Здесь найдены подтреугольные трехваликовые венчики горшков и кувшинов, а также подквадратные в сечении венчики кувшинов. Загнутые внутрь венчики шаровидных кухонных котлов с примесью шамота в тесте, «скобчатый» венчик хума, обломки чаш и тазов. Кроме этого, найдено несколько мелких обломков терракотовых фигурок животных, в том числе головка коня.

Хатаб - кала

Шурф 3×2 м заложен на «цитадели» поселения, примерно на 0,5 м ниже ее высшей точки. По техническим причинам работа в нем прекращена на глубине 7 м, материковые наслоения не достигнуты. На основании полученной стратиграфии (рис. 16) в истории памятника выделено пять периодов.

1-й (нижний) стратиграфический горизонт представлен в XIV ярусе вязкой коричневой глиной с примесью песка. В ней изредка встречаются угольки и мелкие невыразительные фрагменты керамики, свидетельствующие о связи этого слоя с деятельностью человека.

2-й стратиграфический горизонт, занимающий три яруса (XI—XIII), представлен почти однородным слоем темной глины средней плотности с редкими обломками керамики. В XIII ярусе керамика встречалась значительно чаще, происходит она преимущественно из небольшой глинистой прослойки. Находки невыразительны. Найдено только два донца и один венчик (остальные стенки). По фактурно-технологическим признакам выделяются две группы — круговая и лепная. Круговая керамика изготовлена из тщательно обработанного сырья и хорошо обожжена. Черепок в изломе коричневый, внешняя поверхность — цвета черепка или белая. К этой группе принадлежат два донца чаш. Лепная керамика с обильной примесью шамота в тесте. Черепок в изломе красный или коричневый. Обжиг обычно неравномерный. Кроме стенок найден один небольшой фрагмент венчика шаровидного (?) котла (табл. XVIII, *36*).

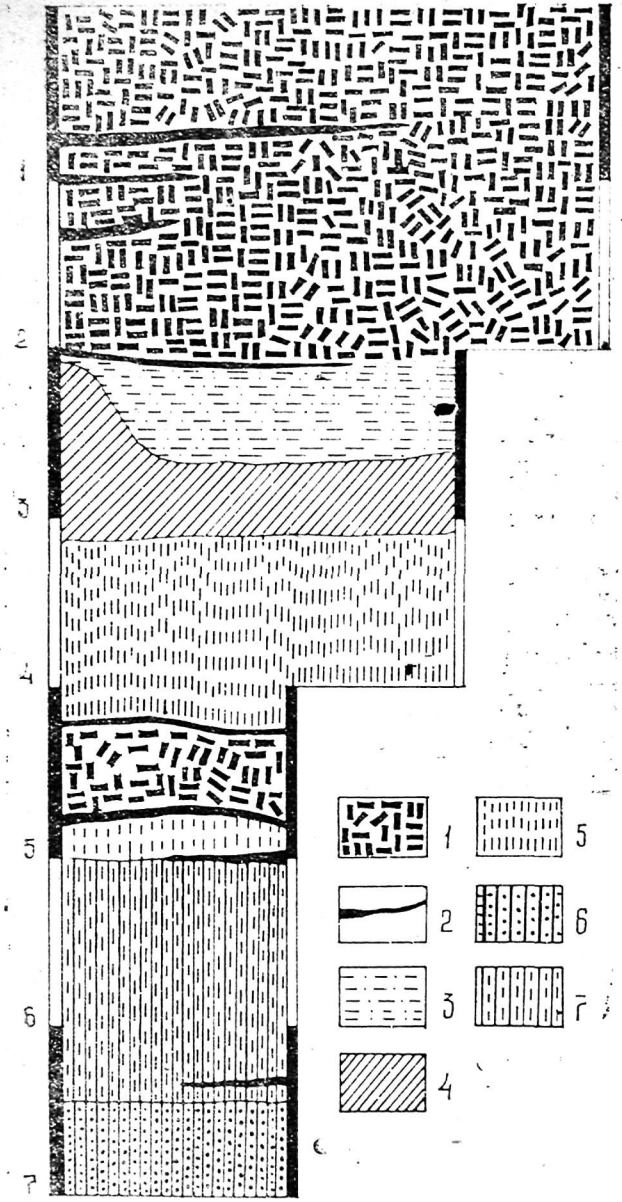

Рис. 16. Хатаб-кала. Шурф: *1*—завал; *2*—зольные и гумусные прослойки; *3*—натек; *4*—сырец; *5*—плотная глина с кусками сырца; *6*—коричневая глина с песком; *7*—серая плотная глина.

3-й стратиграфический горизонт занимает XI половину IX яруса. Относящиеся к нему рыхлые культурные слои имеют несколько четко выраженных зольных прослоек. Керамические находки сравнительно многочисленны. Среди круговой керамики следует выделить фрагмент венчика полусферической тонкостенной красноангобированной чаши (табл. XVIII, *37*). Встречены также обломки широкогорлых кувшинов с овальными в сечении ручками. Лепная керамика представлена несколькими вариантами венчиков шаровидных горшков (табл. XVIII, *39*).

В 4-й стратиграфический горизонт объединены три слоя. Плотный завал или нивелировочная засыпка в IX—VII ярусах, глинобитная платформа в VII—V ярусах и расположенный над ней рыхлый культурный слой. Находки в засыпке и платформе малочисленны и невыразительны. Среди них можно лишь отметить «скобчатый» венчик хума. Основная масса находок связана с рыхлым верхним слоем. Здесь найден венчик хума, аналогичный отмеченному выше, несколько сложно профилированных венчиков кувшинов с ребром на горловине и круглодонная (?) лепная плошка с небольшим соском немного ниже венчика (табл. XVIII, *28*). В верхней части этого слоя найден венчик кругового горшка с грубым пористым неравномерно обожженным черепком (табл. XVIII, *30*).

5-й строительный горизонт представлен двухметровым (I—IV ярусы) слоем завала, местами расчлененного зольными линзами. В III ярусе найден обломок поливной чаши X—XII вв., свидетельствующий об окончательном разрушении руин данной постройки в период развитого средневековья или об их грабительских раскопках в этот период. Основная масса керамических находок, вероятно, относится к периоду функционирования данной постройки. Здесь найдены венчики хумов и кувшинов позднекушанского типа (табл. XVIII, *6—8, 11—12*), а также стенка небольшого горшка или кувшина с плотным красно-коричневым ангобом и редкими полосами вертикального лощения. Значительную группу находок составляют горшки с плотным неравномерно обожженным черепком. В тесто добавлен шамот, гипс и другие примеси. Черепок обычно пористый черный, красный или коричневый в изломе. Внешняя поверхность обычно черная или бурая. Часть горшков изготовлялась на круге, часть лепилась от руки. Венчики разнообразны по профилировке, преобладают Т-образные (табл. XVIII, *4, 10*). Донца плоские или выпуклые. Некоторые горшки украшены процарапанным волнистым орнаментом (табл. XVIII, *16—17*).

Ак-депе (Бургучи)

Шурф заложен в середине юго-восточного края верхней площадки холма. Площадь его постепенно уменьшается 13—3 м². «Материк», представленный слоем светлой чистой глины, зафиксирован на глубине 7,35 м от верха. В вышележащих культурных напластованиях выделено четыре крупных стратиграфических горизонта (рис. *17*).

1-й стратиграфический горизонт состоит из двух прослоек в XV—XII ярусах, возможно, представляющих два отдельных периода обживания, однако малочисленность материала не позволяет настаивать на таком разделении. В XV ярусе отмечен пласт глины (30—35 см) с редкими свидетельствами культурного освоения. Выше — слой рыхлого суглинка с включением редких фрагментов керамики, костей животных. В конце XIV яруса отмечены тонкие зольные прослойки. Керамика, найденная в этом слое, очень малочисленна и невыразительна (табл. XVIII). Большинство фрагментов имеет хорошего качества коричневый или желто-коричневый в изломе черепок. Донца горшков и кувшинов сохранили следы песчаной подсыпки. Часть сосудов имела плотный красный ангоб, что свидетельствует о принадлежности данного слоя к античному периоду. В небольшом количестве встречены обломки кухонных котлов с примесью шамота в тесте.

2-й стратиграфический горизонт четко выделяется по остаткам мощных сырцовых стен, сохранившихся на высоту 3 м (см. рис. 17). Основание их находится в XII ярусе, верх — в VII. Шурф прорезал эти кладки, вскрыл части помещения и связанного с ним прохода. В истории здания этого периода выделяется два этапа. После некоторого времени использования проход закрывается. В дальнейшем помещение засыпается рыхлой землей и сверху (с IX яруса) закладывается сырцовым кирпичом. В закладке, как и в кладке стен, использован сырец 34—36×34—36×10—12 см. Ввиду того, что шурф прорезал преимущественно слои кладок и забутовок, материал из этого горизонта невелик. В рыхлом заполнении помещения найдено небольшое количество обломков горшков и кувшинов. Можно отметить обломок кувшина с трехваликовым венчиком (табл. XVIII, *65*). Этот фрагмент, как и ряд других, сохранил следы красного ангоба. Имеются обломки двуручных (?) кувшинов с небольшими гребенчатыми в сечении ручками, прикрепленными к плечикам. На одну из стенок нанесен зигзагообразный процарапанный орнамент в линейном обрамлении (табл. XVIII, *64*). В верхнем слое закладки (VIII ярус) найден верхний диск ручного жернова из крупнозернистого песчаника. Рабочая по-

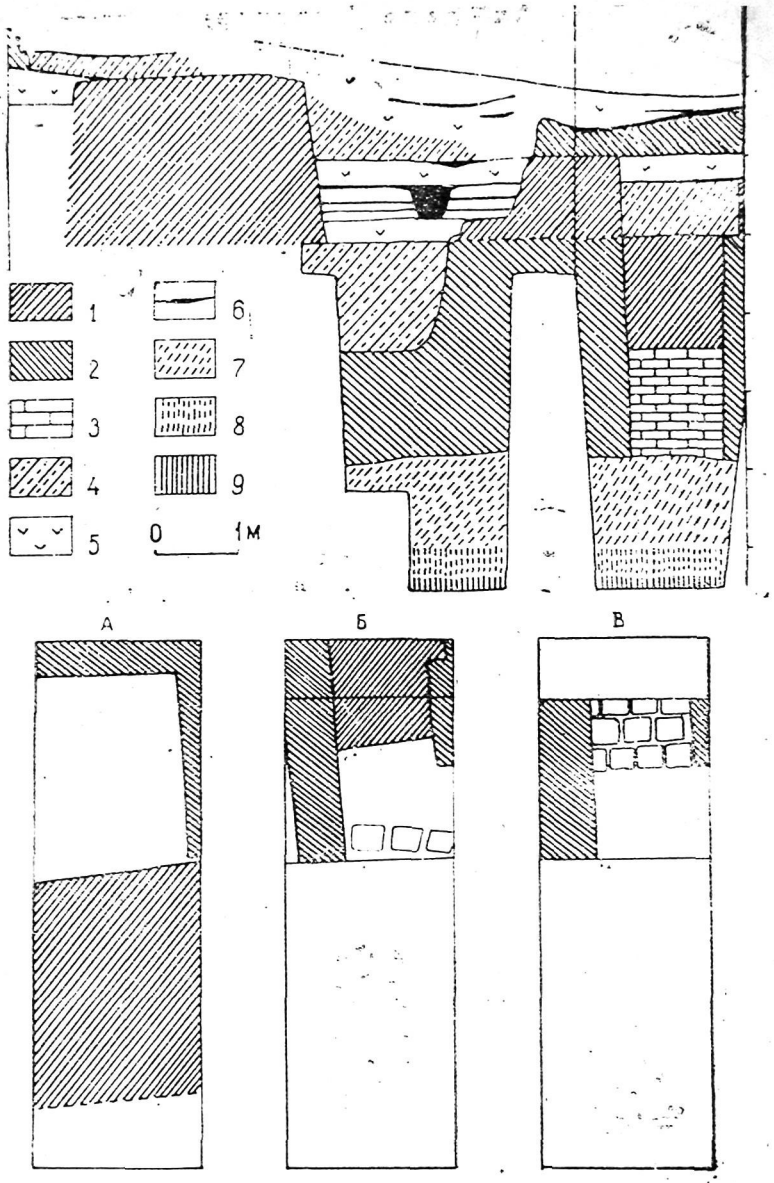

Рис. 17. Ак-депе (Бургучи). Шурф: *1—3*—кладки из сырца и пахсы; *4*—завалы и забутовки; *5*—рыхлый культурный слой; *6*—зольные и гумусные прослойки; *7*—рыхлый суглинок; *8*—глина с мусорными включениями; *9*—плотная светлая глина («материк»). А—план на границе IV—V ярусов, Б—на уровне начала VII яруса, В—на уровне X яруса.

верхность вогнута, центральное отверстие большого диаметра—7 см. Диск массивный, толщина—6—8 см, диаметр—44 см.

3-й стратиграфический горизонт. На забутованных руинах предшествующих строений в этот период возводится новая стена шириной около 3 м. Она сложена из рыхлого сырцового кирпича, обычно имеющего некоторую разницу в длине сторон: 34×35×35×37; 41×42×43×42, 35×39×35×38 см. На некоторых из них обнаружены клейма в виде одной осевой линии. С северо-восточной стороны к этой стене примыкали узкие помещения или коридор—в шурфе частично выявлена параллельная ей стена, с расположенным в ней проходом. Для данного периода также выделяется два этапа. На первом из них происходит длительное постепенное накопление рыхлых культурных слоев—в VI—V ярусах отмечено несколько зольно-гумусных натоптанных полов. С уровнем 1,9—2 м связаны изменения в планировке. Внутренний коридор (?) разделяется на ряд отсеков поперечными перемычками, выше отмеченный проход закладывается. Пол перекрыт слоем завала.

Среди находок 3-го строительного горизонта важнейшими являются две монеты. Монета из VI яруса относится к подражаниям чекана Васудевы, а монета с пола с отметкой 230 см — к числу сасанидо-кушанских (см. каталог монет № 5, 6). Керамика представлена теми же фактурно-технологическими группами — круговой, с хорошего качества черепком, и лепной, с примесью шамота в тесте. Среди находок имеются валикообразные и манжетовидные венчики хумов (табл. XVIII, *60, 62*). Заслуживает упоминания стенка хума с процарапанным по сырой глине знаком в виде русской буквы И (см. рис. 7, *3*). Венчики горшков и кувшинов имеют вид выступающих наружу трапециевидных утолщений. Некоторые сосуды этого вида сохранили красный ангоб. Венчик одного узкогорлого кувшина, вероятно, имел эйнохоевидный слив (табл. XVIII, *50*). Небольшим обломком венчика представлены столовые «вазы» с отогнутым ребристым краем, типа представленного в табл. XI, *41*, а также с полусферическими очертаниями и лишь одним ребром с внутренней стороны (табл. XVIII, *58*). Единственной находкой красноангобированного поддона представлены чаши (табл. XVIII, *57*). Среди кухонной керамики, наряду с обычными для этого района шаровидными котлами без венчика, имеется почти целый горшок несколько иной формы. Короткий венчик плавно отогнут наружу, тулово шаровидное, дно слегка выпуклое. На плечиках серповидные налепы (сохранились два, но судя по расположению, их, видимо, было три). Диаметр венчика—14,6 см, высота—около

17 см (табл. XVIII, *49*). Важными для датировки комплекса представляются обломки двухъярусных светильников, найденных в V ярусе. Кроме керамики, в этих слоях найдены пряслице, выточенное из стенки сосуда, и кубовидный терочник из темно-серого камня.

4-й стратиграфический горизонт (II—I ярусы) представлен небольшими по мощности рыхлыми мусорными слоями, перекрывающими остатки стен предшествующего периода. Находки из этих наслоений крайне малочисленны (табл. XVIII, *45—48*). В сравнении с третьим строительным горизонтом здесь следует отметить появление керамики с плохим качеством черепка. Имеются стенки с черным в изломе черепком и красной внешней поверхностью.

В дополнение к материалам из шурфа следует отметить присутствие среди подъемных находок ножек и венчиков красноангобированных бокалов (табл. XVIII, *42, 43*).

Ак-депе (Ташрабат)

Шурф размером 2×1,5 м заложен на одном из небольших всхолмлений нуклеарной части поселения. Материковые слои зафиксированы в III ярусе, общая толщина культурных слоев немногим более метра. Непосредственно на «материке» возведены пахсовые стены (рис. 18). Внутри помещения и над остатками оплывших стен залегает рыхлый культурный слой, насыщенный костями животных и обломками керамики. В первом ярусе его сменяет прослойка с обильными зольными включениями. Керамика из шурфа преимущественно представлена стенками. Можно лишь отметить утолщенные венчики хумов позднекушанского типа (табл. XIX, *56—58*), а также обломок венчика бокаловидной (?) чаши (табл. XIX, *52*).

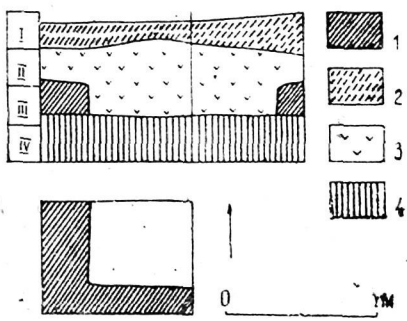

Рис. 18. Ак-депе (Ташрабат). Шурф: *1*—пахса; *2*—зольный слой; *3*—рыхлый культурный слой; *4*—погребальная почва.

Шор-депе (Мукры)

В 1967 г. на поселении расчищено небольшое хозяйственное помещение верхнего слоя. Стены сложены из сырцового

кирпича 35—37×?×12 см. В помещении обнаружены два рядом стоящих хума. Среди мусорного заполнения над полом найдена монета из числа подражаний чекану Васудевы. Хумы имеют прямой или слегка отогнутый наружу двухваликовый венчик, яйцевидное тулово и слегка округлое дно. Высота одного хума—1 м, диаметр венчика—37 см. Второй хум меньших размеров (высота—80 см, диаметр венчика—28 см) и отличается более вытянутыми пропорциями (см. табл. X, *4, 6*). Среди находок из зачистки встречены венчики хумов в виде слегка отогнутого наружу скругленного края стенки и венчик, разделенный глубокой ложбиной на два разных по форме валика (табл. XX, *31*). Венчики горшков и кувшинов подтреугольные и подквадратные в сечении. Ручки гребенчатые. Найдена одна «витая», округлая в сечении. Донца плоские, иногда с выступающей закраиной. На стенке одного кувшина нанесена многорядная волнистая полоса. Имеется венчик крупной полусферической миски с массивными стенками. Кухонная керамика представлена одним слегка отогнутым наружу венчиком. Для характеристики комплекса верхнего слоя может быть привлечен и многочисленный подъемный материал. Здесь найдены обломки столовых «ваз» с бортами, украшенными концентрическими валиками и волнистым процарапанным орнаментом; небольшой целый кухонный горшочек с широким плоским дном, полусферическим туловом и наклоненным внутрь венчиком. Плечики сосудика украшены серповидными и конусовидными налепами (табл. XX, *12*). Имеются также находки обычных для рассматриваемых комплексов кухонных горшков с едва намеченной горловиной (табл. XX, *13, 26*). Заслуживает упоминания обломок курильницы (табл. XX, *11*) и трехваликовые венчики хумов, находящие близкие аналоги среди верхних слоев Чопли-депе. В зачистке не найдена, но в подъемном материале широко представлена керамика с грубым, некачественным черепком. Имеются обломки горшков, в том числе украшенные гравировкой из штрихов и волнистых линий, а также венчики хумов, называемые нами «желобчатыми» (табл. XX, *32*).

Шор-депе III (Ходжамбас)

Шурф размером 3×2 м заложен в центральной пониженной части поселения. Глубина шурфа—4 м. «Материк» представлен слоем песка в VIII ярусе и залегающей выше коричневой глиной с отдельными болотистыми включениями (рис. 19). Верх его расположен на глубине 260—270 см, но местами в него впущены ямы, достигающие середины VII яруса. По прослойкам полов с отметками 260—270, 240 и 180 см выявляются три ранних периода обживания. Керамика из этих

слоев немногочисленна и сильно фрагментирована. Имеются обломки красноангобированных чаш и бокалов, венчик конической миски или крышки, сложнопрофилированные венчики горшков (табл. XIX, *43—51*).

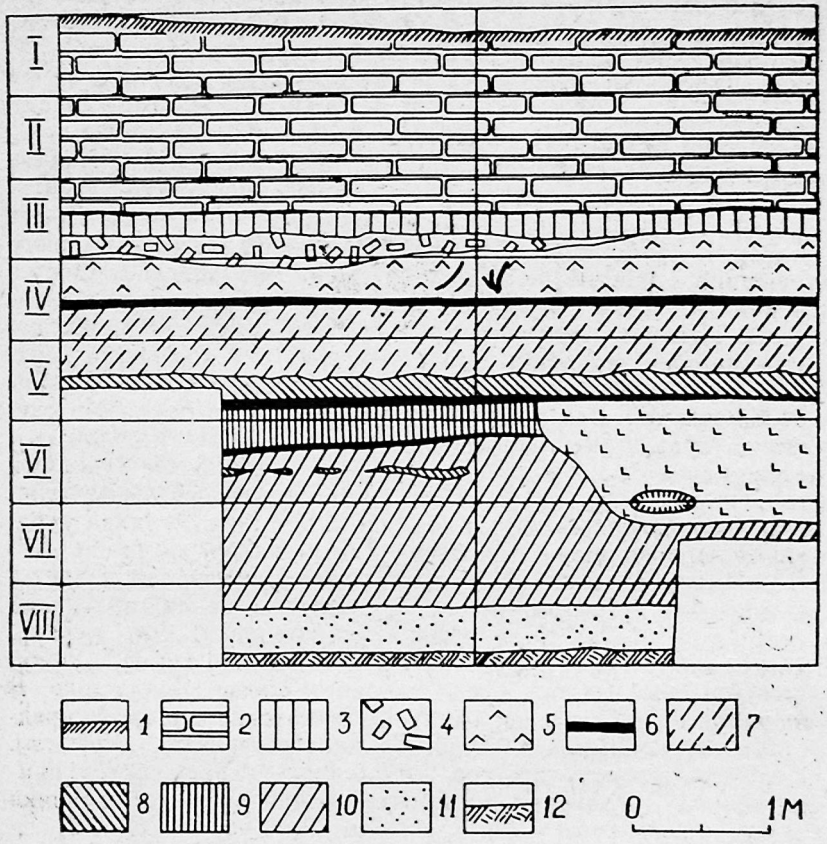

Рис. 19. Шор-депе (Ходжамбас). Шурф: *1*—пушонка; *2*—сырцовая кладка; *3*—прослойка светлой глины; *4—9*—забутовка; *5*—рыхлый культурный слой; *6*—пол; *7*—светло-коричневая глина; *8*—гумус; *9*—забутовка; *10*—плотная коричневая глина; *11*—песок; *12*—комковатая коричневая глина (заполнение ямы).

Верхний горизонт представлен кладкой из сырца 46×40×9—10 см. В этом слое найдено несколько венчиков хумов позднекушанского типа и подпрямоугольные венчики горшков или кувшинов (табл. XIX, *34—42*).

Омар-кала

Шурф-зачистка заложен на юго-западном обрывистом склоне цитадели. Вскрытие осуществлялось ступенями (рис. 20). Верхние слои зачистки (II—V ярусы) связаны с каким-то помещением, заполненным завалом из обломков сырцового кирпича и рыхлым культурным слоем с включением золы, гумуса, керамики. С IV яруса начинается мощная монолитная (?) кладка из сырцового кирпича 37—38×37×38×10—12 см. Кирпич хорошо просушенный, с при-

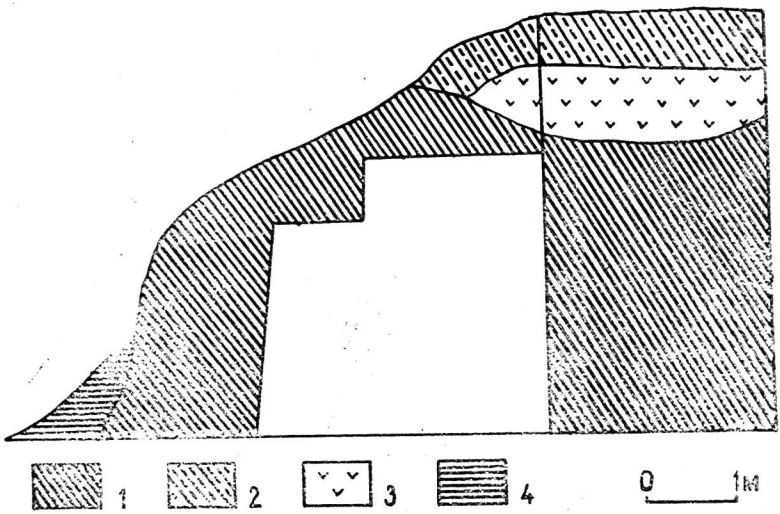

Рис. 20. Омар-кала. Разрез на цитадели: *1*—сырцовая кладка; *2*—завал; *3*—рыхлый культурный слой; *4*—оплыв.

месью самана. Выявлены клейма в виде одной или трех продольных полос. С отступами кладка прослежена до XI яруса. Среди материалов из верхнего культурного слоя имеются подтреугольные венчики кувшинов, плавно отогнутые наружу венчики горшков и вертикальные бортики красноангобированных чаш (табл. XXI, *30, 33, 37*). В кладке найден крупный обломок красноангобированного лощенного бокала (табл. XXI, *31*).

Кара-депе

Шурф размером 3×2 м заложен на вершине холма. Он пройден на глубину 9 м (рис. 21). Культурные слои продолжаются ниже, но дальнейшее углубление было прекращено из-за появления грунтовых вод. Нижний культурный слой,

занимающий 9-й метр и часть 8-го, представлен плотной, вязкой от близости грунтовых вод, глиной. Керамики в этом слое не найдено, но в XVIII ярусе зафиксирована большая золь-

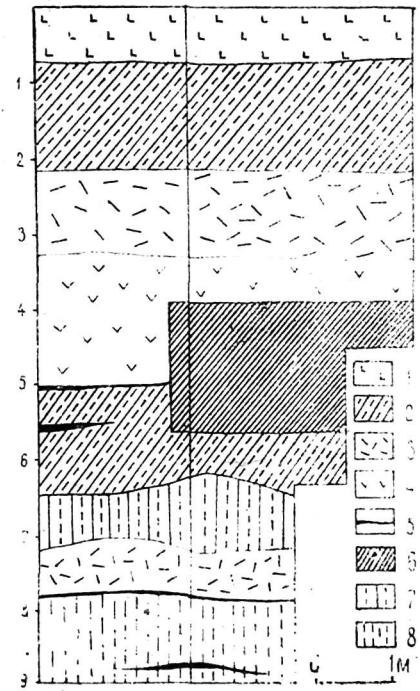

Рис. 21. Кара-депе. Шурф: *1*—средневековый культурный слой; *2—3*—завалы и забутовки; *4*—рыхлый культурный слой; *5*—полы и зольные прослойки; *6*—сырец; *7*—глина средней плотности с зелеными комьями; *8*—плотная глина.

ная линза, свидетельствующая об антропогенном характере слоя. Выше расположен завал из обломков сырцовых кирпичей, толщина его 50—80 см. В нем встречено некоторое количество керамики. 7-й метр почти полностью занимает плотный культурный слой с обильными гумусными включениями. Верх 7-го и весь 6-й метр заняты менее плотным слоем с обильными включениями обломков сырцового кирпича. Нижняя часть этого слоя, вероятно, является нивелировочной подсыпкой под стену, зафиксированную в XI—VIII ярусах. Она сложена из разноформатного сырцового кирпича: 38×20×8; 42×?×9; 40×?×10; 52×22×10; 52×20×10 см. На рубеже 5—6 м выявлен четкий горизонтальный пол, выраженный зольной прослойкой, выше которого расположен 1,5-метровый

мягкий культурный слой, обильно насыщенный гумусом и зольными включениями. Очевидно, он образовался в период запустения нижележащих сооружений, поскольку перекрывает остатки упомянутой стены. Выше залегает трехметровый слой разрушений, разделяющийся на два примерно равных по толщине пласта. Нижний, вероятно, образовался в период разрушения древних построек, а верхний—уже при нивелировке руин. Самый верхний рыхлый слой имеет толщину 0,6—0,7 м. Он связан с обживанием памятника в X—XI вв. Здесь обнаружены обломки жженого кирпича и редкие фрагменты поливной керамики.

Керамика из шурфа в целом однородна во всех описанных выше слоях (за исключением самого верхнего), поэтому ниже дано ее обобщенное описание[1]. В фактурно-технологическом отношении выделяются три группы: 1) круговая, с черепком хорошего качества; 2) круговая, с грубым плохообожженным черепком; 3) лепная, с примесью шамота.

К первой группе относится керамика без грубых примесей в тесте. Черепок, как правило, хорошо обожжен и имеет коричневый, желто-коричневый, желтый, палевый или розовый цвет. Внешняя поверхность — цвета теста или кремовая. В одном случае зафиксировано использование красного ангоба. Из форм следует отметить два небольших кувшинчика (табл. XXII, *21, 27*) и чашечку с горизонтально отогнутым венчиком (табл. XXII, *35*).

Тесто сосудов второй группы пористое с многочисленными мелкими кавернами и включениями кусочков извести или гипса. Обжиг, как правило, некачественный, сердцевина черепка обычно черная, а наружные слои—красные. Наиболее распространенная форма — горшки средних размеров с несколько утолщенным венчиком и слегка выпуклым дном (табл. XXII). Встречаются также хумы.

Третью группу составляет лепная керамика с примесью шамота в тесте. Черепок в изломе желтый, коричневый, красный. Внешняя поверхность часто закопчена. На одном фрагменте стенки с подобной фактурой имеются потеки красного ангоба. Причём наиболее характерны каплевидной формы горшки с подтреугольным в сечении венчиком, пологими стенками и ребром в нижней части тулова, образовавшимся, вероятно, в результате использования при формовке чашевидной подставки (табл. XXII, *14, 23*). Имеются фрагменты горшков с ручками в виде прямоугольных горизонтальных пластин, прикрепленных к средней части тулова, и горшки с полукруглыми вертикальными ручками, прикрепленными

---

[1] На табл. XXII находки сгруппированы по слоям.

у венчика. Один из сосудов украшен тремя рядом расположенными шишечными налепами (табл. XXII, *14*). К этой группе примыкает котел, имеющий описанную фактуру теста, но изготовленный на круге.

СИНХРОНИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСОВ

При относительной синхронизации выявленных стратиграфических горизонтов важнейшее значение приобретает сопоставление стратиграфии Мирзабек-кала (шурф № 1) и Чопли-депе. Наиболее раннее соответствие обнаруживается для керамических комплексов Чопли 1—2 и Мирзабек 4. Совпадение всех основных форм: хумов, бокалов, чаш, горшков и кувшинов, показанное на рис. 22, свидетельствует о полной или частичной синхронности этих комплексов. В комплексах Чопли 6 и Мирзабек 7 уже неизвестны, ранее широко представленные чаши с развернутыми венчиками. Комплексы Чопли 7 и Мирзабек 7 сближает крайняя малочисленность красноангобированных бокалов на высокой ножке, которые в вышележащих слоях той и другой колонки уже не встречаются. Эти два факта, наряду со сходством в других керамических формах, дают основания говорить об относительной синхронности комплексов Мирзабек 7 и Чопли 6—7.

Достаточно отчетливо прослеживается хронологическая близость комплексов Мирзабек 9—10 и Чопли 8. Их объединяет широкое распространение кувшинов со сложнопрофилированными геометризированными венчиками и валиком или уступом на горле (табл. IX, *1, 6*; XVI, *2, 10*). Но еще большее сходство материалы из горизонтов Мирзабек 9—10 обнаруживают с находками из Чопли 9. Для обоих комплексов характерны изготовленные на гончарном круге курильницы (см. табл. XI, *29*; XVI, *1*), распространение небольших кувшинчиков и появление керамики новой фактурной группы—сосудов кругового изготовления с плохим качеством черепка.

Синхронизация стратиграфических горизонтов шурфов 1 и 2 на Мирзабек-кала вызывает определенные трудности, обусловленные малочисленностью сравниваемого материала. Керамика из нижнего горизонта шурфа № 2 хронологически, по-видимому, соответствует последним стадиям бытования комплекса Мирзабек 3 (шурф № 1). В пользу такого сопоставления могут быть привлечены следующие факты. В нижнем горизонте шурфа № 2 встречаются хумы с защипами по внешнему краю, но уже нет чаш с подтреугольным приостренным снизу венчиком. В то же время в этом комплексе еще нет «скобчатых» венчиков хумов, трехваликовых венчиков горшков и кувшинов. Верхние слои шурфа № 2, вероятно, частично синхронны слоям Мирзабек 7—8.

Сопоставление материалов позволяет говорить о полной

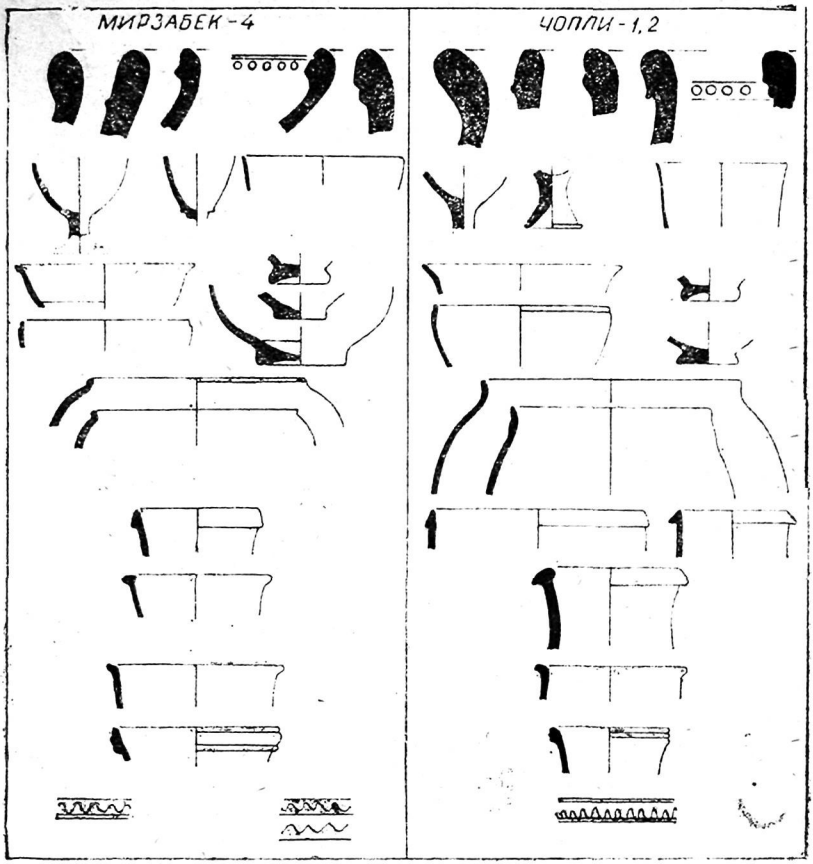

Рис. 22. Сравнительная таблица керамических комплексов Мирзабек 4 и Чопли 1—2.

или частичной синхронности слоев Чопли 9—10 и кроющего слоя поселения Шор-депе у станции Мукры. Для обоих сравниваемых комплексов характерны сходные профили хумов столовых «ваз», керамика с грубой фактурой. Наконец, их хронологическая близость убедительно подкрепляется монетными находками.

Эти же аргументы могут быть приведены при хронологическом сближении комплексов Чопли 9—10 и 3-го горизонта шурфа на Ак-депе около Бургучи. На основании широкого распространения сложнопрофилированных венчиков кувшинов и использования керамики с некачественным черепком можно говорить о хронологической близости слоев Мирзабек 9—10 с горизонтом Хатаб-кала 4.

Основную толщу культурных слоев Кара-депе следует связывать с функционированием и последующим разрушением какой-то раннесредневековой постройки. Датировка ее периодом раннего средневековья основывается на следующих фактах. В кладках стены, обнаруженной в IX—XI ярусах, использован прямоугольный сырцовый кирпич размерами 52×20—22×10 см. Кирпич такого формата появляется на территории Бактрии — Тохаристана в V в. и используется в течение всего раннесредневекового периода[1]. В Керкинском районе, помимо Кара-депе, он зафиксирован еще в кладках бастиона Куреген-кала. Другим аргументом в пользу этой датировки является резкое отличие керамики Кара-депе от типичных позднекушанских комплексов, хорошо известных по раскопкам других памятников. На Кара-депе нет бокалообразных сосудов, небольшим количеством представлены чаши, отсутствуют типичные для кушанского времени «скобчатые» венчики хумов и подтреугольные венчики хумов с тремя валиками на внешней плоскости, практически отсутствует красноангобированная керамика, нет каменных профилированных пряслиц. К этому следует добавить близкое сходство котлов Кара-депе как по форме, так и технике изготовления (применения специальной подставки, в которой формовалась нижняя часть сосуда) с аналогичными изделиями с Дагайтепе близ Карши. С. А. Кабанов эти находки относит к VII—VIII вв. н. э.[2] Керамика из шурфа на Кара-депе в целом однородна во всех горизонтах за исключением самого верхнего, поэтому ее можно рассматривать как единый комплекс раннесредневекового периода.

Стратиграфия Мирзабек-кала и аналогии комплексу находок из нижнего слоя «Бековской крепости» в Керки указывают на бо́льшую древность керкинского комплекса. Отсутствие значительного сходства между комплексами «Бековской крепости» и Мирзабек 1 заставляет предполагать существование между ними хронологической лакуны. Но уточнить величину этого хронологического разрыва в настоящее время не представляется возможным.

Приведенные выше сопоставления послужили основой для синхронизации известных комплексов Юго-Восточной Туркмении (табл. 1).

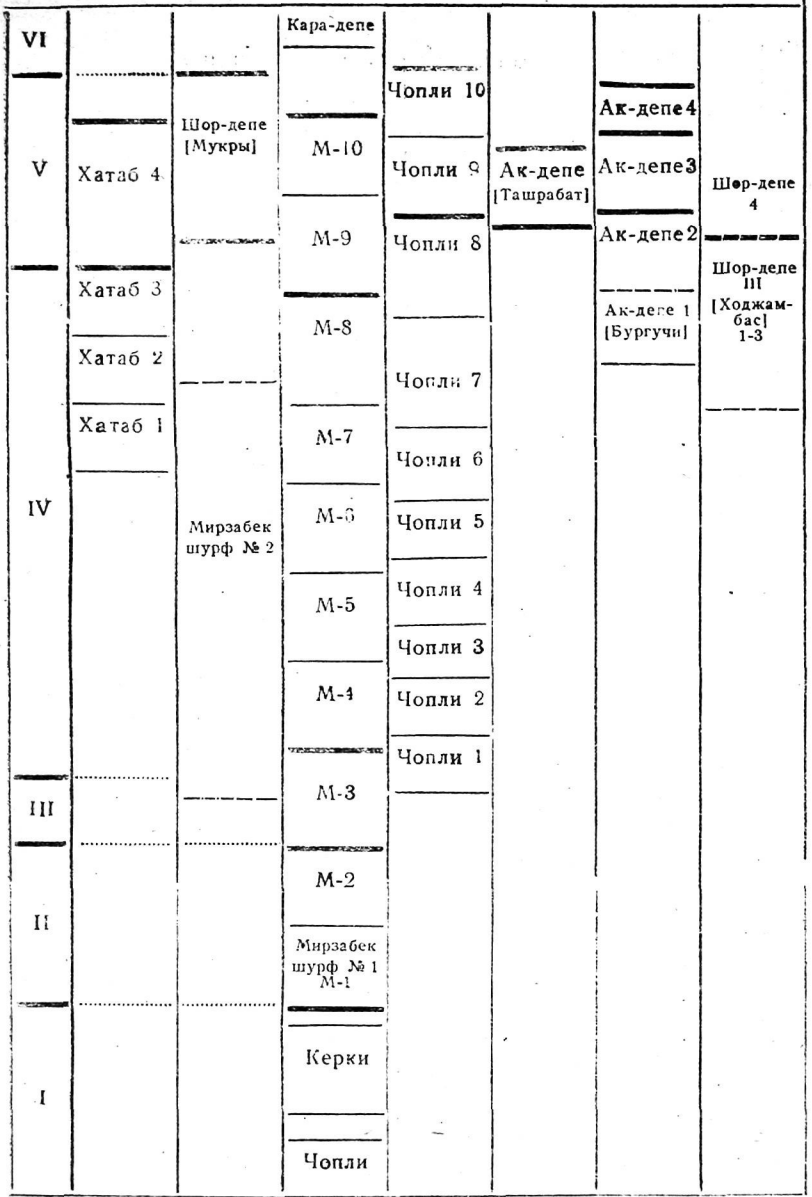
---

[1] *Нильсен В. А.* Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.) Ташкент, 1966, с. 212.

[2] *Кабанов С. К.* Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977, с. 36—37, рис. 23, *2*.

Таблица 1

Синхронизация комплексов

Периоды: I — древнебактрийский; II — греко-бактрийский; III — юэджийский; IV — кушанский; V — кушано-сасанидский; VI — раннесредневековый.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ТУРКМЕНИИ

Выделение конкретных стратиграфических комплексов и их хронологическая привязка относительно друг друга создают фактологическую основу для археологической характеристики основных этапов древней истории Юго-Восточной Туркмении. Поскольку этот район в историко-культурном плане можно рассматривать как часть Бактрии, то при периодизации его материальной культуры нами использована номенклатура, применяемая при историко-культурной характеристике этой области. В соответствии с периодизацией бактрийской истории ниже рассмотрены древнебактрийский, греко-бактрийский, юэджийский, кушанский, кушано-сасанидский комплексы. В силу ограниченности имеющихся материалов, нерешенности проблемы абсолютной кушанской хронологии и отсутствия прямой зависимости облика материальной культуры от событий политической истории[1], указанные комплексы не имеют жесткой привязки к шкале времени[2] и дают лишь общие представления о последовательном изменении материальной культуры данного региона.

Рассмотрение материальной культуры Юго-Восточной Туркмении в пределах больших хронологических этапов позволяет также дать ее более полную характеристику и избежать некоторых ошибок в хронологическом определении тех или иных артефактов, обусловленных отсутствием необходимых данных для точной датировки конкретных стратиграфических комплексов и неизбежным для многослойных памятников вертикальным перемещением части материала.

Древнебактрийский комплекс. Представлен подъемным материалом из Чопли-депе и находками из зачистки на «Бековской крепости» в Керки (см. табл. 1). Определяющими для этого комплекса являются изготовленные на круге цилиндро-конические сосуды с хорошего качества черепком обычно розового или красного цвета и белой или кремовой внешней поверхностью.

Материалы с Чопли-депе более ранние. Для них характерен значительный процент широкогорлых горшков с плавно отогнутым наружу венчиком. Они лепные, в тесте примесь шамота. Для крупных банкообразных сосудов круговой выделки характерны венчики, образующие переходный вариант от «клювовидных» к «манжетовидным» (см. табл. I, *16, 18, 26*). Ниже венчика часто имеется широкий, несколько углуб-

[1] Дальверзинтепе..., с. 176.

[2] Вопросы датировки указанных комплексов рассмотрены при их конкретной характеристике.

ленный пояс, легкий перегиб стенки или выступающее ребро. Обе эти основные формы находят ближайшие аналогии среди материалов Кучук II[1] и Тилля-тепе[2].

На Кучук-тепе встречаются аналогии найденному в перемещенном виде обломку бронзового двухперого наконечника стрелы[3] (см. табл. IV, *6*) и фрагменту бронзового ножа[4] (см. табл. IV, *22*). К этому комплексу, видимо, следует относить и биконическое каменное ядро (см. табл. IV, *14*).

В предварительном порядке данный комплекс можно датировать VII в. до н. э.

Второй хронологический этап представляют находки из Керки. Для этого комплекса характерно преобладание цилиндро-конических сосудов с приостренными манжетовидными (копьевидными) венчиками, широкое распространение мелких цилиндро-конических банкообразных форм и значительное выделение ребра при переходе от цилиндра к подкосу. Некоторые горшковидные сосуды лишены подкоса. Данные признаки дают основание относить комплекс ко времени, предшествующему греко-македонскому завоеванию (IV в. до н. э).

Греко-бактрийский комплекс. Представлен находками из первого и второго стратиграфических горизонтов Мирзабек-кала. Датировка комплекса (III—II вв. до н. э.) устанавливается благодаря стратиграфическому положению этих горизонтов, находкам венчиков, в пережиточной форме сохранивших традиции ахеменидского времени (табл. XIV, *34, 37*), обнаружению бронзового трехперого наконечника стрелы, не встречающегося позднее III—II вв. до н. э. и многочисленным аналогиям в керамике других бактрийских памятников этого периода[5]. Рассматриваемые аналогии позволяют также реконструировать форму некоторых сосудов, представленных на Мирзабек-кала лишь фрагментами.

Керамический комплекс характеризуется тремя фактурными группами. Наиболее многочисленна керамика с хорошо подготовленным тестом и равномерно обожженным черепком. Часть ее (хумы) лепилась от руки, но большинство изделий изготовлялось на гончарном круге. Черепок в изломе различных оттенков красно-коричневой гаммы. Значительно чаще, чем в более поздних комплексах, встречаются изделия с ро-

---

[1] *Аскаров А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979, табл. 9—12.

[2] *Сарианиди В. И.* Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М., 1972.

[3] *Аскаров А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа..., с. 45, рис. 19.

[4] Там же, с. 110, табл. 23, *3*.

[5] Дальверзинтепе..., с. 144—146; *Козловский В. А., Некрасова Е. Г.* Стратиграфический шурф на цитадели Древнего Термеза. — В кн.: Древняя Бактрия, вып. 2. Л., 1976, с. 31—32, рис. 1; *Gardin I. C.* Les ceramiques...

зовым или желтым в изломе черепком. Часть столовых сосудов покрывалась плотным розовым, красным и кремовым ангобом, некоторые изделия залощены. Какой-либо орнаментации, кроме защипов на венчиках хумов, не зафиксировано. Вторую небольшую группу составляет черноглиняная круговая керамика, представленная преимущественно чашами. К третьей группе относится хозяйственная жаростойкая лепная посуда с примесью шамота в тесте.

Основные формы керамики греко-бактрийского комплекса представлены в табл. XXIII. Ведущие диагностические формы: чаши с клювовидным, приостренным снизу, венчиком и пологими коническими стенками. Эта форма восходит к греческим рыбным блюдам, чаши с Т-образным венчиком; бокалы с плоским дном или с дисковидным поддоном, резервуар этих сосудов часто имеет цилиндро-конические или биконические очертания, но нередки и бокалы с яйцевидным туловом, хумы с валикообразным венчиком, украшенным по внешнему краю серповидными защипами или овальными вмятинами. Все эти формы в последующий исторический период встречаются крайне редко.

Материалы данного периода известны только по городищу Мирзабек-кала. Памятник этот многослойный и лишь очень осторожно можно предполагать, что в греко-бактрийское время Мирзабек-кала уже была поселением городского типа площадью около 4 га, состоящим из нуклеарной части и крупной цитадели. В слоях греко-бактрийского времени выявлены только остатки пахсовых стен, но, привлекая сведения о синхронных памятниках сопредельных территорий (Бактры, Термез, Дальверзинтепе, Ай-Ханум), можно предполагать, что в это время в Юго-Восточной Туркмении также использовался сырцовый кирпич квадратной формы. Характеристику комплекса можно дополнить указанием на использование зернотерок ладьевидной формы, керамических конусовидных печатей (см. рис. 13, *3*). По аналогиям с Ай-Ханум можно предполагать распространение пирамидальных и эллипсовидных ткацких грузил. К этому периоду, возможно, относится также статуэтка «обнаженной богини», принадлежащая к числу случайных находок. Подобные изображения обнаженных и полуобнаженных богинь относятся к числу наиболее ранних терракот античного периода и характерны для всех основных историко-культурных областей Средней Азии, где существовала традиция изготовления культовых статуэток[1].

---

[1] *Пугаченкова Г. А.* Коропластика древнего Мерва. — Тр. ЮТАКЭ, т. 11. Ашхабад, 1962, с. 120—123; *Мешкерис В. А.* Ранние терракоты Согда (к вопросу об истоках согдийской коропластики). — В кн.: Искусство таджикского народа, вып. 3. Душанбе, 1965, с. 11—29; *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент, 1966, с. 218—221; *Воробьева М. Г.* Ранние терракоты древнего Хорезма. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 140—141.

Юэджийский комплекс. В рассматриваемом районе находки юэджийских монет (подражания монетам греко-бактрийских царей) пока неизвестны, поэтому при выделении комплексов данного периода мы вынуждены использовать только аналогии и данные стратиграфических наблюдений. В этой связи необходимо коротко остановиться на вопросе об определении длительности существования поселений по толщине их культурных слоев и количеству строительных горизонтов. В литературе высказывались предположения, что, например, в Сурхандарьинской области в античный период за один век происходило накопление культурного слоя толщиной около 1 м[1]. Это заключение представляется однако умозрительным. В той же Сурхандарьинской области мощность слоев античного времени в Термезе составляет около 4 м, а на городище Зар-тепе—около 5 м, но состав находок свидетельствует о том, что Термез существовал на несколько столетий дольше[2]. Такой вывод, во всяком случае, неприменим к памятникам Средней Амударьи, так как при подобном подходе продолжительность жизни на Мирзабек-кала составляла бы полторы, а на Чопли-депе—тысячу лет.

Невозможной представляется и единая хронологическая оценка одного строительного горизонта, т. е. определение продолжительности существования тех или иных построек. На Мирзабек-кала и Чопли-депе выделено по 10 стратиграфических горизонтов, но в длительности существования этих поселений имеется разница в несколько столетий. Теоретически возможно функционирование однотипных сырцовых построек от нескольких лет до нескольких столетий.

Тем не менее попытки подобных оценок применительно к конкретным объектам могут быть оправданы. На Чопли-депе выделено 10 стратиграфических горизонтов. Начиная с 3-го строительные горизонты слагаются из мусорных отложений и продуктов разрушения однотипных по своей конструкции построек, т. е. если допустить, что причиной их разрушения были естественные факторы, то каждый из стратиграфических горизонтов представляет примерно равный отрезок времени. Монетные находки в 4, 7—8-м стратиграфических горизонтах дают для них достаточно жесткую хронологическую привязку. Находки монет Канишки в 7-м и 4-м горизонтах позволяют предполагать, что монета 4-го горизонта попала в культурный слой вскоре после ее выпуска, то есть

---

[1] Дальверзинтепе..., с. 15.

[2] *Козловский В. А., Некрасова Е. Г.* Стратиграфический шурф...; *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология. — В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 4—5, 9.

в период правления этого царя[1], монеты 7-го горизонта, вероятно, продолжали находиться в обращении при последующих кушанских царях. В 8-м горизонте на полу с отметкой 305 см найдено три монеты Васудевы и две—Канишки III. Из этого следует вывод, что слои 4—8-го горизонтов ниже пола с отметкой 305 см относятся к периоду между воцарением Канишки I и правлением Канишки III. Этот период может быть грубо оценен в 100±20 лет[2], соответственно средняя продолжительность накопления отложений одного стратиграфического горизонта составит 25±5лет. Если мы спроецируем этот вывод на нижележащие слои, то время накопления 3,5-метровой толщи культурных отложений, представленных тремя нижними стратиграфическими горизонтами, следует оценивать периодом не более одного столетия. Примерно также определяется длительность правления кушанских царей до Канишки, что дает основание относить горизонты Чопли 1—8 к кушанскому периоду. Соответственно на основании приведенной выше синхронизации слоев Чопли 1—2 и Мирзабек 4 к юэджийскому периоду уверенно можно относить только материалы из слоев Мирзабек 3.

В фактурном отношении в комплексе юэджийского времени выделяются те же три группы — красноглиняная, черноглиняная и кухонная с шамотом. Для начальной стадии отмечено редкое использование форм, характерных для греко-бактрийского комплекса. Наиболее широко встречающимися формами являются чаши на поддоне с развернутыми наружу стенками и чаши в виде шарового сегмента (табл. XV, *68—86*). Но обе эти формы были широко распространены в предшествующий и последующий периоды. Важнейшее новшество данного комплекса — широкое распространение бокалов на высокой ножке. Они предположительно имели выпукло-коническую и колоколовидную форму тулова. Несомненно, к юэджийскому периоду относится и часть бокалов указанных форм из могильника Баба-Шов[3].

В юэджийский период продолжает существовать поселение городского типа на месте Мирзабек-кала. В конце периода происходит значительный территориальный рост поселе-

---

[1] Дополнительным указанием на связь 4-го горизонта с начальной стадией правления Канишки могут служить находки узких рюмкообразных бокалов с валиком при переходе от резервуара к ножке. Аналогичные бокалы на Дильберджине найдены в слоях, датированных монетами «Сотер мегаса» (*Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин, ч. 2. М., 1977, с. 25, 32, рис. 16, 26). На Чопли-депе эти бокалы характерны для 3-го и 4-го горизонтов.

[2] Последняя надпись Васудевы, предшественника Канишки III, датирована 98 г. по эре Канишки.

[3] *Мандельштам А. М.* Памятники кочевников..., с. 110, табл. XXI.

ния. К востоку от нуклеарной части города возникает новый массив застройки-III (см. рис. 14), культурные наслоения которого зафиксированы в шурфе № 2. Вероятно, происходит количественный рост и сельских поселений. Имеющийся материал позволяет предполагать существование слоев этого периода на Мунчак-депе южном, Тилля-депе и в районе Керки, откуда происходит серебряная парфянская монета[1]. Следует отметить, что для этого периода в Юго-Восточной Туркмении засвидетельствованы находки лишь трех монет и все они— парфянские драхмы. На Мирзабек-кала найдены монеты Синатрука (ок. 77—70 гг. до н. э.) и Фраата III (70—57 гг. до н. э.), в Керки—драхма Синатрука. Эти находки в сочетании с парфянскими драхмами и подражаниями им из некрополя Тилля-депе[2] и храма Окса на Тахти-Сангине[3] следует рассматривать как свидетельство обращения парфянских драхм в некоторых районах Бактрии.

Строительным материалом в этот период по-прежнему служили пахса и сырцовый квадратный кирпич. Учитывая преемственность развития культуры, прослеживаемую в керамических комплексах и строительстве, следует также предполагать и дальнейшее развитие искусства коропластики. Однако отсутствие находок терракот в стратифицированных слоях не позволяет выделить типы, характерные для данного периода.

Кушанский комплекс. Аргументация в пользу выделения комплексов кушанского периода приведена выше. К кушанскому времени отнесены горизонты Чопли 1—8, Мирзабек 4—8, Хатаб 1—3, Бургучи 1—2, Шор-депе Ходжамбасское 1—3; за исключением самых нижних, слои шурфа № 2 на Мирзабек-кала (см. табл. I).

В этот период в рассматриваемом регионе практически не используется черноглиняная керамика. Ведущие формы—бокалы, чаши, хумы, горшки и кувшины.

Среди бокалов продолжают бытовать выпукло-конические и колоколовидные; появляются и получают широкое распространение рюмкообразные. Характерная их особенность—наличие рельефных ободков в средней части ножки и при переходе от ножки к резервуару. В период после правления Канишки количество бокалов уменьшается. В эпоху Васудевы они практически отсутствуют.

Чаши с развернутым наружу венчиком и небольшим под-

---

[1] *Массон М. Е.* Монетные находки, с. 258.

[2] *Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А.* Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-тепе (Северный Афганистан).—В кн.: Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982, с. 307—318.

[3] *Пичикян И. Р.* Раскопки на каменном городище. Археологические открытия 1979 года. М., 1980, с. 477.

доном, широко распространенные с греко-бактрийского времени, в период правления Канишки выходят из употребления. Другие виды чаш (конические и в виде шарового сегмента) продолжают изготовляться, но их доля в общей массе керамики во второй половине кушанского периода значительно уменьшается. Тазы в целом являются консервативной формой, некоторые из них сохранили профиль, известный еще для греко-бактрийских комплексов. Вместе с тем следует отметить распространение крупных столовых мисок, обычно известных под названием «вазы». Для периода Канишки характерны «вазы» с крутопоставленными стенками, гравированным орнаментом на внутренней поверхности и вертикальными ручками ниже венчика (табл. XXIV, *14*), встречаются также «вазы» со значительно отогнутым венчиком.

В кушанский период распространяются различные варианты валикообразных венчиков. В этот период или в конце юэджийского появляются венчики хумов, имеющие снаружи двухваликовое оформление, среди них наиболее характерны «скобчатые» венчики.

Особо следует отметить редкие фрагменты хумов с вырезанными по сырой глине знаками, вероятно, тамгами. В слоях 7-го стратиграфического горизонта Чопли-депе найден венчик хума типичной для этого периода формы. На внешней его стороне имеется оттиск геммы. На круглом зеркале диаметром 1,9 см дано профильное изображение обращенного вправо козла (см. рис. 7, *5*).

Горшки и кувшины в основном представлены мелкими фрагментами венчиков и горловин, поэтому характеристику этих форм дать трудно. Можно отметить широкое распространение двуручных кувшинов с цилиндрической горловиной, но возникновение этой формы относится еще к греко-бактрийскому времени[1]. На плечиках кувшинов часто наносится волнистый орнамент в линейном обрамлении[2], иногда этот фриз повторяется дважды. Некоторые кувшины покрывались красным ангобом. Орнаментация мелкими штампами в рассматриваемом районе не была популярной. Редкие сосуды, украшенные подобным орнаментом, вероятно, привозные.

Определяющими элементами данного комплекса являются рюмкообразные бокалы, «скобчатые» венчики хумов, подтреугольные и манжетовидные венчики горшков, кувшинов и тазов с внешней поверхностью, разделенной на несколько четких валиков (обычно три). В конце великокушанского периода широкое распространение получают сложно профилированные венчики кувшинов с прямоугольным или трапе-

[1] *Gardin J.* Ceramique Ai—Khanum..., Pl. 141.

[2] Судя по материалам Ай-Ханум, этот мотив также зародился в греко-бактрийское время.

циевидным остроребериым выступом (например, табл. IX, *1, 6, 10*). Вероятно, в этот период появляется традиция нанесения под венчиками некоторых горшков и кувшинов четырех сквозных отверстий. Следует отметить, что многие из отмеченных признаков характерны не только для кушанского, но и следующего, кушано-сасанидского периода, в чем можно видеть следствие традиционного развития местной культуры.

Кушанский комплекс, помимо керамики, характеризует ряд других предметов материальной культуры. Среди орудий труда широко были распространены зернотерки, в конце периода, возможно, появляются также жернова. Находка жернова известна из верхних слоев 8-го стратиграфического горизонта Чопли-депе. Из других каменных изделий можно отметить оселки, терочники, точильные камни, но эти виды изделий не характеризуются какими-либо специфическими особенностями. Оселки имеют вид плоских, подквадратных или овальных в сечении небольших продолговатых камней с отверстием для подвешивания у одного из торцов (см. табл. IV, *5, 13*). Терочники имеют вид неправильных округлых камней со следами потертости (табл. XXV). Иногда в результате сильной сработанности они приобретают кубовидные очертания.

Большую характерную группу составляют пряслица. Наиболее часто встречаются сложнопрофилированные белокаменные пряслица, выточенные на токарном станке (табл. XXVI). Они, несомненно, продукт специализированного ремесленного производства. Наряду с каменными, встречаются лепные керамические прясла цилиндрической формы (табл. XXVI, *15*), а также выточенные из стенок сосудов. Назначение прясел точно не устанавливается. Вероятно, в зависимости от размеров и веса они употреблялись по-разному. Большинство из них, особенно каменные, действительно служили грузилами для веретен; часть мелких дисков с отверстиями могла использоваться как пуговицы, крупные тяжелые кружки, как, например, «прясло» с Пультапты-депе (см. табл. V, *5*), вероятно, служило грузилом для ткацкого станка. Практическое отсутствие в кушанских комплексах специального изготовления светильников подсказывает еще одно вероятное назначение некоторых из этих поделок—они могли быть составной частью светильников.

В кушанский период широко использовались глиняные и терракотовые грузила для ткацких станков. Они встречаются двух видов: пирамидальные и эллипсовидные (см. табл. V). Пирамидальные иногда обжигались, эллипсовидные после изготовления лишь подсушивались на солнце.

Металлические изделия, несомненно, играли важную роль в жизни местного населения. Но именно большая ценность обусловила их малочисленность среди археологических на-

ходок. При раскопках Чопли-депе встречены обломки однолезвийных железных ножей и какое-то железное орудие в виде массивной пластины треугольной формы. Длина — 18,8 см, максимальная ширина—8,1 см. На продольной оси сохранились отверстия для двух заклепок (см. табл. XIII, *5*), Вероятно, это насадка какого-то землеройного орудия.

Единичными находками представлены костяные игольники (см. табл. IV, *1*), и концевые обкладки луков (см. табл. IV, *9*). Характерным бактрийским артефактом являются миниатюрные базы колонн, изготовлявшиеся на токарном станке из мрамора или мергелистого известняка. Находки подобных микробаз in situ неизвестны, поэтому об их назначении имеются лишь умозрительные заключения. Г. А. Пугаченкова высказала предположение, что они могут быть деталями архитектурного оформления ниш, пьедесталов, цоколями статуэток и подставками небольших переносных алтарей[1]. Изготовление подобных микробаз началось еще в греко-бактрийский период[2]. Использование их в кушанский период в Юго-Восточной Туркмении подтверждается находкой обломка мраморной миниатюрной базы в восьмом стратиграфическом горизонте Чопли-депе. Из-за плохой сохранности форма ее полностью не восстанавливается, имеющийся фрагмент, вероятно, принадлежит верхней части базы. Профиль ее сильно расчленен, верхняя плоскость имеет коническое углубление (см. табл. VIII, *3*). Наибольший диаметр—15 см. В целом данную микробазу можно рассматривать как позднюю реплику баз «аттического» типа. Микробазы лучшей сохранности и более близкие по форме к классическому варианту известны среди подъемного материала с Мирзабек-кала. Всего найдено три базы такого типа. Одна из них целая. Она имеет квадратный плинт со стороной 17,5 см. В центре основания— квадратное углубление (2,4×2,4×5 см). Высота плинта— 3,5 см. Далее следует выделенный скоциями вал, над ним начинается цилиндрический участок, сопряженный скоцией и полочкой с двумя верхними сильно деформированными валами. Верх базы плоский (см. табл. VIII, *2*), общая высота— 17,1 см. Четвертая подъемная база Мирзабек-кала сильно

---

[1] *Пугаченкова Г. А.* Новые данные о художественной культуре Бактрии. — В кн.: Из истории античной культуры Бактрии. Ташкент, 1973, с. 88. При раскопках Дальверзинтепе обнаружено несколько культовых ниш, оформленных трехчетвертными колонками с базами, выполненными в глине (Дальверзинтепе..., с. 76, рис. 144 на с. 210).

[2] *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан). МИА, вып. 37. М.—Л., 1953, с. 285, рис. 20; Bernard P. Compagne de fouilles 1969 á Aï-Khanoumen Afghanistan. «Comptes rendus des séances de L'Academie des Inscriptions et Belles — lettres». Paris, 1970, p. 337, fig. 29—30.

повреждена, ее профиль практически не имеет ничего общего с базами «аттического» типа: плинт, полувал и два вала, разделенные скоциями. В верхней плоскости базы имеется небольшое круглое углубление. Размеры в основании—9×9, высота—9,8 см. На Мирзабек-кала, вероятно, использовались также крупные каменные базы. На разрушенных участках пригорода обнаружено несколько крупных кусков мрамора и мраморовидного известняка. В одном дворе прилегающего к Мирзабек-кала селения по прямому назначению использован квадратный плинт со стороной 60 см.

Важную категорию артефактов кушанского комплекса составляют терракоты, характеризующие материальную и художественную культуру, а также идеологические воззрения местного населения (табл. XXVII—XXXIX). В рассматриваемом регионе в настоящее время известно 112 терракот, которые по тематике можно разделить на несколько категорий: женские культовые статуэтки, мужские статуэтки, статуэтки всадников и животных. Основная часть этих терракот относится к кушанскому времени.

Вопросы классификации женских культовых статуэток Средней Амударьи уже были рассмотрены автором[1], но сейчас имеется значительный новый материал и появилась возможность уточнения датировки отдельных типов, благодаря проведению стратиграфических исследований на Чопли-депе. Как показано выше, это поселение возникло в кушанский и продолжало функционировать в кушано-сасанидский период. Однако наблюдения на памятниках долины Средней и Верхней Амударьи и других районов Бактрии[2] показывают, что в кушано-сасанидский период массовое изготовление терракотовых статуэток было прекращено. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что все терракоты, найденные на Чопли-депе, в том числе подъемные, относятся к кушанскому периоду.

Основная масса женских культовых статуэток изготовлялась путем оттиска в одностороннних формах. Тыльная и боковая стороны имеют следы заглаживания и подрезки. Глиняная масса большинства терракот тщательно подготовлена и хорошо обожжена. Черепок в изломе коричневый, иногда

---

[1] *Пилипко В. Н.* Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи. — СА, 1977, № 1.

[2] *Завьялов В. А.* Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зар-тепе в 1975—1976 гг. — СА, 1979, № 3; *Пидаев Ш. Р.* Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978; *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин, ч. 2. М., 1977; *Седов А. В.* Археологические комплексы Кобадиана середины IV—V вв. н. э.—В кн.: Конференция. Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тез. докл. М., 1981, с. 138.

розовый, желтовато-коричневый или красный. Цвет внешней поверхности светло-серый, кремовый, реже—зеленоватый. Некоторые терракоты сохранили следы красного ангоба. Для изготовления терракот использовалось несколько исходных моделей, выполненных квалифицированными мастерами. В дальнейшем в результате многократного тиражирования, использования в качестве моделей дефектных статуэток, постепенно происходит огрубление первоначальных типов. В настоящее время преимущественно по материалам Чопли-депе и Мирзабек-кала для кушанского времени выделяется 7 типов фигурок и 3 типа головок.

I. Богиня с виноградной гроздью и плодом граната или сосудом. Изображение фронтальное, большая гроздь винограда находится в правой вытянутой вдоль туловища руке, гранат или сосуд—в левой, согнутой в локте и прижатой к боку. Это наиболее многочисленный в нашей коллекции тип. Он представлен 10 фигурками, одной целой статуэткой и 7 головками (см. каталог терракот). Среди них можно выделить несколько разновидностей, свидетельствующих о длительности бытования и популярности данного образа. Существование вариантов, несомненно, указывает на использование нескольких исходных матриц. Одна разновидность статуэток представляла богиню в длинном до пят одеянии, украшенном рельефным орнаментом, вероятно, передающем нашивные украшения (табл. XXVII, *50, 51, 57;* табл. XXXVI, *50, 51*). Вторая разновидность—богиня в более скромном наряде того же покроя с веерообразными складками на передней части подола (табл. XXVII, *52, 53*). Эти исходные варианты в дальнейшем подверглись значительной трансформации. Один из поздних вариантов представляет терракота № 56, у которой уже едва прослеживаются детали первоначального наряда богини, а на шее появляется налепная грива. На этой статуэтке богиня изображена только до колен, что, вероятно, является результатом использования дефектной, старой матрицы (табл. XXVIII, XXXVII).

Благодаря находкам статуэток этого типа при раскопках на Чопли-депе (5-й стратиграфический горизонт), твердо устанавливается факт их использования в кушанский период, но начало их изготовления могло относиться и к более раннему времени. Находку обломка подобной статуэтки (№ 53) в слое завала 8-го стратиграфического горизонта Мирзабек-кала, вероятно, следует считать случайной.

II. Богиня с сосудом (?). На Чопли-депе найдены фрагменты трех фигурок данного типа (табл. XXIX, *9—11*). Две из них — подъемные (№ 9, 10), третья (№ 11)—из 6-го стратиграфического горизонта.

Этот тип, возможно, является модификацией статуэток богини с виноградной гроздью. В пользу этого можно привести следующие аргументы. Позиция левой руки у обеих богинь совпадает. Предмет, находящийся в ней, может быть определен, как сосуд (или плод граната). В одеянии обнаруживается несомненное сходство — платье оформлено по верху горизонтальной полосой орнаментальной отделки, с левого плеча наискось свисает складчатый шарф. Наиболее существенное различие в костюме — у богинь рассматриваемого типа под грудью имеется перевязь с бантом.

На относительно позднее изготовление статуэток «богини с сосудом» указывает их большая огрубленность, нечеткость оттисков и искажение многих деталей в результате многократного дублирования или использования в качестве моделей сильно изношенных, более ранних статуэток. Следствием использования дефектных прототипов, или матриц, может быть появление поясных изображений. Все эти данные могут быть истолкованы в пользу определения «богини с сосудом» как одной из поздних разновидностей образа «богини с виноградной гроздью», но пока не найдены экземпляры с головками, мы вынуждены выделять эту группу терракот в самостоятельный тип. Тем более, что статуэтки с аналогичным положением рук (одна опущена вниз, другая прижата у талии) известны в других районах Бактрии[1].

III. Богиня без культовых атрибутов. Имеется четыре статуэтки: три найдены на Мирзабек-кала, одна — на Чопли-депе. Поза фронтальная. Руки непропорционально короткие. Почти прямая правая—опущена вниз, согнутая левая — прижата к груди. Характер одеяния не совсем ясен. Богиня одета в расширяющееся книзу платье. Верх его богато украшен. Орнамент у каждой статуэтки индивидуален. В средней части платья у всех фигурок пять дугообразных складок. Начинаются они под левой рукой и заканчиваются на правом боку. На левой стороне подола у большинства статуэток прослеживается однотипный меандрообразный знак (табл. XXIX, *57, 58*). Ниже гладкого подола имеется широкая орнаментальная полоса. Ее узор у всех фигурок одинаков: расширяющиеся книзу вертикальные полосы заполнены рядами кружков и клеток. С левого плеча свисает плащ, частично скрывающий левую руку. Верхний конец плаща косо пересекает грудь. Представляется, что одеяние этих фигурок не очень удачно копирует наряд богинь с виноградной гроздью. У них сходным образом украшена верхняя часть платья. Шарф у статуэток без культовых атрибутов превратился в косые складки на платье. Нижняя орнаментальная полоса,

[1] *Пугаченкова Г. А.* Халчаян..., с. 221, рис. 104, *1, 2*.

скорее всего, не оторочка платья, а украшение постамента. Аналогичные декорированные постаменты имеются у некоторых статуэток из Мерва[1]. Отмеченное сходство в одеянии статуэток без культовых атрибутов и статуэток с виноградной гроздью, возможно, является отражением местных этнических особенностей, но не исключено прямое иконографическое влияние вторых на первые. Можно даже предположить, что статуэтки без культовых атрибутов — поздний модифицированный вариант статуэток богини с виноградной гроздью.

IV. Богиня в длинных одеждах. Крупные массивные фигурки, сильно стилизованные, но не лишенные некоторого изящества. Одежды длинные до пят — подобие накидки с очень длинными, свисающими по сторонам рукавами. Рукава и борта накидки переданы рельефными полосами. Основания фигурок массивные, устойчивые. На Чопли-депе и Мирзабек-кала найдено 6 фрагментов статуэток.

Выделяются две разновидности. Для первой из них характерно обрамление рукавов и бортов накидки цепочками рельефных колец. По средней части рукавов, плечам и вокруг шеи проходит еще одна орнаментальная лента, состоящая из мелких рельефных кружков и треугольников (табл. XXX, *60, 61*; XXXVIII, *60*). К этой разновидности относятся две фигурки, найденные на городище Мирзабек-кала (№ 60—61).

Вторую разновидность отличает полное отсутствие дополнительной орнаментации. У некоторых экземпляров маленькими рельефными кружками изображены груди (табл. XXX, *62*). Эта разновидность представлена четырьмя экземплярами с поселений Мирзабек-кала и Чопли-депе.

V. Богиня с лепным туловом. Найдено две целых статуэтки и семь фигурок. Для этого типа характерно вылепленное от руки тулово в виде цилиндра или конуса, основание плоское, устойчивое, иногда полое внутри, руки условно переданы очень короткими конусовидными налепами, прижатыми к груди или расставленными в стороны, у некоторых экземпляров небольшими выпуклостями намечены груди. Судя по целым экземплярам, головки статуэток изготовлялись отдельно в односторонней форме и затем соединялись с туловом. В настоящее время известно две статуэтки с совершенно разными по типу головками. Одна, в высоком головном уборе, передает образ немолодой женщины с энергичным мужеподобным лицом (№ 15). Вторая увенчана небольшой, с мелкими

---

[1] *Пугаченкова Г. А.* Коропластика древнего Мерва. — Тр. ЮТАКЭ, 1962, т .11, с. 128, рис. 8. Подобные постаменты, но без орнамента, имеются у некоторых статуэток богини с виноградной гроздью.

чертами лица, простоволосой головки (№ 64). Находки матриц, предназначавшихся специально для изготовления головок (№ 72), и головок, явно изготовленных в подобных матрицах (№ 74, 77), заставляют предполагать использование в сочетании с лепным туловом еще нескольких типов головок. Обе целые статуэтки происходят из стратиграфически фиксированных слоев, относящихся к раннекушанскому периоду— не позднее правления Канишки.

VI. Сидящая богиня. Этот тип представлен тремя подъемными фигурками, найденными на поселении Чопли-депе (табл. XXVIII, *22—23*). Изготовленные в односторонней форме статуэтки отличаются небольшими размерами и уплощенностью. Плохая сохранность фигурок не позволяет дать четкой характеристики типа. Оттиски передают несколько условный образ сидящей богини. Одета она в длинное платье. Руки покоятся на коленях, в них, вероятно, какие-то культовые атрибуты.

VII. Поясные статуэтки богини в обрамлении архитектурного декора. Известны три статуэтки: две — с Чопли-депе и одна — с Мирзабек-кала. Они сильно повреждены, поэтому точная реконструкция этого типа статуэток пока невозможна. С помощью односторонней формы на куске глины оттиснуто погрудное изображение женского торса в обрамлении архитектурного декора, непропорционально маленькие руки сложены перед грудью. После извлечения из формы, оттиски снабжались вылепленными от руки устойчивыми ножками. Статуэтки с Чопли-депе и Мирзабек-кала изготовлялись в разных матрицах (табл. XXXII, *25—26, 66*).

Кроме целых статуэток и фигурок имеется значительное число головок от женских культовых статуэток. Большинство из них относится к числу случайных находок и точное их хронологическое определение затруднено. К кушанскому комплексу с определенной уверенностью могут быть отнесены лишь типы головок, представленные находками с Чопли-депе. Кроме головок, связанных с описанными типами статуэток, здесь выявлено еще три типа.

Головки богини в небольшом головном уборе. Они представляют богиню с правильным овалом лица. Прическа короткая, в верхней части она передана полукруглым, обрамляющим лицо валиком, разделенным на отдельные полосы-пряди. Прическа не закрывает ушей. Небольшой головной убор сужается кверху. Головка, найденная на Чопли-депе, плохой сохранности, но с Мирзабек-кала имеется матрица для изготовления таких головок (табл. XXXIV, *28, 72*).

Разновидностью данного типа, вероятно, следует считать головку, найденную на городище Мирзабек-кала (№ 71).

Чертами лица и прической она близка к описанному типу, но сверху увенчана небольшим конусовидным навершием. Поздним вариантом, по-видимому, является еще одна подъемная статуэтка с Чопли-депе (№ 33). От вышеописанных она отличается схематизмом и огрубленностью. К этому типу, вероятно, также следует относить обломок головки, найденной на поселении Кум-депе (№ 109). На этой головке сохранились следы красного ангоба. В заключение следует отметить, что головка с Чопли-депе (№ 28) сохранила на шее следы ручной лепки, что делает возможным ее сочетание с лепным туловом.

Головки с веерообразным расположением прядей волос. Четыре таких головки обнаружены на городище Мирзабек-кала и одна — на Чопли-депе (№ 29). Они отражают разные стадии деформации первоначального образа. В головке, которую следует считать наиболее ранней (№ 80), чувствуется влияние греческого искусства. Мягко очерченное, округлое лицо, низкий лоб, дугообразно изогнутые брови, глаза с выпуклым глазным яблоком без проработки век, нос прямой, маленький рот с припухлыми губами. Выражение лица скорбное. Волосы переданы клочковатыми, веерообразно расходящимися прядями. Описанная головка обнаруживает некоторое сходство с одним типом терракот с Афрасиаба, который В. А. Мешкерис трактует «как изображение персонажа дионисийского круга (самого бога или менады)»[1], а Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель считают тематически восходящим к образу горгон Медуз, которые в эпоху эллинизма изображались «в виде прекрасного девичьего лица, искаженного ужасом и страданием, вокруг которого извиваются змеевидные пряди растрепанных волос»[2]. Остальные четыре головки более огрубленные. Глаза с рельефно моделированными веками и зрачком, переданным углубленной точкой. У одной из головок неумело и грубо изображены уши.

Третий тип головок представляет простоволосую богиню с локонами, свисающими до плеч (№ 30). Лицо одутловатое, взгляд как бы устремлен вверх. Первоначальная модель явно деформирована. Шея очень толстая со следами ручной лепки. Эта головка, вероятно, сочеталась с лепным туловищем[3].

Кроме женских культовых статуэток в кушанский комплекс входят фигурки всадников или отдельных животных. Поскольку большинство подобных статуэток фрагментирова-

---

[1] *Мешкерис В. А.* Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962, с. 19—20.

[2] *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусства Узбекистана. М., 1956, с. 61.

[3] Кроме описанных на Чопли-депе; по-видимому, имелись статуэтки иных типов, но их описание затруднительно из-за малых размеров найденных фрагментов (№ 27, 34).

но, не всегда можно точно определить, кого именно изображает данная статуэтка — коня с всадником или отдельное животное. Наиболее популярными были фигурки коней с всадниками и без них. Свободная ручная лепка исключила стандартизацию, тем не менее можно отметить, что для кушанского времени наиболее характерны небольшие, довольно изящные статуэтки лошадок с коротким туловищем, стоящей, вероятно, подстриженной гривой и маленькой сухой головой (табл. XXXV). Иногда наколками или налепами изображалась упряжь.

Особого упоминания заслуживает терракотовая поделка в виде двух соединенных лошадиных протом и следами прикрепления двух наездников (?). Б. А. Литвинский, подробно рассмотревший подобные изобразительные мотивы, пришел к выводу, что они отражают верования, близкие к культу божественных близнецов Ашвинов—Диоскуров[1].

В кушанский период в Юго-Восточной Туркмении функционировала основная масса известных поселений античной эпохи, что позволяет высказать некоторые суждения об их типологии. На более широком материале этот вопрос рассмотрен в специальной работе[2], поэтому, не останавливаясь здесь на принципах классификации поселений, коротко охарактеризуем типы поселений. Все поселения разделяются на три категории: городского типа, сельские и укрепления[3]. К поселениям городского типа отнесены крупные (площадью свыше 2,6 га), хорошо укрепленные с неоднородной внутренней застройкой. В рассматриваемом регионе к числу таких поселений относится Мирзабек-кала (см. рис. 14), площадь нуклеарной части которой вместе с цитаделью в кушанский период составляла около 7 га, вокруг городского ядра располагалась разреженная застройка. Общая площадь поселения ориентировочно достигала 1 км². К числу поселений городского типа, несомненно, относится также Бешир-кала (площадь нуклеарной части около 5 га). Бешир-кала представляет довольно редкий тип бактрийских городищ; нуклеарная часть имеет в плане очертания квадрата, небольшая цитадель занимает центральное положение. До раскопок лишь предположительно к числу поселений городского типа может быть отнесена Эссен-Менгли-кала. Площадь этого по-

---

[1] *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978, с. 118. В связи с этим следует отметить изображение Диоскуров в настенной росписи одного из храмов городища Дильберджиндепе, расположенного относительно недалеко от Мирзабекского оазиса (Древняя, Бактрия. Материалы советско-афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976, с. 88—93).

[2] *Пилипко В. Н.* Типология кушанских поселений Средней Амударьи (в печати).

[3] Количественное распределение поселений по типам дано в табл. 3.

селения довольно значительная—3,5 га, но оно отличается неправильными, как бы стихийно формировавшимися, контурами нуклеарной части и не имеет четко выраженной цитадели.

Сельские поселения по размерам разделены на три группы: мелкие—площадь до 0,5 га, средние—0,5—1,4 и крупные—1,4—2,6 га. Мелкие поселения обычно имеют вид подпрямоугольных в плане уплощенных сверху холмов. Среди средних по величине поселений выделяется два типа: безцитадельные, по внешнему виду не отличающиеся от поселений первой группы, и с «цитаделями», имеющие вид четырехугольных, чаще всего квадратных в плане холмов с дополнительной возвышенностью в одном из углов основного массива застройки. Крупные сельские поселения представлены лишь одним памятником — Тилля-депе (площадь—1,6 га). Это поселение, возникшее еще в юэджийский период, имеет неправильные очертания и сильно сглаженный микрорельеф.

В особую категорию выделены укрепления, к которым отнесены небольшие поселения, расположенные на важных стратегических участках (переправы, перевалы), а также поселение Шор-депе II Ходжамбасское, имеющее мощную систему фортификации при отсутствии следов значительной застройки внутри стен.

Основным строительным материалом, как и в предшествующие периоды, остаются сырцовый кирпич и пахса. Сырцовый кирпич в подавляющем большинстве случаев имел квадратную форму. Длина его сторон — 31—45 см. Толщина обычно — 10—12 см, в редких случаях она уменьшается до 8—9 см. Наиболее широкое применение имел сырец со стороной 34—40 см. Каких-либо закономерностей в колебаниях размеров кирпича выявить не удалось (табл. 2). Иногда в одной кладке употреблен кирпич разных размеров. Кирпичи изготовлялись в деревянных формах без дна, на некоторые из них при формовке наносились различные знаки[1] (см. рис. 5). Наряду с квадратным изредка употреблялся сырец прямоугольной формы. Определенного стандарта среди прямоугольных кирпичей не существовало. В качестве вспомогательного материала на городских и сельских поселениях использовался жженый кирпич[2]. Он отличается хорошим качеством. Жженый кирпич встречается разной формы. Наиболее часто использовался квадратный, со стороной 28—31 см (толщина—3,5—5 см), реже выделывался прямоугольный—

[1] Вопрос о назначении этих клейм неоднократно обсуждался в печати (см.: Дальверзинтепе..., с. 191—192; *Гертман А. Н.* Некоторые особенности маркировки сырцовых кирпичей Средней Азии. — В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979).

[2] При раскопках жженый кирпич обнаружен только в вымостках.

Таблица 2

Сведения о сырцовых кирпичах

Поселение	Размеры кирпича, см	Поселение	Размеры кирпича, см
Бешир-кала	34×?×10; 38×32×10; 46×31,5×9; 40×40×8; 42×?×10; 37×37×8	Чопли-депе	34—36×34—36××10—12; 40×35×? 40—42×40—42××10—12; 43×42×11; 45×44×10; 48×44××10
Ак-тери-кала	39×32×10; 40×32×10	Мукры-кала	36—38×?×10—12
Омар-кала	38×38×10	Мирзабек-кала	31×31×12; 33—34××33—34×12;
Сакар-кала	32×32×10; 35×32×10; 38×?×10; 39×?×10; ?×26×10		35—37×35—37××10—12; 42×?×12; 38—40×38—40××10—12
Керкичи	42×42×10	Шор-депе (Мукры)	34×?×11; 35—37××?×10—12;
Куреген-кала	37×?×10; 40×?×10; 51—52×25×10		38×?×10—12; 40××?×12
Шор-депе (Бургучи)	35×?×10—11	Кум-депе	35—37×35—37×?
Ак-депе (Бургучи)	35×34×10; 38×35×11; 42×41×12	Пультапды-депе	35×35×?
Уч-агач-депе	33×?×10—12; 3×?×12; 35×?×12	Мунчак-депе (сев.)	35×?×9; 40×?×10
Ак-депе (Ташрабат)	44×28—25×5,5—6	Куль-депе	38×38×11; ?×25××10,5
Мазарли-депе	40×40×10	Келиф	34×34×10; 35×?×9
Шор-депе (Кизил-Аяк)	34—36×34—36×9—10; 40×?×10		
Дешикли-депе	37—38×37—38×9—12		

50×31×4 см (Мирзабек-кала). В качестве связывающих растворов использовалась глина, реже — алебастр.

Сведения о планировке жилых и общественных строений кушанского времени практически отсутствуют. Раскоп на Чопли-депе слишком мал для того, чтобы делать какие-либо выводы в этом отношении. Следует лишь отметить, что данные этого раскопа позволяют предполагать традиционность и даже некоторую консервативность местной архитектуры. Несмотря на неоднократные кардинальные перестройки, планировка существовавшего здесь укрепления практически не менялась в течение нескольких веков.

Кушано-сасанидский комплекс. В определении длительности и абсолютной датировки позднекушанского или кушано-сасанидского периода нет единой оценки. Но выделение комплексов этого периода не представляет значительных затруднений, благодаря многочисленным монетным находкам

(подражания монетам последних кушанских правителей и сасанидо-кушанские выпуски) и появлению керамики новой фактурной группы. К данному периоду относятся горизонты Чопли 9—10, Мирзабек 9—10, Хатаб 4, Ак-депе Бургучинское 3—4, кроющий слой Шор-депе Мукринского.

Выделение слоев этого времени диагностируется следующими изменениями в керамике. Среди чаш получают распространение высокие бокаловидные изделия с перехватом в средней части тулова[1] (табл. XL, *19*) и уплощенные сосуды с загнутым внутрь или вертикально поставленным венчиком (табл. XL, *7, 8, 14*). Характерной формой являются столовые «вазы» с широким отогнутым бортиком, украшенные концентрическими ребрами и двумя полукруглыми, вертикально прикрепленными сверху ручками. Получают распространение витые ручки. Венчики хумов теряют прежнюю четкость профиля. Появляются венчики, оформленные снаружи несколькими разными по величине валиками, и манжетовидные венчики с несколькими параллельными ложбинами на внешней стороне. Для рассматриваемого периода и только для данного региона характерны двухъярусные утюгообразные светильники[2] (табл. XL, *5*).

Важнейшее новшество кушано-сасанидского периода—распространение новой фактурной группы керамики со специальными добавками в тесте и некачественным обжигом, подробное описание которой дано выше. Характерными ее формами являются разной величины горшки с Т-образными венчиками, хумы с желобчатыми и подтреугольными венчиками, лепные курильницы на массивной короткой ножке.

В кушано-сасанидский период широкое распространение получают ручные мельничные установки. Они найдены при раскопках Чопли-депе, имеются в подъемном материале со многих памятников. Диски мельничных установок изготовлялись из различных зернистых пород камня. Нижний диск имел выпуклую рабочую поверхность, а верхний—вогнутую, последняя — нередко с тремя или четырьмя радиально расходящимися бороздками. Диаметр ручных мельничных установок—30—40 см. Наряду с жерновами в небольшом количестве продолжали использоваться зернотерки и терочники.

В этот период, по-видимому, входит в моду домашняя утварь из бронзы. При раскопках Чопли-депе найдена миниатюрная круглодонная[3], тонкостенная чаша и ложечка с небольшим резервуаром (см. табл. IV, *3*). Находки бронзовых чаш, ложек, черпаков — обычное явление для комплексов

---

[1] Некоторые исследователи называют их кубками.

[2] Близкий по форме светильник, найденный на Дальверзинтепе (Дальверзинтепе..., с. 142, рис. 95, *8*), нетипичен для долины Сурхана и, вероятно, относится к числу привозных.

[3] К моменту находки дно чаши было вогнуто.

позднекушанского времени. Следует также отметить распространение сердоликовых бус с травленным орнаментом (см. табл. IV, *21*). При раскопках Чоплидепе обнаружен стеклянный сосудик, украшенный накладными жгутами (см. табл. XIII, *1*).

В форме пряслиц и ткацких грузил особых изменений не происходит. Можно лишь отметить появление нового, ранее не встречавшегося вида пряслиц. Они имеют форму невысоких конусов, на «нижней» плоскости некоторых из них орнамент из дуговидных линий.

В позднекушанский период резко сокращается или вовсе прекращается изготовление терракотовых статуэток, особенно женских, культовых. Бесспорно, к изделиям сасанидо-кушанского периода может быть отнесена только одна терракота, точнее матрица для изготовления статуэток сасанидского вельможи (рис. 23), найденная где-то в районе Керки (каталог терракот № 113). Внешний облик изображаемого персонажа указывает на принадлежность данного изделия к обширному кругу памятников сасанидского прокламативного искусства, в котором были выработаны строгие каноны официального портрета. Многочисленные обезличенные изображения сасанидских вельмож в одинаковых одеждах, в одних и тех же позах и с одинаковыми прическами известны по скальным рельефам, глиптике и торевтике. В. Г. Луконин на основании различных образцов сасанидского искусства выделил следующие основные черты сасанидского официального портрета III—IV вв. н. э.: 1) прическа в виде нескольких туго скрученных локонов, ниспадающих на плечи; 2) одежда—разновидность кафтана, одинаково трактованная на геммах и скальных рельефах; 3) головной убор в виде кулаха (тиары); 4) изображение лишено индивидуальных черт, это обобщенный образ царя или вель-

Рис. 23. Форма для изготовления статуэток сасанидского вельможи.

можи[1]. Статуэтка из-под Керки отвечает всем основным требованиям раннесасанидского искусства, что позволяет видеть в ней изображение сасанидского вельможи и относить создание штампа или, по крайней мере, модели для его изготовления ко второй половине III—началу IV в. н. э. В подтверждение можно сопоставить отдельные детали изображения на матрице с сасанидскими рельефами данного периода.

Если обратиться к рельефу в Бишапуре, изображающему триумф Шапура I, то можно заметить, что одежда, поза и способ крепления длинного меча у крайней справа фигуры центрального панно чрезвычайно близки к одеянию и позе исследуемого изображения[2]. Среди окружения другого сасанидского царя — Варахрана II (рельеф в Накш-и Рустаме), имеется персона, увенчанная шлемом подобной формы (третий слева от царя). Близкую форму имеет головной убор персоны на серебряном блюде из Красной Поляны (III в.). В. Г. Луконин определяет его как кулах[3], но более вероятно, что это шлем с узким ободком понизу и невысоким накладным продольным ребром. Плащ, скрепленный на груди фибулой, также встречается на сасанидских рельефах III—IV вв. Можно, например, указать на изображение Шапура I в сцене его триумфа (Накш-и Рустам) и на рельеф Арташира II в Так-и Бостане. Если предмет в правой, вскинутой к плечу руке действительно цветок, то этому также можно найти аналогии в сасанидском искусстве. Изображение вельможи с цветком известно по рельефу Варахрана II в Барм-и Дилаке и сасанидским резным камням[4].

При обращении к мелкой терракотовой пластике амударьинская форма наибольшее сходство обнаруживает с терракотами раннесасанидского времени из Мерва. Мервские статуэтки также передают образы знатных персон, одетых в сходные одежды и придерживающих перед собой одной или двумя руками длинный меч[5]. Сходство обнаруживается не только в общей тематике, но и в стиле, и в технике исполнения. Следует лишь отметить, что мервские статуэтки отличает некоторая обобщенность изображения, в то время как статуэтка с Амударьи выполнена очень реалистично с тщательной проработкой деталей. Мервские статуэтки, на основании находки калыпа для изготовления поколённых изобра-

---

[1] *Луконин В. Г.* Иран в эпоху первых сасанидов. Л., 1961, с. 42—43; *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы. Л., 1963, с. 13—15.

[2] Подобная трактовка деталей характерна и для других раннесасанидских рельефов.

[3] *Луконин В. Г.* Иран..., с. 55—59.

[4] *Борисов А. Я., Луконин В. Г.* Сасанидские геммы..., № 23.

[5] *Пугаченкова Г. А.* Коропластика древнего Мерва. — Тр. ЮТАКЭ, 1962, т. 11, с. 156—159.

жений, определяются Г. А. Пугаченковой как фигурки всадников, но не исключено, что часть из них изображалась в полный рост. Подтверждением может служить обезглавленная статуэтка, найденная Г. А. Кошеленко на городище Гебеклыдепе (Мервский оазис). Выполненная несколько схематично, она изображает фронтально стоящую мужскую фигуру, держащую перед собой меч в левой руке. Воин одет в короткий кафтан, перехваченный в талии поясом, и широкие шаровары.

В градостроительстве и архитектуре кушано-сасанидского периода имеющиеся материалы не дают возможности выявить какие-либо новшества по сравнению с предшествующим, кушанским.

* *
*

Следующий, раннесредневековый период на Средней Амударье остается практически неизученным, что заставляет отказаться от его даже самой общей характеристики. Можно лишь отметить изменение формата сырцовых кирпичей (квадратный сменился на прямоугольный), и еще большее распространение керамики с грубой фактурой.

Некоторые предметы материальной культуры из числа случайных находок не подлежат точному хронологическому определению. Это, в первую очередь, касается некоторых видов терракот.

При земляных работах на Омар-кала местными жителями найдена статуэтка, изображающая стоящую женщину, в левой руке которой венок, а в правой—бокал (см. табл. XXXII, *4*; XXXVIII, *4*). Этот тип терракот достаточно широко известен на побережье Амударьи. Имеются находки с Саксанохура[1], Термеза[2], Зар-тепе[3], городища Старого Чарджоу[4], но прямых аналогий статуэтке с Омар-кала нет. По технике изготовления ее можно сблизить с поздними образками «Маргианской богини»: туловище выполнено на плоской плитке, а голова—в высоком скульптурном рельефе. Сближает их также орнаментация в виде колец[5]. Определенное сходство в прическе и антропологическом типе обнаруживается с головкой с Дагай-тепе (долина Кашкадарьи), которая несколько ус-

---

[1] *Мухитдинов Х.* Терракоты Саксанохура. — В кн.: Центральная Азия в Кушанскую эпоху, т. 2. М., 1975, с. 379.

[2] *Массон М. Е.* Городища Старого Термеза и их изучение. — Тр. УзФАН СССР, сер. 1, вып. 2. Ташкент, 1940, с. 77, рис. 49.

[3] *Альбаум Л. И.* Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, с. 28—29, рис. 14.

[4] *Пилипко В. Н.* Женские культовые статуэтки..., с. 191—192.

[5] *Пугаченкова Г. А.* Коропластика древнего Мерва..., с. 136—139. (Мнение Г. А. Пугаченковой об изготовлении статуэток двумя отдельными штампами ошибочно).

ловно датируется III—IV вв. н. э.[1] Все это не исключает принадлежности статуэтки к позднекушанскому времени.

На поселениях Бешир-кала и Пультапды-депе найдены обломки нижних частей статуэток, украшенных частыми вертикально расположенными валиками, вероятно, изображающими складки длинного платья. Богини в подобном наряде известны на Верхней[2] и Средней[3] Амударье, Дильберджине[4], а также в районе Бухары[5]. Датировка этих статуэток пока не может быть уточнена в пределах античной эпохи.

На Мирзабек-кала найдены пять головок «богини в кокошнике» (№ 74—78). Все они оттиснуты разными матрицами. После изготовления в форме, некоторые подвергались дополнительной обработке. В верхней части «кокошника» у одной головки пальцем сделана дугообразная вмятина, в «ушах» большинства терракот по сырой глине проколоты отверстия. По терракоте № 77 устанавливается, что эти головки изготовлялись в отдельных специальных формах и затем прикреплялись к вероятно лепному торсу.

С Мирзабек-кала происходят головки богини с прической в виде стилизованных арочек. У поздних экземпляров арочки исчезают, валик волос разделяется на отдельные пряди или остается гладким. Головки передают облик полнолицей женщины с несколько грубоватыми чертами лица, что послужило причиной определения первой находки подобного типа как мужской[6]. В нашей коллекции имеется матрица для изготовления таких головок, что предполагает их сочетание с лепным торсом. Стилистически некоторые из этих головок близки к изображениям богини в небольшом головном уборе. Сходство дает основания предполагать изготовление данного типа головок и в кушанское время.

Мужские штампованные терракоты, помимо отмеченной выше статуэтки сасанидского вельможи, представлены всего двумя находками. На городище Мирзабек-кала в пригороде найден штамп для изготовления мужских головок. Мастер, изготовивший форму, реалистично передал основные черты этнического типа и этнографические особенности облика своих современников. Оттиск с этой матрицы обнаруживает значительное сходство с изображением знатного бактрийца в буд-

---

[1] *Кабанов С. К.* Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981, с. 99—100.

[2] *Мухитдинов Х.* Терракоты Саксанохура...; Дальверзинтепе..., рис. 113—114.

[3] *Пилипко В. Н.* Женские культовые статуэтки..., с. 192, рис. 2, 6.

[4] *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин...*, ч. 2, с. 41, рис. 32.

[5] *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1965, рис. 13.

[6] *Ремпель Л. И.* Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. — Тр. ЮТАКЭ, 1949, т. 1, с. 337—339.

дийской скульптурной группе из Таксилы[1]. Датировка скульптуры—II в. н. э. может быть принята и для терракоты с Мирзабек-кала. Вторая целая статуэтка происходит с Бешир-кала. Тип ее своеобразен, аналогии неизвестны.

К числу точно не определенных изделий из терракоты относится «медальон» из Мирзабек-кала (рис. 24). Это диск диаметром 5,8 см. Одна сторона его плоская, вторая — плавно утолщается к центру и заканчивается небольшим полукольцевым ушком. На плоской стороне с помощью штампа оттиснуто изображение обращенного вправо коня. Над его кру-

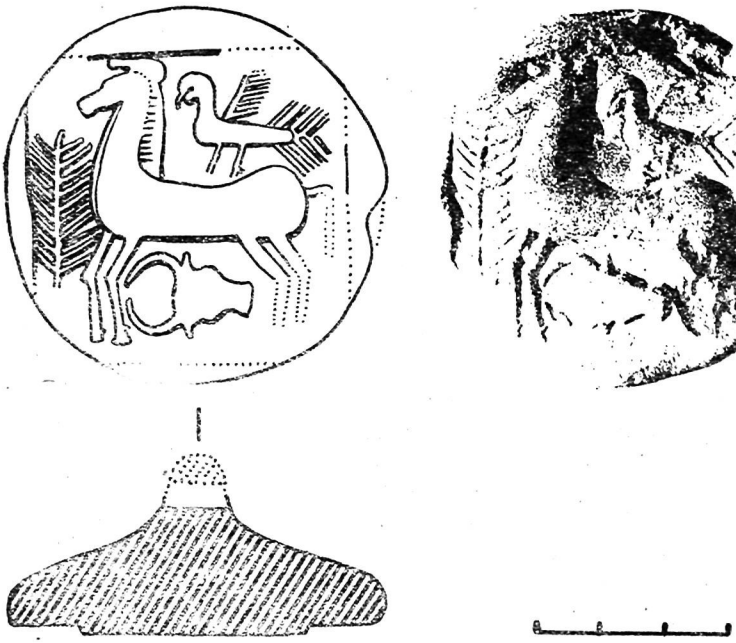

Рис. 24. Терракотовый медальон с Мирзабек-кала.

пом в профиль дана крупная хищная птица с поднятым вверх крылом и веерообразным хвостом. Под брюхом коня изображена голова быка анфас, она как бы лежит на боку по отношению к коню. Перед конем схематическое изображение колоса или дерева. Изображение, вероятно, было сделано четырехугольным штампом. Все животные и растения изображены схематично. Фигура коня выполнена в несколько более высоком рельефе, чем остальные символы. Черепок красный,

[1] *Marshall J.* Taxila, t. III. Cambridge, 1959, pl, 139.

отмучка недостаточно тщательная—встречаются инородные примеси, обжиг равномерный. «Медальон» возможно использовался как штамп. Близкие по сюжету и стилю крупные оттиски известны на некоторых сосудах из Афганистана[1]. Композиция, несомненно, отражает какие-то местные верования и связана с культом плодородия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования Амударьинской экспедиции носили разведывательный характер и дают лишь самое общее представление об археологических памятниках Средней Амударьи. Ограниченность археологических источников в сочетании с почти полным отсутствием письменных делает весьма затруднительным создание даже самого общего очерка по истории Юго-Восточной Туркмении.

Освоение побережья Амударьи между Келифом и Беширом, видимо, началось в незапамятные времена. В связи с этим отметим, что сравнительно недалеко от рассматриваемого района находится знаменитый грот Тешик-Таш в ущелье Зараут-сай. Наиболее перспективный район для поиска следов человека древнекаменного века — долина Кугитанга. Но в настоящее время имеются лишь разрозненные сведения об обитании древнего человека эпохи неолита. Отдельные находки кремневых орудий и отходов каменной индустрии имеются с прилегающих к долине пустынных и горных районов[2]. В своих миграциях неолитические охотники и собиратели, несомненно, посещали побережье Амударьи, богатое дичью и тугайной растительностью, но следы этих посещений не сохранились.

Довольно сложен вопрос о начале земледельческого освоения рассматриваемого участка побережья Амударьи. В ряде публикаций со ссылкой на устное сообщение А. А. Марущенко говорится о поселении времени Намазга IV в окрестностях Керки[3]. Ознакомление с архивными материалами[4] показало, что А. А. Марущенко ошибочно отнес к эпохе Намазга IV

---

[1] *Fussman G. et M. Le Berre.* Monuments bouddhiques de la region de Caboul. MDAFA, t. 22, Paris, 1976, p. 85. 91, Pl. XLIX, XLVII.

[2] *Пилипко В. Н.* Следы древнего обитания человека на Средней Амударье. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1977, № 6.

[3] *Хлопин И. Н.* К возникновению скотоводческого базиса. Проблемы археологии Средней Азии. Тез. докл. и сообщ. к совещанию по археологии Средней Азии. Л., 1968, с. 34; *Кузьмина Е. Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. — ВДИ, 1972, № 1, с. 134.

[4] Архив А. А. Марущенко хранится в Институте археологии АН СССР.

несколько подъемных черепков с поселения Ак-депе у Бургучи. Стратиграфический шурф, заложенный на этом памятнике в 1970 г., не выявил слоев более ранних, чем кушанские, поэтому имеющиеся сообщения о поселении времени Намазга IV следует считать недостоверными. Вопрос о возможности земледельческого освоения берегов Амударьи в эпоху бронзы остается открытым.

В настоящее время о постоянном оседлом населении района можно говорить лишь для первой половины I тыс. до н. э. На это указывают находки отдельных фрагментов круговой керамики на Чопли-депе, в Керкичи, в окрестностях селения Астан-баба, а также сравнительно мощные культурные отложения в основании Бековской крепости в Керки, принадлежащие долговременному поселению. Одной из отраслей хозяйства обитателей этого поселения, вероятно, было земледелие, но остается неясным — создавались ли в этот период искусственные ирригационные системы или использовались только хорошо увлажненные участки поймы.

Первые письменные источники, содержащие некоторые сведения об этих местах, сообщения о походе Александра Македонского. Весной 329 г. до н. э. Александр выступил из Бактр (?) и направился в сторону Амударьи, через которую и переправился после изнурительного похода по пустыне. Место переправы нельзя считать точно установленным, наиболее вероятным следует признать участок между Термезом и Босага. Пункты, расположенные ниже по течению, видимо, необходимо исключить из рассмотрения, так как в противном случае следует предполагать, что войско Александра некоторое время двигалось параллельно реке. Следует обратить внимание на топографическую деталь в описании Квинта Курция. Александр в ожидании подхода всего войска приказал зажечь сигнальные костры на высокой горе (VII, V, 13). Каких-либо естественных возвышенностей на берегу Амударьи между Босага и Керки нет. Необходимо учесть, что в Керки в это время существовало поселение, однако источники не содержат упоминаний о каких-либо селениях на берегу реки. Переправу греко-македонского войска не следует обязательно связывать с хорошо приспособленными для этой цели участками побережья. Арриан подчеркивает, что место переправы было неудобным и поэтому она заняла 5 дней (III, 29, 3—4). Каких-либо сведений о населении этого района источники не содержат, за исключением сообщения об уничтожении города бранхидов (*Квинт Курций,* VII, V, 28—35), переселенных в эти места Ксерксом и сохранивших свои обычаи и греческий язык. Вопрос о достоверности этого сообщения остается открытым[1].

---

[1] *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980, с. 246—247.

Важной проблемой исторической географии представляется вопрос о северных границах Бактрии. Существуют две основные точки зрения. Одни исследователи, опираясь на сообщения древних авторов, считают, что Амударья служила границей между Бактрией и Согдом. Другие, исходя из близости материальной культуры прибрежных районов, границу между двумя этими областями проводят по Гиссарскому хребту[1]. Автор настоящей работы разделяет вторую точку зрения, так как археологические свидетельства представляются более надежными, чем краткие и большей частью путанные[2] сообщения древних авторов, носящие преимущественно компилятивный характер и нередко отражающие ситуацию какого-то определенного исторического момента.

При таком решении вопроса Юго-Восточную Туркмению следует рассматривать как часть Бактрии (Северо-Западная Бактрия), так как она географически вписывается в этот регион и по облику своей материальной культуры ближе всего к районам Южного Узбекистана и Северного Афганистана. Обычно пишут, что крайним северо-западным пунктом Бактрии был современный город Керки[3]. В данной работе в пределы Бактрии включены также районы, прилегающие к Керки с севера. На Средней Амударье выделяются три крупных оазиса—Чарджоуский, Карабекаульский и Керкинский, разделенные пустынными участками. При определении границ Северо-Западной Бактрии было принято во внимание это естественное географическое разделение, и к Бактрии отнесен весь южный оазис, включая район Бешира. В связи с этим следует отметить, что в сочинениях IX—XI вв. побережье Амударьи делилось на две области: Земм, соответствующий ареалу южной, керкинской группы памятников, и Амуль[4], владения которого, вероятно, включали Чарджоуский и Карабекаульский оазисы.

Можно предполагать, что Юго-Восточная Туркмения входила в состав Греко-Бактрийского государства, но никаких строгих доказательств этому пока нет. Можно лишь указать на большую географическую близость Мирзабек-кала к центральным районам Бактрии и на значительное сходство ее

---

[1] Вопросу о географических границах Бактрии посвящена специальная глава в работе Б. Я. Ставиского Кушанская Бактрия... Там же приведена основная литература. Следует отметить, что первая точка зрения также продолжает получать поддержку в новейших исследованиях. См.: напр.: *Bernard P., Francfort H. P.* Etudes de georgraphie historique sur la plaine d'Aï Khanoum (Afghanistan). Paris, 1978, p. 5—7.

[2] Например, Квинт Курций называет «согдийской» пустыню, находящуюся к югу от Амударьи (VII, V, 1).

[3] *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия..., с. 41.

[4] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1. М.—Л., 1939, с. 146, 150.

материальной культуры с комплексами греко-бактрийского времени из Бактр, Термеза, Ай-Ханум.

Период падения Греко-Бактрии и становления Кушанской империи еще более темен. Что-либо определенного о политической судьбе региона в данный период сказать нельзя. Материальная культура этого времени по-прежнему обнаруживает тесные связи с территорией Южного Узбекистана и Северного Афганистана, но нет значительного отличия и от материальной культуры Согда. Следами присутствия каких-то кочевых племен на правобережье Амударьи является Бабашовский и другие расположенные здесь могильники. Возможно, они связаны с расселением юэджийских (тохарских) племен, но хронологически они относятся не к периоду завоевания Греко-Бактрии, а к более позднему времени. Наиболее вероятная датировка Бабашовского могильника — I в. до н. э. — II в. н. э.

Привлекает внимание пока еще плохо объяснимый факт обнаружения в районе Керки и Мирзабек-кала парфянских драхм I в. до н. э. Случайно ли отсутствие в этом районе подражаний монетам греко-бактрийских правителей, выпускавшихся примерно в это же время и хорошо известных по находкам на сопредельных территориях? Какими причинами обусловлено появление парфянских драхм на побережье Амударьи? Экономической экспансией Парфии?[1] Ее территориальными захватами? Или, напротив, это следствие успешных войн юэджийских (тохарских) племен с парфянами?[2] Ответ на эти вопросы даст лишь дальнейшее накопление материала. В настоящее время мы можем только констатировать документально зафиксированный факт участия парфянских драхм в денежном обращении Юго-Восточной Туркмении в I в. до н. э.

Вхождение Юго-Восточной Туркмении в состав Кушанской империи—факт очевидный, поэтому нет необходимости детально аргументировать это положение. Монетные находки и весь облик материальной культуры свидетельствуют о том, что, по крайней мере, с эпохи Канишки рассматриваемая область прочно вошла в состав Кушанского государства. Данный период был наиболее благоприятным в истории экономического и культурного развития области. Именно при владычестве кушан наблюдается бурный рост населения и активное освоение пригодных для земледелия территорий.

---

[1] В связи с этим уместно вспомнить сообщение китайских источников о том, что парфянские купцы плавают по Амударье. См.: *Бичурин И. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 2. М.—Л., 1950, с. 151.

[2] В таком случае парфянские драхмы могли поступать на территорию Бактрии в качестве военной добычи или контрибуции.

В кушанский период в Юго-Восточной Туркмении, как и везде в бассейне Амударьи, расселение носило оазисный характер, т. е. концентрация поселений в том или ином районе обусловливалась источниками орошения. Для кушанского времени в Северо-Западной Бактрии выделяется четыре оазиса—Беширский, Керкинский, Мирзабекский и Кугитангский.

Беширский оазис расположен в районе современных селений Бешир, Халач и Ходжамбас. Он занимает оба берега Амударьи и вытянут вдоль нее примерно на 50 км. Археологические памятники в этом оазисе расположены в непосредственной близости от реки, небольшие пригодные для земледелия участки окружены увалами коренных пород и сыпучими песками Приамударьинской барханной зоны. Материалы кушанского времени обнаружены на семи памятниках оазиса (рис. 25). Два из них — Бешир-кала и Эссен-Менгли-кала могут быть определены как поселения городского типа, поселение Шор-депе III Ходжамбасское имеет цитадель (табл. XLI, *6*), поселение Шор-депе II (табл. XLI, *3*), вероят-

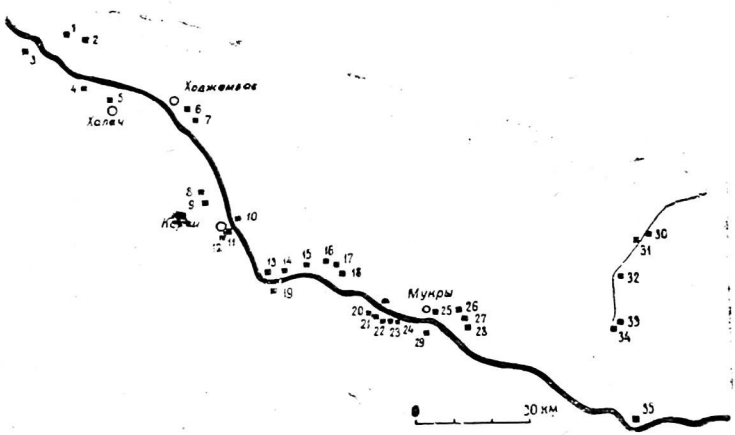

Рис. 25. Схема расположения поселений. Номера соответствуют номерам каталога поселений.

но, выполняло специальные сторожевые функции на юго-восточной окраине оазиса, остальные поселения относятся к числу безцитадельных сельских селений. Источником орошения оазиса была Амударья. Выведенные из нее каналы, судя по всему, были невелики по размерам и предназначались для орошения угодий 1—2 поселений.

Следующий, Керкинский оазис объединяет всего 5 поселений. Три из них расположены непосредственно у Керкинской переправы и, очевидно, были связаны с ее обслуживанием.

Два других — Сакар-кала и Омар-кала, относятся к числу средних по величине сельских поселений с цитаделями (табл. XLI, *4*, *8*).

Мирзабекский оазис — самый крупный и густонаселенный в рассматриваемом районе. Здесь выявлено 17 поселений кушанского времени. Оазис вытянут на 60 км вдоль Амударьи и распадается на три микрооазиса: левобережный — Хатабский и правобережные — Бургучинский и Мукринский. Типологически памятники этого оазиса распределяются следующим образом: поселение городского типа здесь всего 1—Мирзабек-кала, сельских поселений с цитаделью—4, без цитаделей—9, укрепление—1 (2 поселения остались без точного определения). Топография поселений Мирзабекского оазиса дает основания предполагать выведение из Амударьи довольно крупных оросительных каналов. Существование такого канала можно с уверенностью предполагать для Хатабского микрооазиса, где пять поселений расположены цепочкой. Мукры-кала находится непосредственно на берегу Амударьи, Хатаб-кала—в центральной части оазиса, а 3 других поселения вытянуты цепочкой вдоль кромки песков (см. рис. 25). Деятельность по освоению новых земель наглядно прослеживается в Мукринском микрооазисе. Он был освоен только в кушанский период, поселения в нем также образуют цепочку, 3 из 4 известных здесь поселений имеют однотипную планировку (табл. XLII, *1*). Следует обратить внимание на отсутствие здесь селений с цитаделями. Вопрос о их социологической интерпретации еще не решен. В. М. Массон предполагал, что эти поселения — искусственно организованные общины, создаваемые властями в административно-фискальных целях[1], но более предпочтительно видеть в них резиденции местной землевладельческой знати. Их отсутствие в Мукринском микрооазисе можно рассматривать как указание на его освоение силами центральной власти.

Четвертый оазис расположен в небольшой горной долине Кугитангдарьи. Здесь выявлено 5 поселений кушанского времени. Одно из них с цитаделью. Поселение городского типа в этом оазисе отсутствует, что может быть объяснено маломощностью источника водоснабжения.

Вне перечисленных оазисов, изолированно, расположен Келиф. Кушанское поселение сильно разрушено и погребено под более поздними наслоениями, поэтому сведения о его размерах и планировке отсутствуют. Учитывая важное значение келифской переправы, можно предполагать, что здесь находилось сильное укрепление или даже небольшой городок.

---

[1] *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология.—В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 8—9.

Критерии для определения численности населения кушанских поселений еще разработаны недостаточно четко. Это заставляет ограничиться лишь приблизительными подсчетами общей площади поселений. Она составляет около 40 га, половина ее приходится на поселения городского типа (без учета пригородной застройки).

В материальной культуре основных земледельческих областей Средней Азии (Бактрия, Согд, Маргиана, Парфия и Хорезм) в античную эпоху прослеживается значительное сходство, обусловленное примерно одинаковым уровнем социально-экономического развития и общими историческими судьбами. Во всех этих областях наблюдается доминирующая роль городов, использование в архитектуре сырцового кирпича квадратного формата с клеймами. Керамика в большинстве случаев является продукцией высокоспециализированного ремесленного производства. В основной набор сосудов входят хумы, корчаги, горшки, кувшины, фляги, тазы, чаши, бокалы. Наиболее характерные формы — разнообразные виды кувшинов, чаши с отогнутым наружу венчиком и бокалы на высокой ножке. Почти во всех областях выявляется широкое распространение специальных ангобных покрытий и лощения. В области вооружения в III—II вв. до н. э. четко фиксируется окончательная замена бронзовых наконечников стрел — железными. В античный период во всех областях развивается монетное дело и искусство коропластики, ранее здесь практически неизвестные.

Вместе с тем в предметах материальной культуры достаточно отчетливо прослеживаются этно-культурные особенности каждой области (страны). Бактрия кушанского времени характеризуется рядом ярких черт, нашедших отражение в массовом археологическом материале. В типологии поселений выявляется значительная стандартизация, свидетельствующая о высоком уровне урбанизации. Многие небольшие сельские поселения по планировочной структуре практически не отличаются от поселений городского типа. В той и другой категории поселений известны квадратные в плане сооружения с цитаделью в одном из углов. Как и в других областях здесь применялся квадратный сырцовый кирпич, но в Бактрии часто использовались блоки более мелкого формата (32—38 см), в то время как в Маргиане, Парфии и Хорезме преобладает сырец со стороной 40—42 см. В Бактрии более широко, чем в других среднеазиатских областях, использовались каменные архитектурные детали. Характерным бактрийским артефактом являются миниатюрные каменные базы. В архитектуре Бактрии шире, чем в других областях, применялся жженый кирпич. Обычным предметом бактрийского быта были терракотовые и глиняные ткацкие грузила — пирамидальные и

эллипсоидные. Пирамидальные грузила известны в Маргиане[1] и Согде[2], но центром их первоначального изготовления, вероятно, была Бактрия и здесь они встречаются наиболее часто. В Бактрии, наряду с пряслицами в виде дисков, выточенных из стенок сосудов, широко распространены каменные пряслица, изготовленные на токарном станке. Ареал их выходит за пределы Бактрии, но опять же ее следует считать центром их изготовления. В гончарном производстве для Бактрии наиболее характерны прямоугольные двухъярусные печи для обжига керамики. В продукции бактрийских гончаров видное место принадлежит красноангобированным и черноглиняным изделиям. Среди форм преобладают кувшины, чаши, бокалы на высокой ножке. Специфическими бактрийскими формами следует считать бочковидные, с выпуклым дном хумы со «скобчатым» венчиком, хумы на трех ножках, поильники, солонки.

Характерная черта орнаментации бактрийской керамики — использование бордюров из прямых и волнистых линий, применение мелких штампиков, зооморфных налепов. Достаточно отчетливо прослеживаются специфические черты бактрийской коропластики[3]. В ряде объектов материальной культуры яркое отражение нашло широкое распространение в Бактрии буддизма.

Для материальной культуры Юго-Восточной Туркмении характерно подавляющее большинство особенностей бактрийской культуры. Здесь достаточно широко распространены сельские поселения с цитаделями, в строительстве широко применялся мелкоформатный сырцовый кирпич, а использование жженого кирпича отмечено даже в архитектуре сельских поселений. На памятниках данного района известны многочисленные находки пирамидальных и эллипсоидных ткацких грузил, каменных пряслиц, миниатюрных каменных баз. Керамика кушанского времени обнаруживает много общего с сопредельными районами[4], на что указывают многочисленные аналогии.

Некоторые предметы материальной культуры, характерные для бактрийского комплекса кушанского времени, в Юго-Восточной Туркмении не обнаружены, например, костяные заколки, статуэтки музыкантов, следы буддийского культа, но это, по-видимому, следует объяснять неполнотой наших знаний.

---

[1] *Усманова З. И.* Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала. — Тр. ЮТАКЭ, 1963, т. 12, с. 172, рис. 7.

[2] *Кабанов С. К.* Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981, с. 22—23.

[3] *Мешкерис В. А.* Коропластика Согда. Душанбе, 1977, с. 39—40.

[4] Особенно значительно сходство с материалами Дильберджина и Шерабадского ирригационного района.

На современном уровне исследований достаточно отчетливо выявляется определенная специфика местной материальной культуры. Керамика обнаруживает много общего с другими районами Бактрии. В некоторых случаях можно даже говорить об идентичности керамических изделий. В целом совпадают основные направления в развитии керамического производства. Но есть и различия. Для комплексов Северо-Западной Бактрии нехарактерны так называемые поильники и хумы на трех ножках. В большинстве районов Бактрии в кушанский период распространена орнаментация мелкими штампиками. На Средней Амударье такой вид декоративной отделки, равно как использование налепов в виде головок животных, не получил распространения. Отдельные, украшенные подобным образом изделия, встреченные на памятниках этого района, скорее всего привозные. Другой особенностью следует считать практическое отсутствие в комплексах кушанского времени, черноглиняной керамики, которая была широко распространена в других оазисах[1].

Важную группу артефактов в плане историко-культурного определения составляют терракоты, так как они содержат сведения не только о материальной, но и духовной культуре местного населения. Женские культовые статуэтки Юго-Восточной Туркмении сходны с экземплярами из других районов Бактрии.

Прежде всего следует отметить прямые аналогии некоторым типам среднеамударьинских терракот на сопредельных территориях. На городище Емши-тепе в Северном Афганистане найдена обезглавленная статуэтка «богини в длинных одеждах»[2]. С Дильберджина происходят две фигурки богини с виноградной гроздью[3]. С находками из центральных районов Бактрии обнаруживают также связь головки богини в высоком конусовидном головном уборе. Среди материалов из погребений на Тилля-тепе близ Шибергана имеются две одинаковые золотые подвески, изображающие стоящую человеческую фигуру, держащую в расставленных в стороны руках двух чудовищ. В. И. Сарианиди и Т. Ходжаниязов определяют эту сцену как борьбу царственной персоны с «драконами»[4]. Но нет никаких свидетельств, что изображенная пер-

---

[1] Дальверзинтепе..., с. 154; *Некрасова Е. Г.* Древняя керамика Шераского оазиса. — В кн.: Бактрийские древности, 1976, вып. 2, с. 82.

[2] *Кругликова И. Т., Сарианиди В. А.* Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. — СА, 1971, № 4, с. 165, рис. 6, *5*.

[3] *Кругликова И. Т.* Дильберджин, ч. 1. М., 1974, с. 45, рис. 26; *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин, ч. 2. М., 1977, с. 41, рис. 32, *7*.

[4] *Сарианиди В., Ходжаниязов Т.* Раскопки царского некрополя и древней Бактрии. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1980, № 4, с. 43—44, рис. 2.

сона—мужского пола. Усы и борода отсутствуют, бедра подчеркнуто широкие, наряд состоит из короткой куртки и длинной юбки. «Корона, введшая исследователей в заблуждение, очень близка к головному убору упомянутых выше головок. Она имеет трапециевидные очертания, разделяется на две симметричные части и имеет сверху прямоугольную выемку. Это позволяет определять рассматриваемый персонаж как одну из местных богинь. Изображение богини с чудовищами перекликается с ближневосточными образами. При такой трактовке богиня в трапециевидном уборе представляется важной фигурой в местном пантеоне. Ее изображали в мелкой пластике и на золотых погребальных (?) украшениях, возможно, существовала и монументальная скульптура.

Для Бактрии типично изготовление статуэток сидящей богини. Три таких статуэтки, выполненные, однако, в ином стиле, чем, например, в Шурчинском[1] районе, найдены на Чопли-депе. Для многих бактрийских статуэток характерно изображение на щеках богинь одного или двух крупных колец[2], вероятно, передающих татуировку или специальную культовую или кастовую раскраску.

Попытаемся выделить некоторые местные этно-культурные черты по материалам коропластики. Все терракоты изображают женщин европеоидного типа. Большинству из них присущи массивные, округлые лица с тяжелым подбородком, маленьким ртом, крупным слегка приплюснутым носом, большими глазами. Лоб у большинства головок скошен назад. Маловероятно, что это лишь результат технического исполнения, скорее всего это этническая особенность—искусственная деформация головы. Для территории Бактрии ее можно проследить не только по терракотам, но и по изображениям на монетах и крупной скульптуре из Халчаяна[3]. Местным женщинам, вероятно, не возбранялось ходить простоволосыми, так как головные уборы имеются далеко не у всех богинь. Прическа нередко была короткой, волосы гладко зачесывались назад, иногда разделялись пробором посередине. Судя по изображению богинь, праздничный наряд местных женщин состоял из длинного, большей частью прямого, полностью закрывающего ноги платья. Оно живописно драпировалось складками и украшалось множеством нашивных укра-

---

[1] *Пугаченкова Г. А.* Новые данные о художественной культуре Бактрии.—В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973; Дальверзинтепе..., с 1961—1965.

[2] Подобные кольца встречаются также на некоторых терракотах Согда. См.: *Мешкерис В. А.* Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962, табл. III—VII.

[3] *Алексеев В. П.* Опыт антропологической оценки скульптур Халчаяна и Дальверзина. — СА, 1982, № 1.

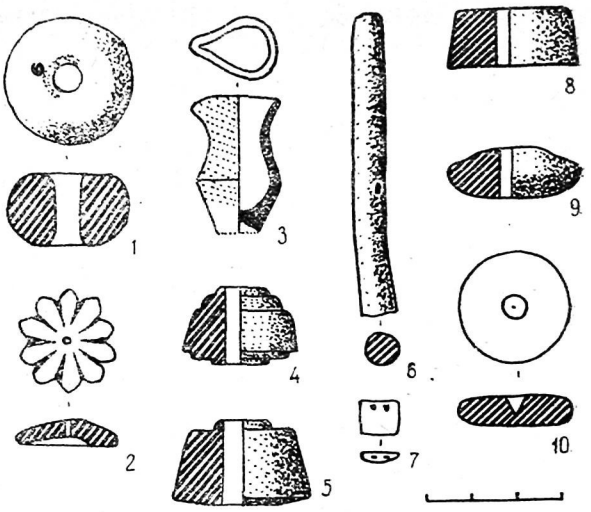

Рис. 26. Мелкие находки из разных мест: *1, 5—6*— Шор-депе (Мукры); *2*—Пультапды-депе; *3—4, 7*— Кум-депе.

шений, среди которых преобладают круглые и луновидные бляшки. Украшения, вероятно, были преимущественно металлические, но употреблялись также костяные и перламутровые. В этой связи можно указать на небольшую розетку из раковины, найденную на Пультапды-депе (рис. 26, *2*). Костюм обычно дополнялся накидкой, иногда с длинными ложными рукавами и шарфом, который носили перекинутым через грудь и левое плечо.

Наиболее почитаемым божеством, вероятно, была богиня с виноградной гроздью, так как это наиболее распространенный тип статуэток, представленный несколькими разновидностями. Не исключено, что вариациями данного образа являются «богиня с сосудом» и «богиня без культовых атрибутов». Но это не единственное божество, и в местной среде, несомненно, почиталось сразу несколько богинь. Убедительным подтверждением этому «многобожию» местного населения служит обнаружение разных типов богинь на таком сравнительно небольшом поселении, как Чопли-депе. В повседневной практике эти божества, дарующие удачу, хранительницы домашнего очага, воплощения производящих сил природы нередко заменяли друг друга. Проявление такой практики мы видим в статуэтках с лепным туловом, снабжавшихся головками разного типа.

Культуру Юго-Восточной Туркмении кушанского периода можно характеризовать как часть бактрийской. Однако культуре отдельных оазисов Бактрии были присущи локальные черты, свидетельствующие о том, что культурное единство этого региона было далеко неполным. Единство обнаруживается прежде всего в сферах, характеризующих социальное и техническое развитие, а различия — в духовной сфере (верования, художественные вкусы) и в некоторых элементах быта.

Об экономике области можно высказать только самые общие, большей частью умозрительного характера заключения. Ее основой, вероятно, было поливное земледелие. Косвенным свидетельством этого являются сведения об оросительных каналах и существование крупных хранилищ. В кроющем сильно разрушенном процессами дефляции слое Шор-депе Мукринского обнаружено большое количество хумов, на Чопли-депе в восьмом стратиграфическом горизонте примерно наполовину раскопано большое хранилище, уставленное хумами. Сведения о наборе возделываемых культур полностью отсутствуют. Учитывая, что виноградная гроздь избрана культовым атрибутом одной из наиболее популярных богинь, можно предполагать значительное развитие виноградарства. Несомненно, немаловажное значение имело животноводство. Прилегающие горные и пустынные пастбища создавали благоприятные условия для его развития. По костным останкам устанавливается разведение крупного и мелкого рогатого скота. На этой отрасли хозяйства, вероятно, специализировалось преимущественно кочевое население, присутствие которого подтверждается рядом могильников.

О развитии ремесла данные практически отсутствуют. Сведения по организации керамического производства ограничиваются двумя сильно разрушенными гончарными печами на Пультапды-депе, несколькими матрицами для изготовления терракот с Мирзабек-кала и находками шлаков на других поселениях.

Значительную роль в жизни местного населения, видимо, играла торговля, в том числе международная. В период средневековья по территории Юго-Восточной Туркмении пролегало несколько важных торговых трасс. Есть основания предполагать, что эти торговые пути функционировали издавна. То же самое можно сказать о расположенных в пределах района двух важнейших переправах — Келифской и Керкинской[1]. Амударья во все времена выполняла роль важ-

---

[1] Поселение у Керкинской переправы возникло еще в середине I тыс. до н. э.

ной транспортной артерии[1]. Страбон со ссылкой на Аристобула сообщает о перевозке по Амударье индийских товаров (VII, 3; IX). Китайские источники упоминают о парфянских купцах, плавающих по Амударье[2]. Красноречивым свидетельством развития товарно-денежных отношений являются находки мелкой разменной монеты.

В кушанский период Северо-Западная Бактрия находилась в сравнительно безопасном положении. С юга и востока она граничила с другими жизненно важными центрами Бактрии. На северо-востоке от нее находились согдийские владения, вероятно, признававшие верховную власть кушанских царей[3]. На севере все побережье Амударьи, включая Чарджоуский оазис, контролировалось кушанами. На западе труднопроходимая пустыня отделяла Бактрию от принадлежащей парфянам Маргианы.

Падение Парфянского государства в корне изменило политическую ситуацию. Вместо полусамостоятельных пропарфянских владетелей Маргианы и Сакастаны, на западных границах Кушанского государства появился новый агрессивный противник—сасанидский Иран.

В крайне схематизированном и гипотетическом виде история взаимоотношений кушан и сасанидов может быть представлена следующим образом[4]. Первое[5] столкновение произошло при Шапуре I. В. Г. Луконин считает возможным относить эти события к 245—248 гг[6]. Победы сасанидских войск, вероятно, были значительными для того, чтобы найти отражение в официальной надписи на Каабе Зороастра, адресованной не только потомкам но и современникам этих событий. Поход Шапура I нанес чувствительный удар кушанскому государству, но не уничтожил его окончательно. Дезор-

---

[1] Именно Амударья и дороги вдоль нее обеспечивали тесные связи основных кушанских земель с Хорезмом.

[2] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений..., с. 151.

[3] *Массон В. М.* Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана:— ОНУ, 1981, № 1, с. 35—36.

[4] О взаимоотношении кушан и сасанидов существует обширная литература. Обзор данной литературы и различных версий позднекушанской истории подробно рассмотрены в работе Б. Я. Ставиского (Кушанская Бактрия..., с. 130—140). Приведенную в ней библиографию следует дополнить новейшими исследованиями: *Массон В. М.* Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана. — Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 4; *Ртвеладзе Э. В.* Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии — Тохаристане (по данным нумизматики). — Общественные науки в Узбекистане, 1982, № 1.

[5] Сообщения ат-Табари о завоевании кушанского царства основателем сасанидского государства Арташиром в настоящее время большинством исследователей признается недостоверным. См.: *Луконин В. Г.* Завоевания сасанидов на Востоке и проблемы кушанской абсолютной хронологии. — ВДИ, 1969, № 2, с. 22—27.

[6] Там же, с. 34.

ганизация политической власти нашла отражение в прекращении выпуска золотых монет после Канишки III. Это ослабленное, но окончательно непокоренное кушанское царство продолжало удерживать земли по среднему и верхнему течению Амударьи, о чем свидетельствуют многочисленные находки подражаний монетам последних «великих» кушан. Выпуск этих монет, как мы пытались показать выше, следует относить ко второй половине III — началу IV в. н. э. В начале IV столетия начинается новый натиск сасанидов на кушан. Опорным пунктом при этом служит Мерв, ставший резиденцией сасанидских принцев, принявших титул кушан-шахов[1]. В середине IV в. завоевание Бактрии, вероятно, было полностью завершено. В нумизматике это находит подтверждение в появлении нового монетного двора в Бактрии и в выпуске новых монетных серий золотых и бронзовых кушано-сасанидских монет. Регистрация монетных находок такого типа показывает, что сасанидо-кушанское владение поглотило все северо-восточные кушанские территории — побережье Амударьи от Чарджоу до Пянджа[2], весь бассейн Сурхандарьи[3] и, возможно, часть Бухарского оазиса[4].

Сасанидское завоевание, несомненно, сопровождалось погромами, но в целом вхождение в состав сасанидо-кушанского владения не нанесло значительного вреда местной экономике. В кушано-сасанидский период продолжает функционировать большинство поселений предшествующего времени. В материальной культуре четко прослеживается преемственность. Судя по монетным данным, кушан-шахи стремились представить себя законными наследниками кушанских царей и продолжателями их дела. Они возобновили выпуск золотой монеты по кушанскому образцу и пытались сблизить свои верования с верованиями местного населения. Оборотные стороны кушано-сасанидских монет отчетливо фиксируют стремление к синкретизму.

Объединение Мерва и приамударьинских районов в одно владение, несомненно, способствовало культурному сближению этих областей. Однако комплексы IV в. н. э. в Мерве выявлены недостаточно четко и плохо расчленены с материалами II—III вв. н. э., поэтому детальное сопоставление мате-

---

[1] Сасанидо-кушанские монеты часто встречаются в Маргиане. Часть из них содержит обозначение монетного двора — «Мерв». См.: *Массон М. Е.* Распространение монетных находок чекана династии сасанидов (224—651 гг.) на территории Советских республик Средней Азии.—Тр. ЮТАКЭ, 1974, т. 15.

[2] *Зеймаль Е. В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным. — В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978, с. 212.

[3] *Ртвеладзе Э. В.* Об ареале и хронологии..., с. 48—49.

[4] *Зеймаль Е. В.* Политическая история..., с. 212.

риальной культуры и определение направления культурных влияний в настоящее время представляется затруднительным. Можно лишь отметить, что под влиянием культуры кушанской Бактрии в Мерве появляются несвойственные для этой области бокалы на высокой ножке, сосуды типа «столовых ваз»[1]. Буддийским, т. е. кушанским влиянием следует объяснять появление в Мерве статуэток обезьян[2] и изображение у одной из маргианских богинь прически в виде многочисленных спиральных завитков[3]. Касаясь буддизма, следует остановиться еще на одном моменте мервской истории. В первые годы раскопок, возникновение мервского буддийского комплекса, расположенного в юго-западном углу городища Гяур-кала, было отнесено к позднепарфянскому времени[4], что привело к широкому распространению в научной литературе гипотезы о проникновении буддизма в Маргиану в парфянскую эпоху[5]. Ныне установлено, что комплекс сооружен в раннесасанидский период[6]. В свете данного факта вопрос о начале распространения буддизма в Маргиане следует считать открытым. Не исключено, что буддийская община в Мерве возникла лишь в период существования сасанидо-кушанского владения, когда связи между Мервом и Бактрией значительно усилились.

Интересную линию связей Маргианы с восточными областями Средней Азии дают терракотовые изображения воинов с мечами. В Маргиане в нескольких вариантах этот тип статуэток известен по раскопкам Мерва и Гебеклы-депе. Они надежно датируются монетами первых сасанидских правителей[7]. Матрица для изготовления аналогичных, выполненных с большим мастерством статуэток известна из района Керки. В более позднее время статуэтки подобного типа получают

---

[1] *Кацурис К., Буряков Б.* Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-кала. — Тр. ЮТАКЭ, 1963, т. 12, с. 146, рис. 47; *Филанович М. И.* Гяур-кала. — Тр. ЮТАКЭ, 1974, т. 15, с. 61—63.

[2] *Пугаченкова Г. А.* Коропластика древнего Мерва. — Тр. ЮТАКЭ, 1962, т. 11, с. 168—169.

[3] Там же, с. 136. См. также: *Ремпель Л. И.* Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. — Тр. ЮТАКЭ, 1949, т. 1, с. 346.

[4] *Массон М. Е.* Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г.— Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1963, № 3, с. 51—56; *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии. М., 1966, с. 90—96.

[5] См.: *Кошеленко Г. А.* Родина парфян. М., 1977, с. 104—112.

[6] *Усманова З. И.* Буддийский памятник в Мерве. — В кн.: Материалы по истории, историографии и археологии. Тр. ТашГУ, 1977, вып. 533.

[7] *Пугаченкова Г. А.* Коропластика древнего Мерва. — Тр. ЮТАКЭ, 1962, т. 11, с. 156; *Пилипко В. Н.* Терракотовое изображение сасанидского вельможи с берегов Средней Амударьи. — Памятники Туркменистана, 1977, № 2.

распространение в Согде[1]. Вероятно, традиция изготовления таких статуэток первоначально возникла в Мерве, затем вместе с завоевателями проникла на Среднюю Амударью[2], а оттуда — в Согд.

Связь Северо-Западной Бактрии с Южным Согдом в кушано-сасанидский период прослеживается достаточно отчетливо. Если упомянутая статуэтка указывает на западные влияния в культуре Согда, то наблюдается и обратное явление. На памятниках Юго-Восточной Туркмении встречаются редкие, но выразительные образцы лепной керамики, украшенной зубчатым орнаментом, характерной для области Кашкадарьи. Согдийское влияние нашло выражение и в иконографии статуэтки с Омар-кала. Она имеет атрибуты, типичные для приамударьинских районов, — сосуд и кольцо, но по прическе, одеянию и стилистическим особенностям находит аналогии именно в Согде.

Во второй половине IV в. в бассейн Амударьи, вероятно, проникают хионитские и эфталитские племена, происхождение которых точно не установлено[3]. Материальное отражение их присутствия — грубая плохо обожженная керамика, обнаруженная на довольно обширной территории. Ее находки известны по материалам с Термеза[4], Зар-тепе[5], Ак-Кургана[6], Дильберджина[7] и других поселений Бактрии[8]. Следует отметить, что близкая по фактуре и выделке керамика в рассматриваемый период распространяется не только в Бактрии. Она встречается по всему среднему течению Амударьи[9], в Хорезме[10], а также в Южном Туркменистане[11].

---

[1] *Мешкерис В. А.* Коропластика Согда..., с. 68, табл. XVII, *4; Кабанов С. К.* Культура сельских поселений Южного Согда III—VI вв. Ташкент, 1981, с. 100—101.

[2] Матрица, изготовленная в конце III—начале IV в.,—еще один аргумент в пользу сравнительно раннего проникновения сасанидов в бассейн Амударьи.

[3] *Гафуров Б. Г.* Таджики. М., 1972, с. 194—202; *Гумилев Л. И.* Эфталиты и их соседи в IV в. — ВДИ, 1959, № 1; *Он же.* Эфталиты — горцы или степняки? — ВДИ, 1967, № 3.

[4] *Козловский В. А., Некрасова Е. Г.* Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза. — Бактрийские древности, 1976, с. 36—37, рис. 4, *55, 61.*

[5] *Завьялов В. А.* Раскопки квартала..., с. 149.

[6] *Пидаев Ш. Р.* Поселения..., с. 69, табл. 26, *20—22.*

[7] *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджин..., с. 94, рис. 95.

[8] *Некрасова Е. Г.* Древняя керамика Шерабадского оазиса. — Бактрийские древности, 1976, рис. 3, *50, 59.*

[9] *Пилипко В. Н.* Древнее городище Одей-депе на среднем течении Амударьи. — В кн.: Каракумские древности, вып. 8. Ашхабад, 1979, с. 38 и сл.

[10] Керамика древнего Хорезма. М., 1959, с. 225—232.

[11] *Пилипко В. Н.* Исследование памятников античного времени в районе Геок-Тепе. — В кн.: Каракумские древности, вып. 1. Ашхабад, 1968, с. 32—33; *Он же.* Ярык-депе. — В кн.: Каракумские древности, вып. 7. Ашхабад, 1978, с. 21—22.

Вытеснение сасанидов из Бактрии, в том числе из Северо-Западной, как показывает анализ письменных источников[1] и нумизматические изыскания[2], происходит в конце IV в. Период распространения грубой керамики — последний в обживании многих поселений Юго-Западной Туркмении. В V в. экономику и культуру Бактрии-Тохаристана охватывает глубокий кризис. Для последующего времени можно говорить не о кушанской культуре, а о ее наследии.

---

[1] *Маршак Б. И.* К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.— Страны и народы Востока, 1971, вып. 10, с. 59, 62—63.

[2] *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Wiesbaden, 1967, Bd. 1. S. 24—25; *Вайнберг Б. И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. — В кн.: Буддийский культовый центр Кара-депе в Старом Термезе. М., 1972.

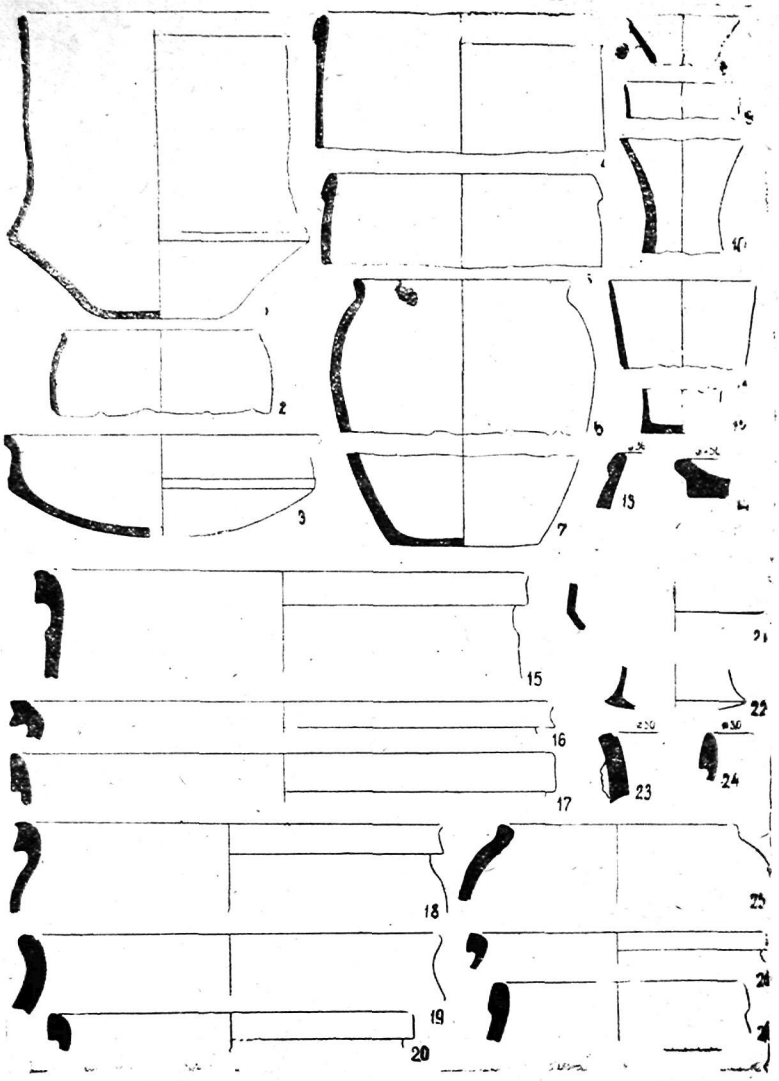

Табл. I. Керамика раннежелезного века: *1—14* — «Бековская крепость»; *16—27*—Чопли-депе.

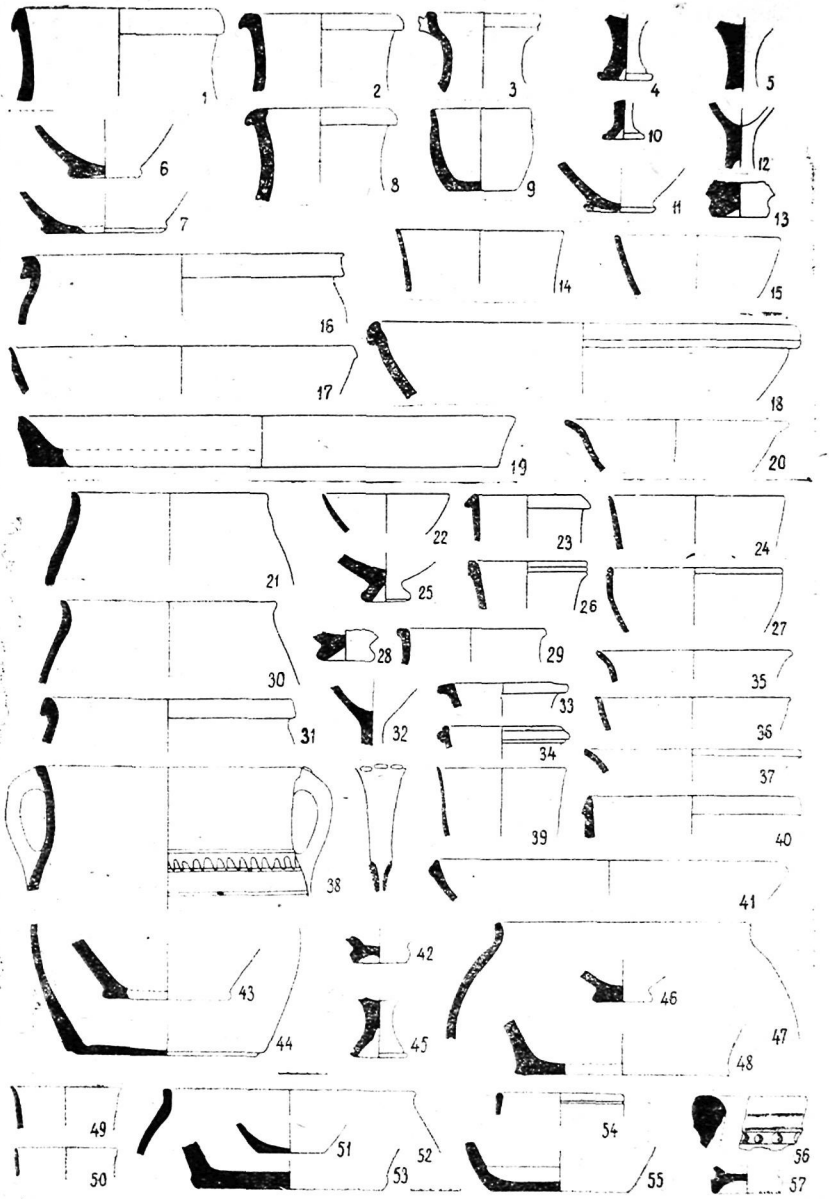

Табл. II. Чопли-депе: *44—57*—керамика 1-го, *1—43*—2-го стратиграфических горизонтов.

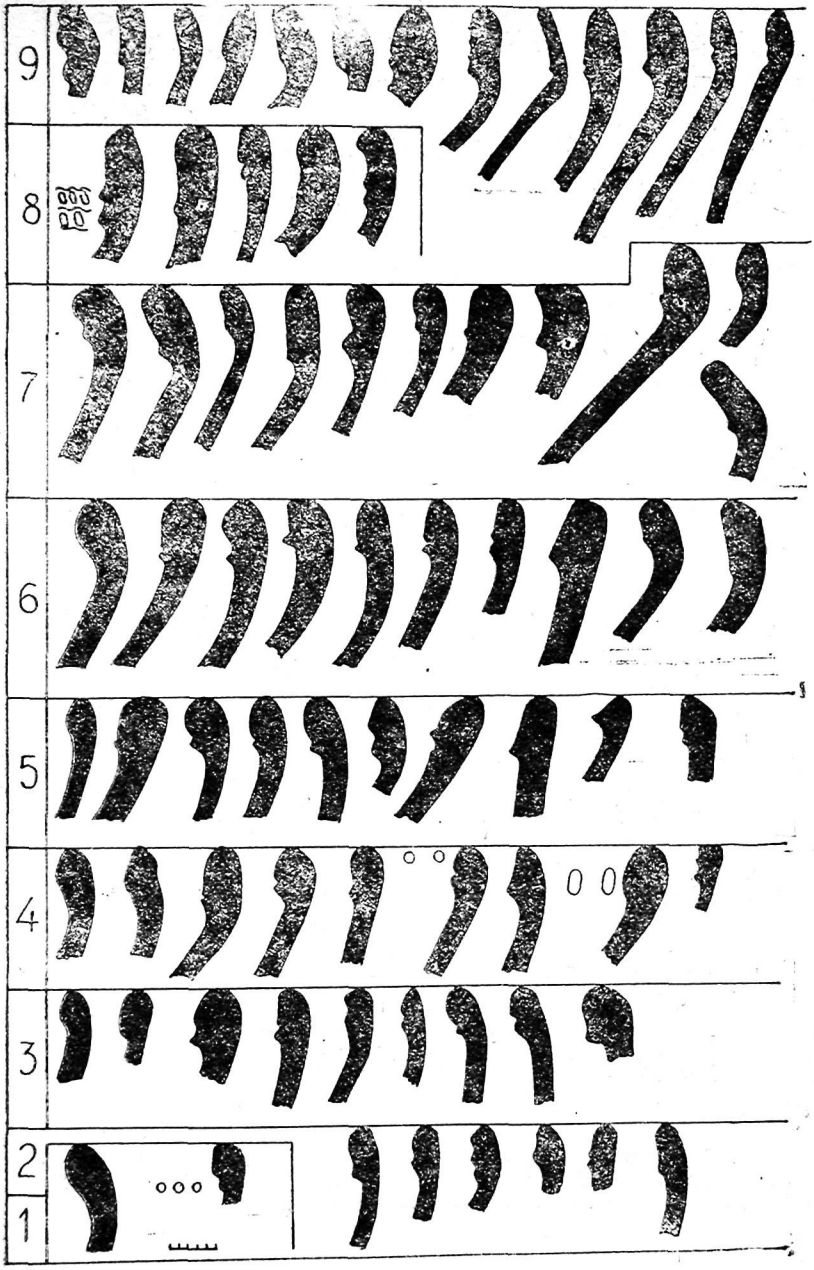

Табл. III. Чопли-депе. Венчики хумов.

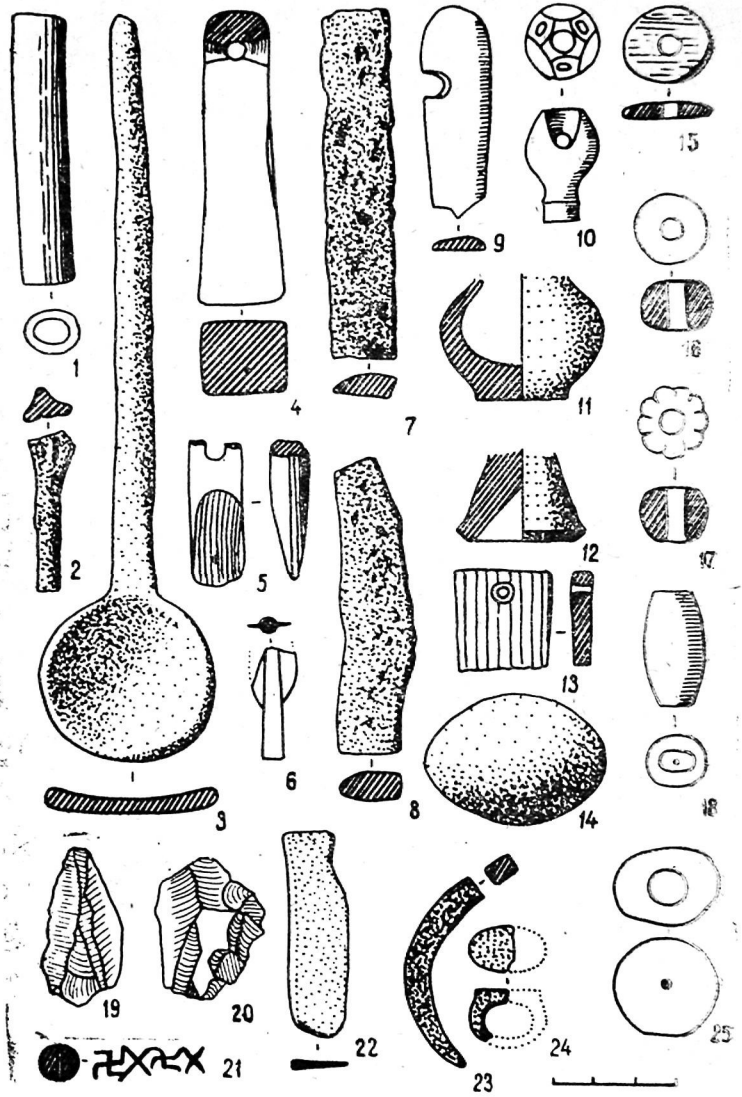

Табл. IV. Чопли-депе. Мелкие находки: *1, 9—10*—кость, *2, 7—8, 23*—железо; *3, 6, 22—24*—бронза; *4—5, 13—15, 18—21, 25*—камень; *11—12*—керамика; *16—17*—стекловидная паста.

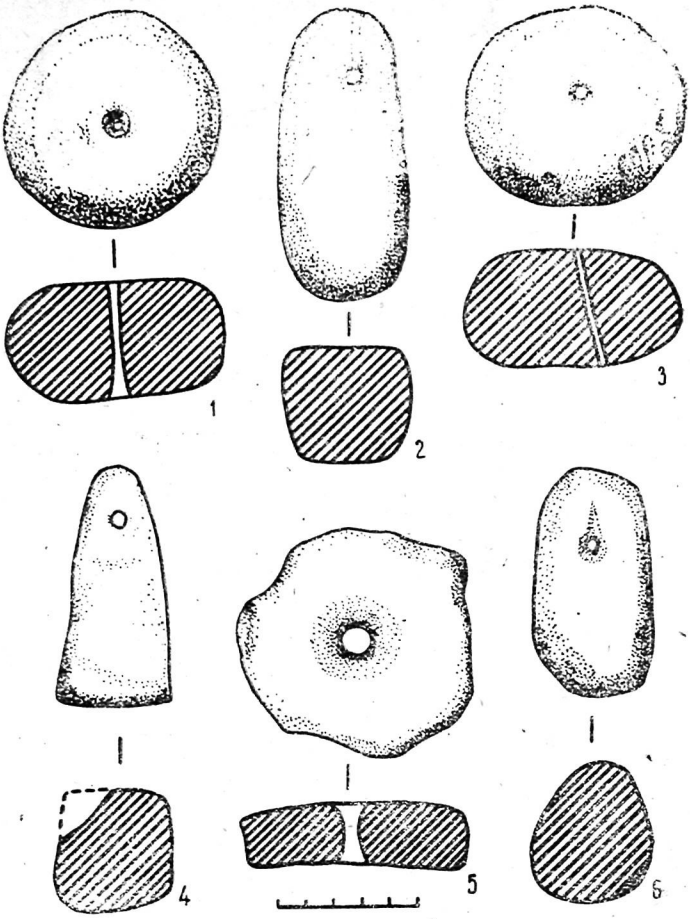

Табл. V. Ткацкие грузила. Чопли-депе (*1—4, 6*) и Пультапды-депе (*5*); *4—5*—терракота, остальные—необоженная глина.

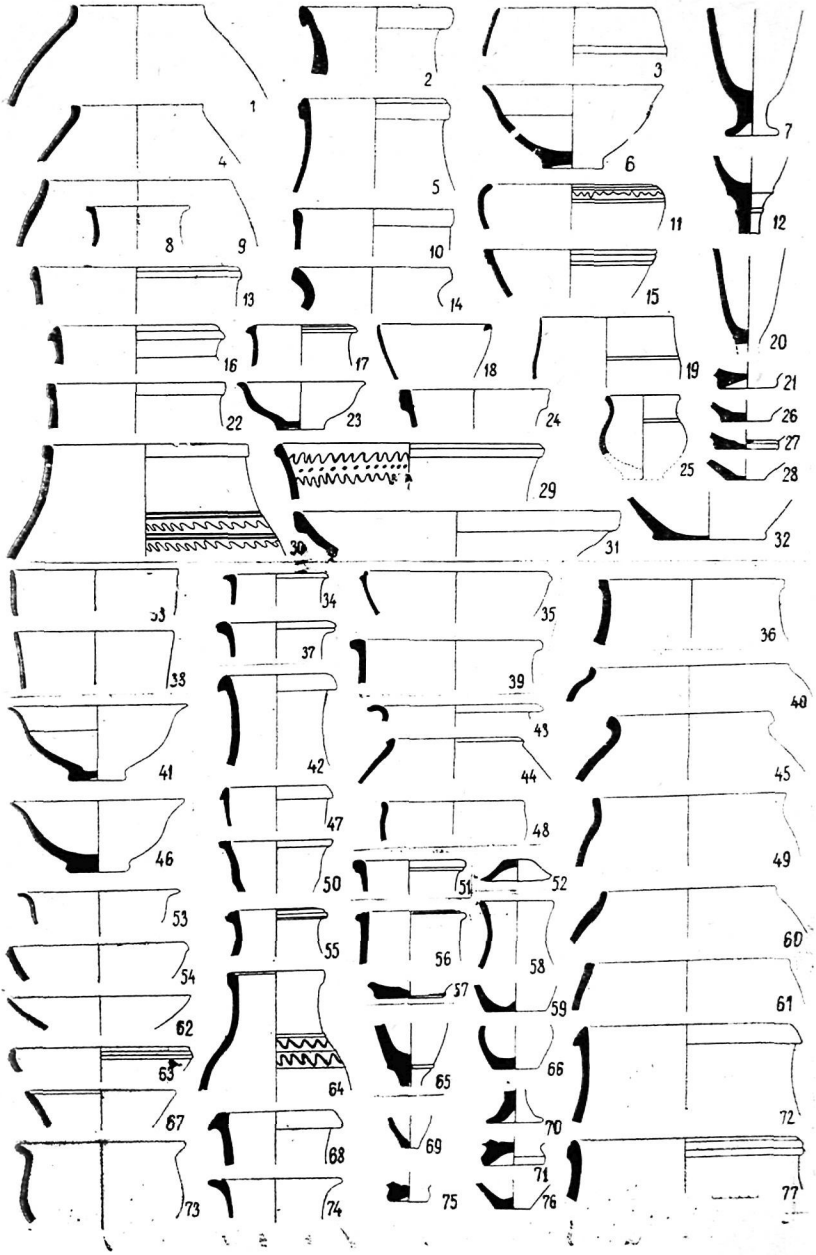

Табл. VI. Чопли-депе. Керамика 3-го *(33—77)* и 4-го *(1—32)* стратиграфических горизонтов.

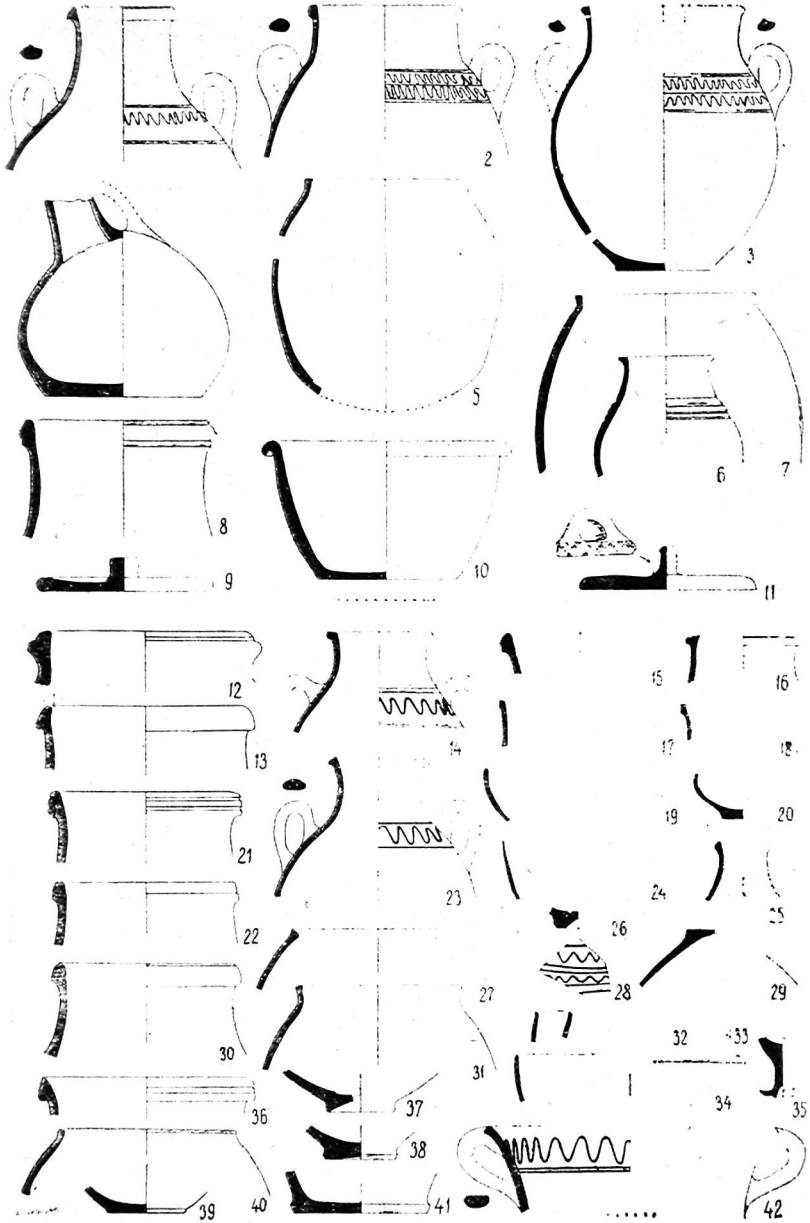

Табл. VII. Чопли-депе. Керамика 5-го *(12—42)* и 6-го *(1—11)* стратиграфических горизонтов.

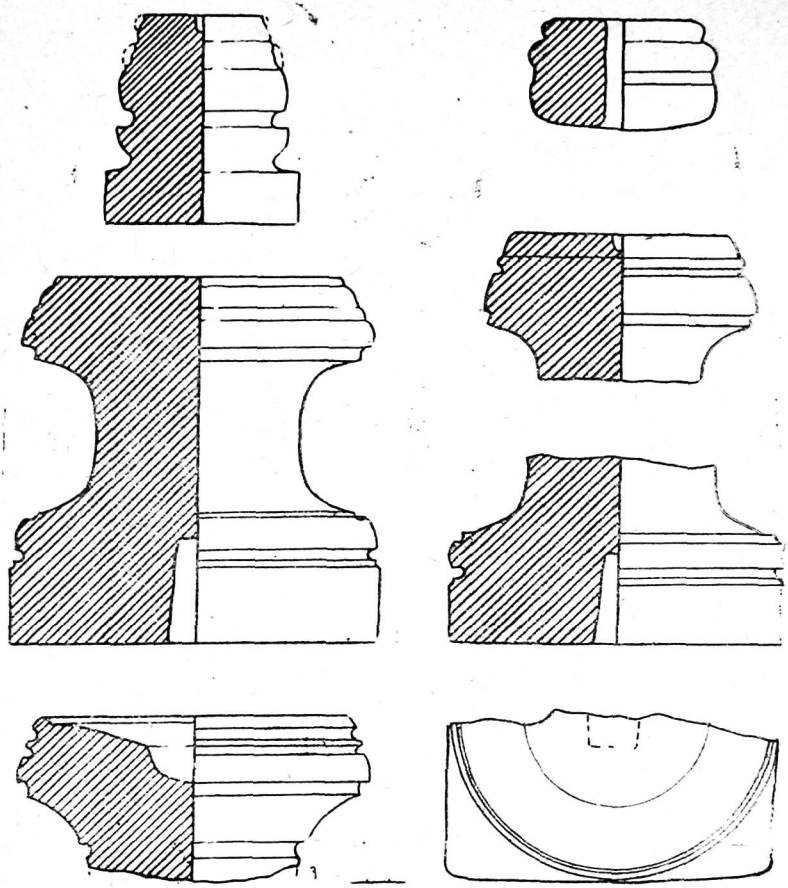

Табл. VIII. Миниатюрные базы колонн с Мирзабек-кала (*1—2, 4—6*) и Чопли-депе (*3*).

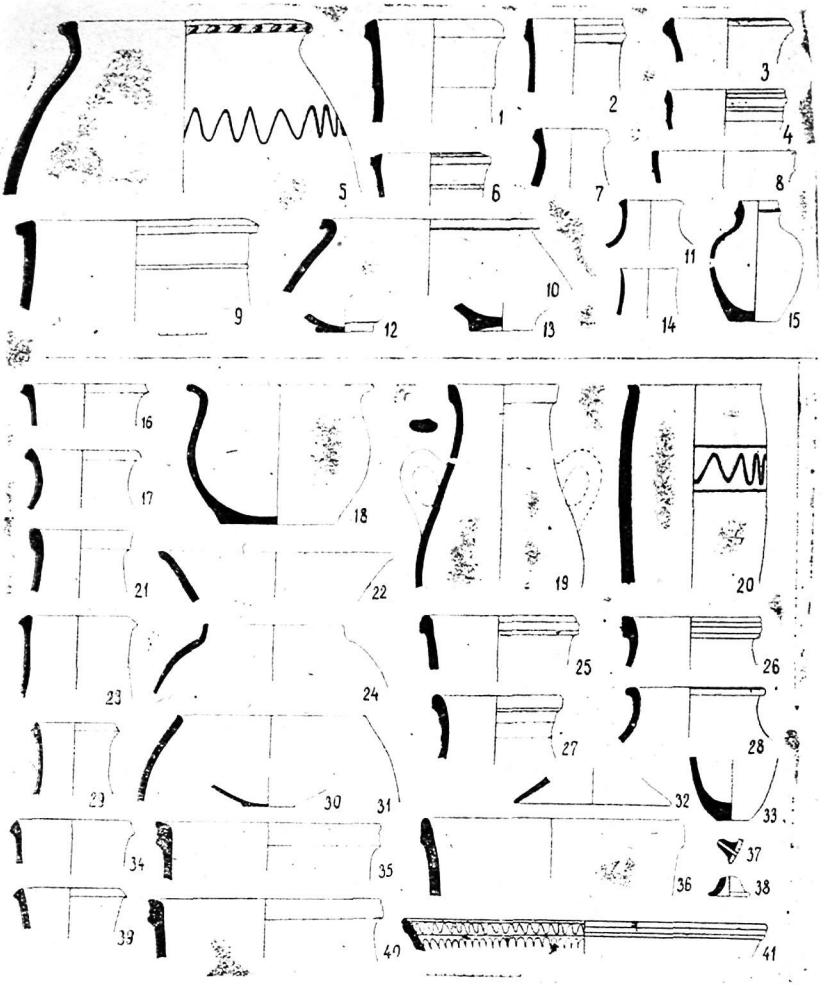

Табл. IX. Чопли-депе. Керамика 7-го *(16—41)* и 8-го *(1—15)* стратиграфических горизонтов.

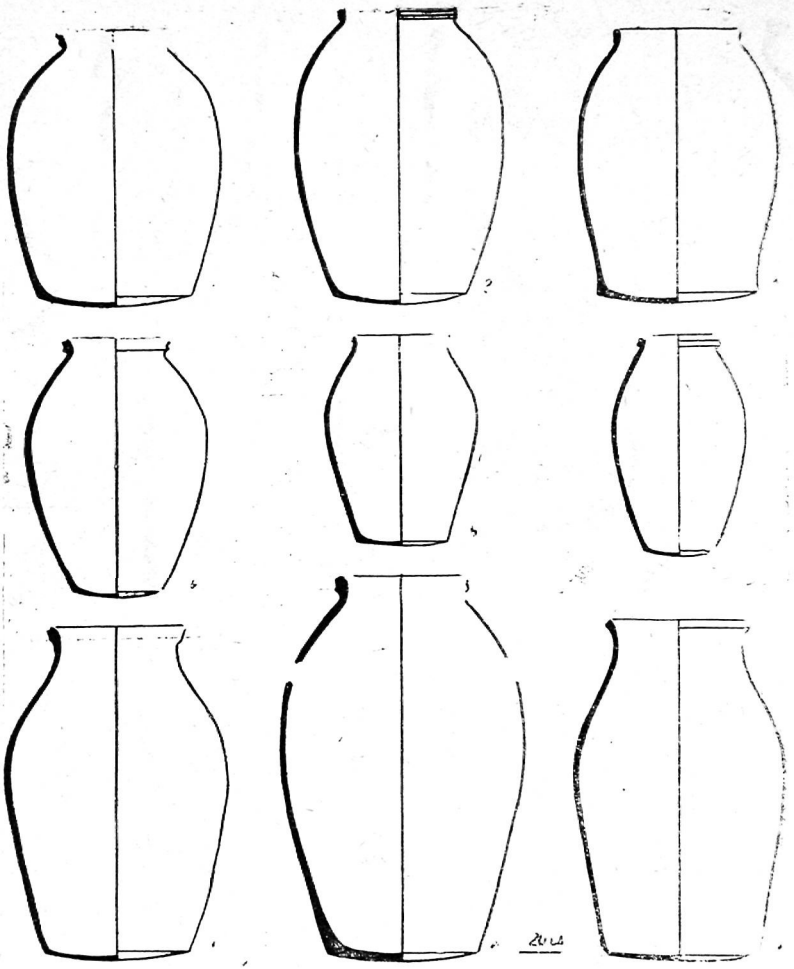

Табл. X. Хумы: *1—3, 8*—Чопли-депе, 9-й стратиграфический горизонт; *4, 6*—Шор-депе (Мукры); *5*—Мирзабек-кала, из обрыва; *7, 9*—Мирзабек-кала, шурф № 1, 6-й стратиграфический горизонт.

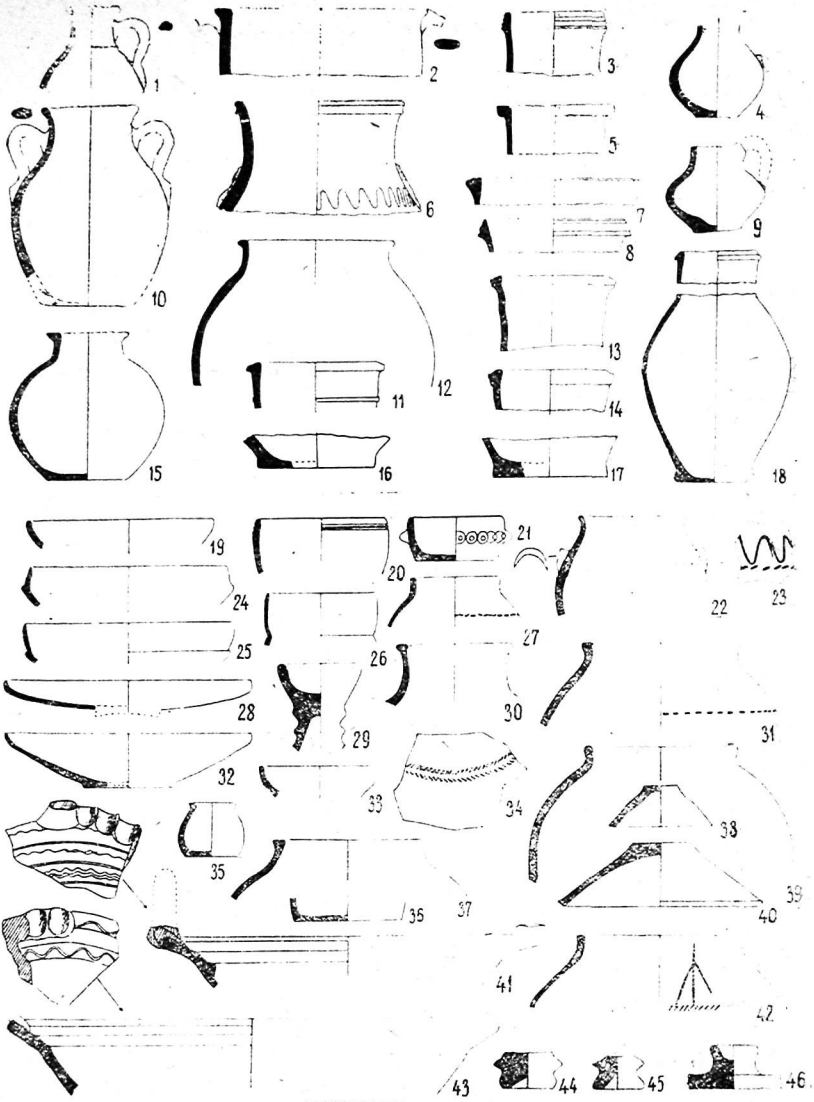

Табл. XI. Чопли-депе. Керамика 9-го стратиграфического горизонта.

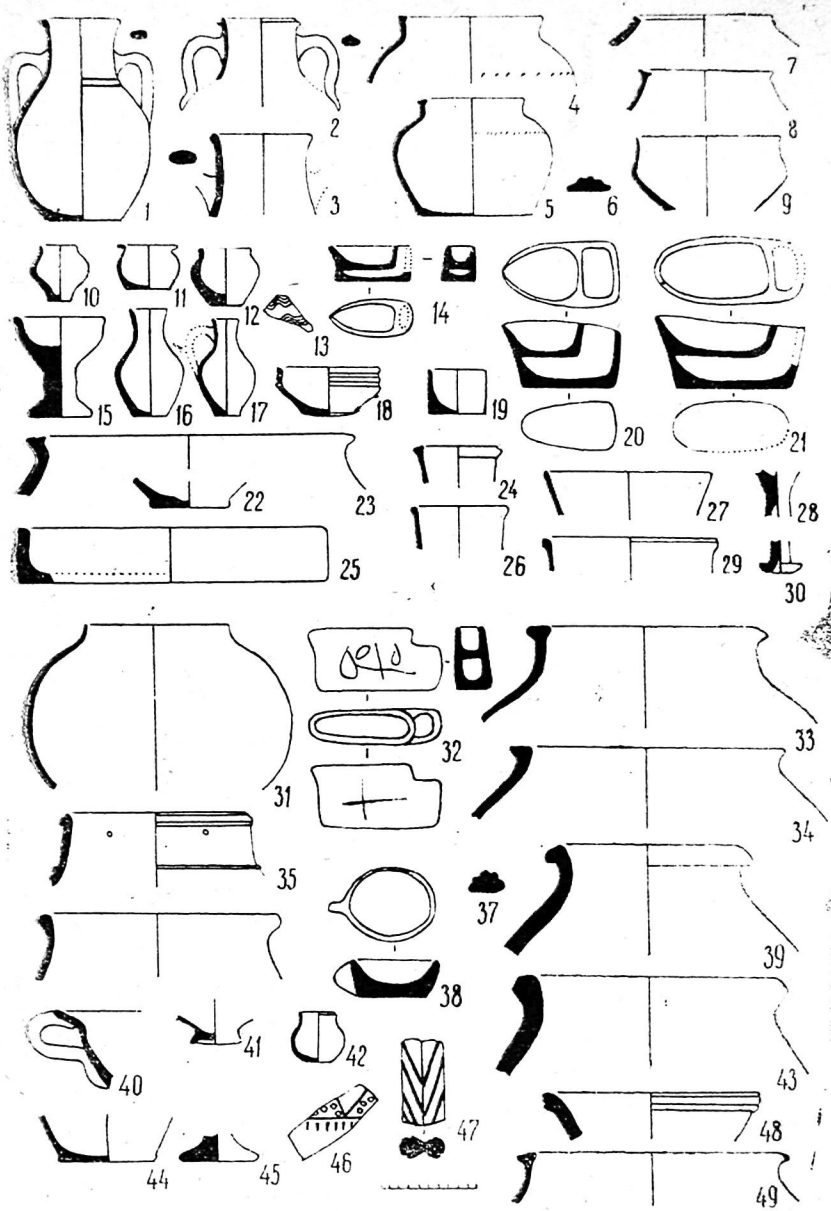

Табл. XII. Чопли-депе: керамика 9-го (*31—49*) и 10-го (*1—30*) стратиграфических горизонтов.

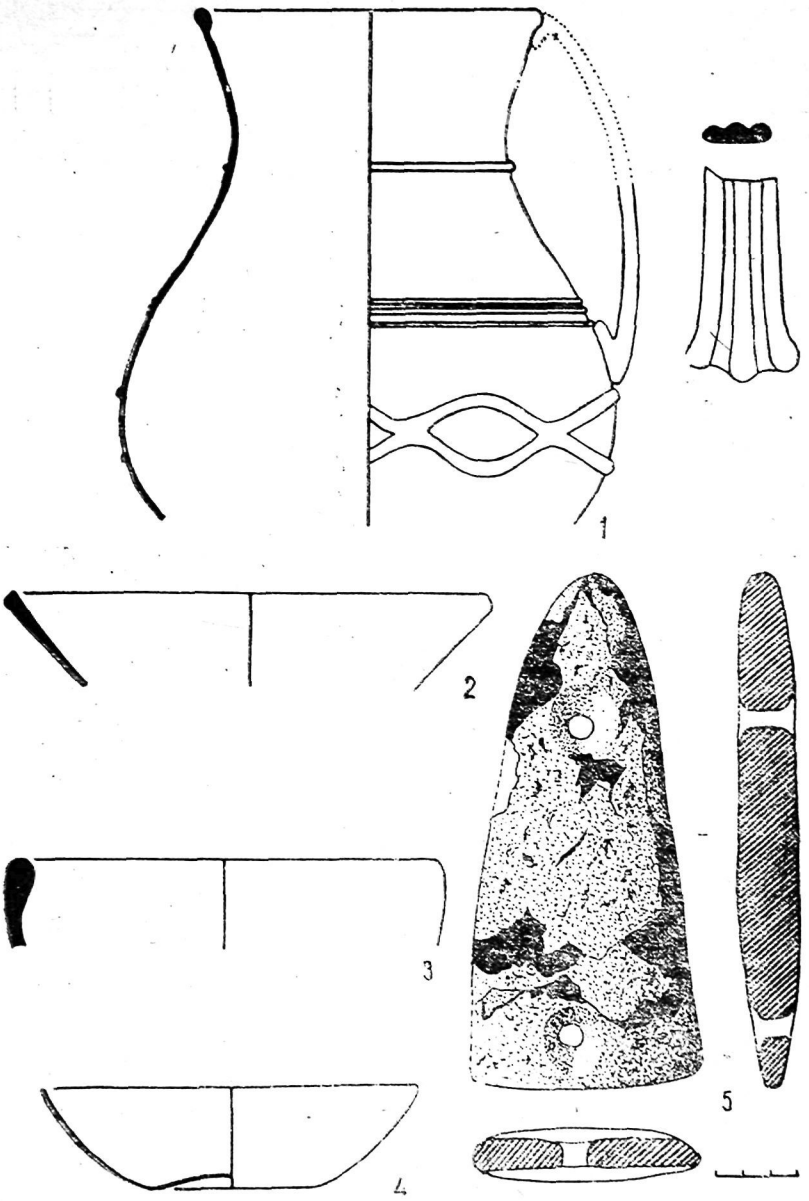

Табл. XIII. Чопли-депе: *1*—стеклянные; *2—4* — бронзовые; *5* — железные изделия.

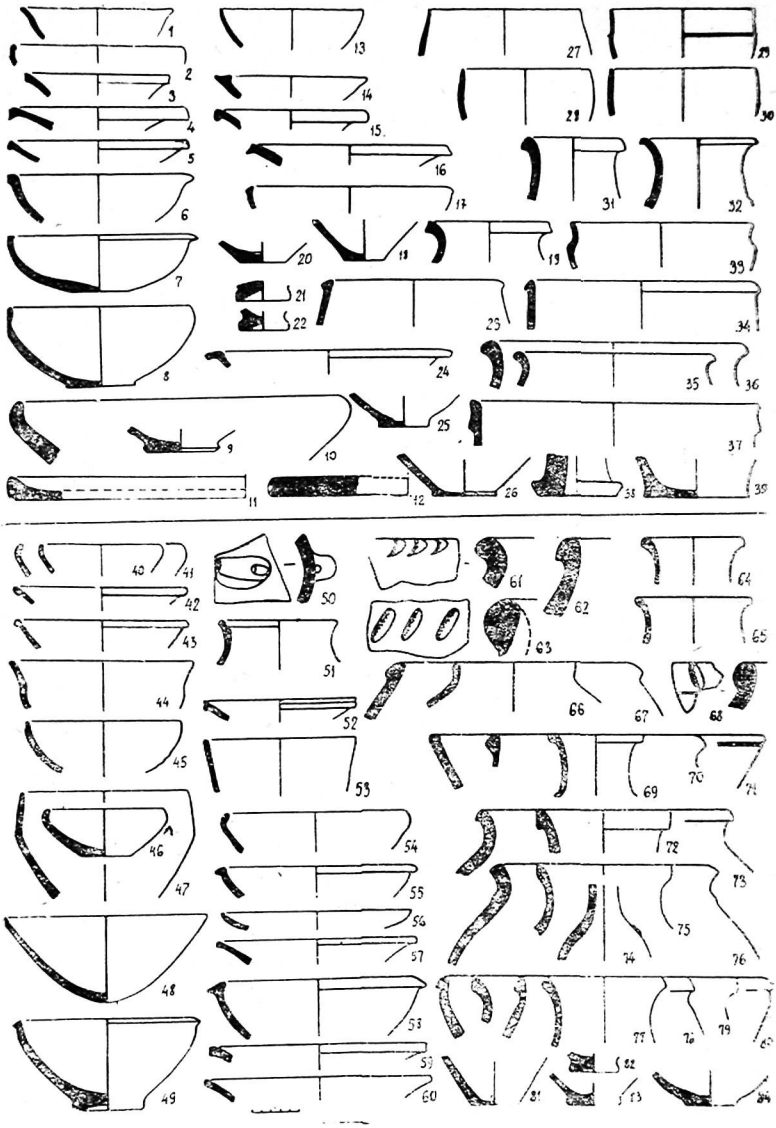

Табл. XIV. Мирзабек-кала. Шурф № 1. Керамика 1-го *(1—39)* и 2-го *(40—84)* стратиграфических горизонтов.

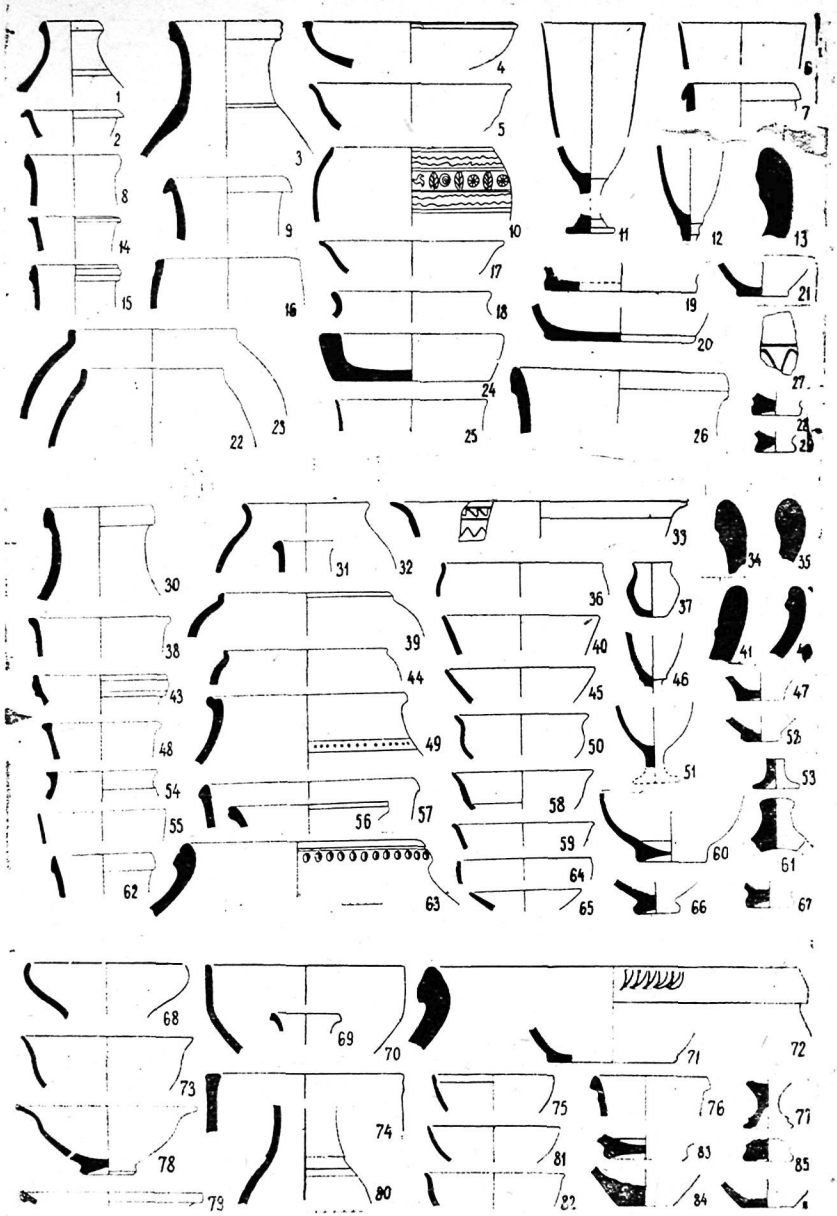

Табл. XV. Мирзабек-кала. Шурф № 1. Керамика 3-го (*68—86*), 4-го (*30—67*) и 5-го (*1—29*) стратиграфических горизонтов.

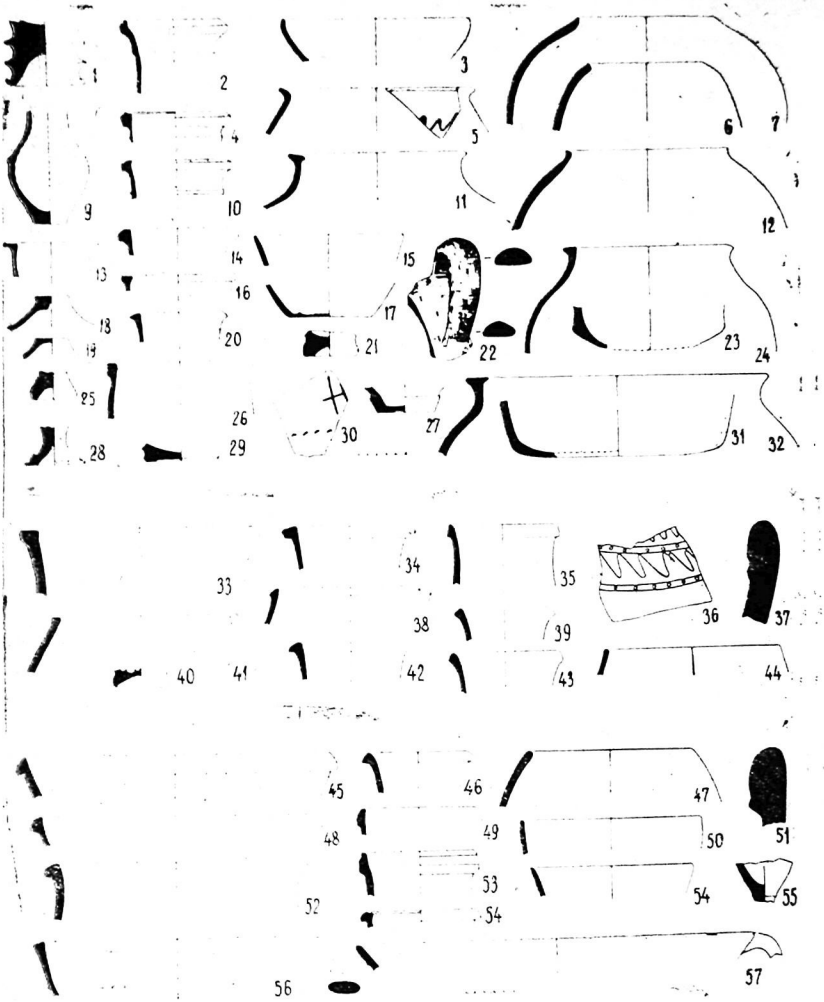

Табл. XVI. Мирзабек-кала. Шурф № 1. Керамика 7-го (*45—57*); 8-го (*33—44*); 9—10-го (*1—32*) стратиграфических горизонтов.

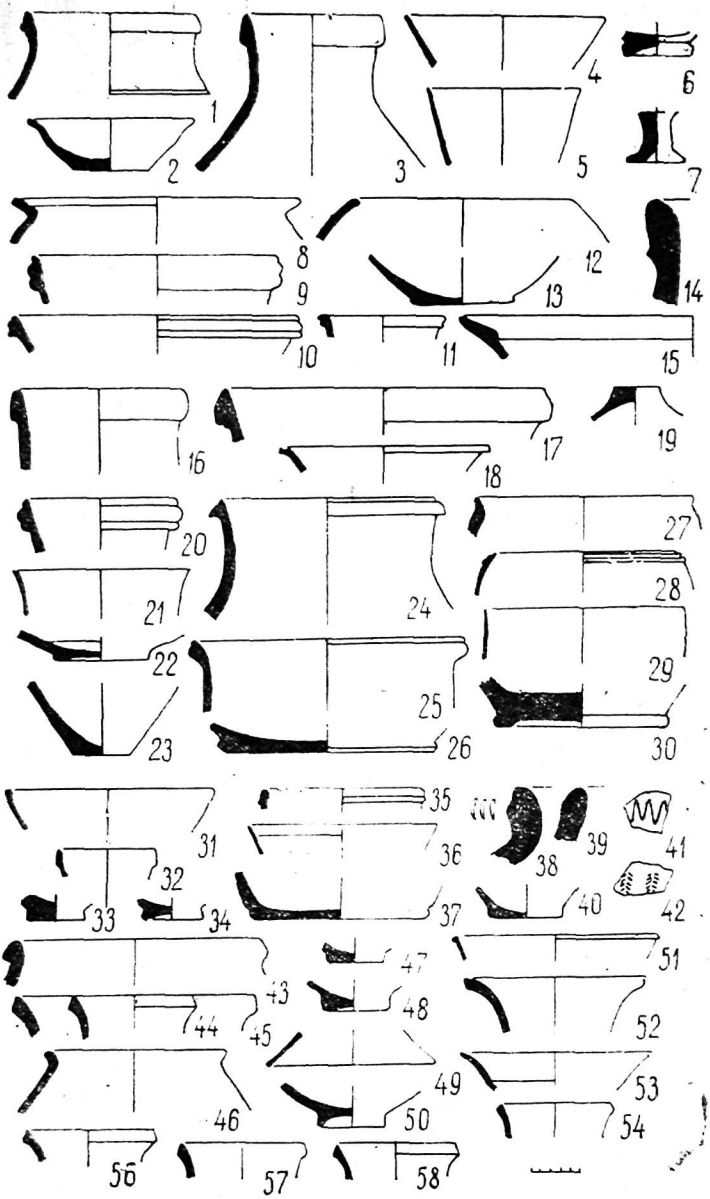

Табл. XVII. Мирзабек-кала. Шурф № 2. Керамика 1-го *(41—57)*, 2-го *(31—40)*, 3-го *(16—30)*, 4-го *(8—15)* и 5-го *(1—7)* стратиграфических горизонтов.

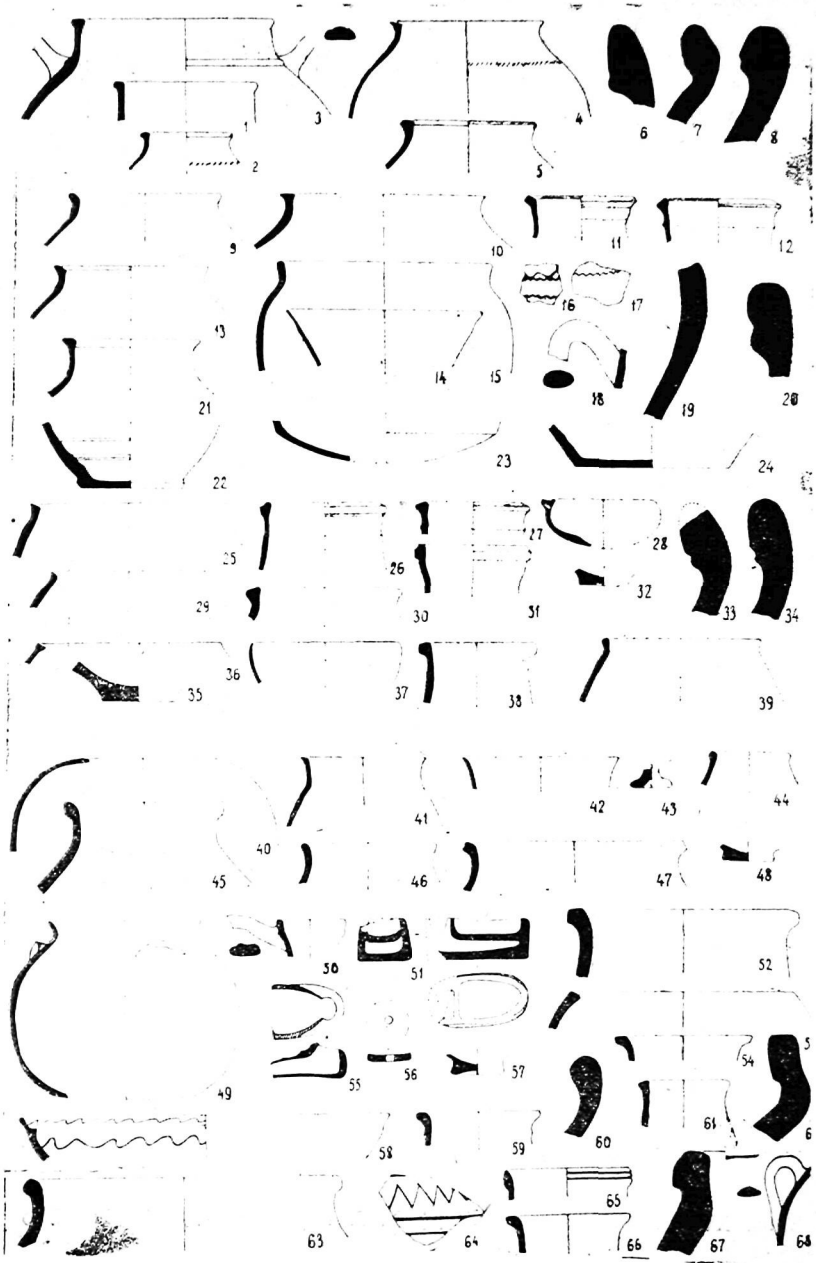

Табл. XVIII. Керамика Хатаб-кала: *1—8*—подъемная; *9—24*—5-й; *25—34*—4-й; *37—39*—3-й; *35—36*—2-й стратиграфические горизонты.

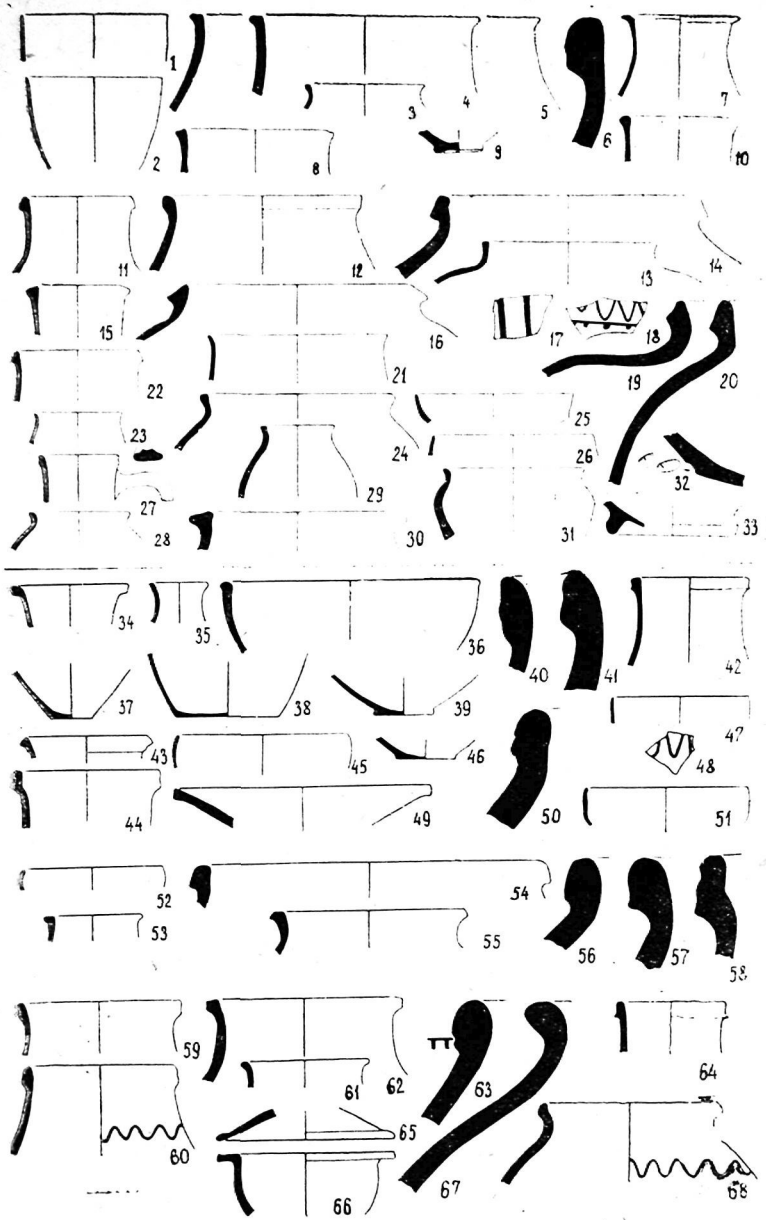

Табл. XIX. Керамика Шор-депе у Бургучи *(1—10)*, Куреген-кала *(11—33)*, Шор-депе Ходжамбасского *(34—51)*, Ак-депе у Ташрабада *(52—58)*, Уч-агач-депе *(59—68)*.

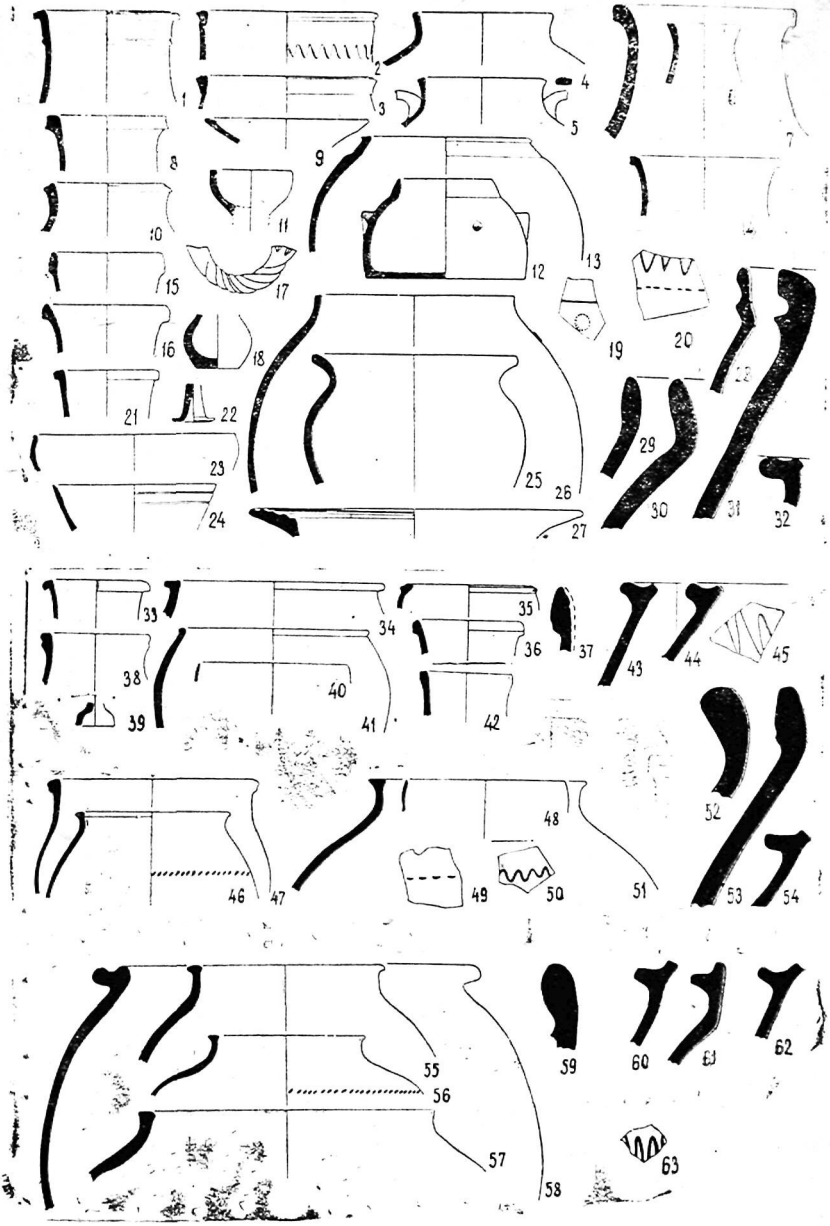

Табл. XX. Керамика Шор-депе Мукринского (*1—32*), Пультапды-депе (*33—45*), Кум-депе (*46—54*) и Мор-депе Аккумуламского (*55—63*).

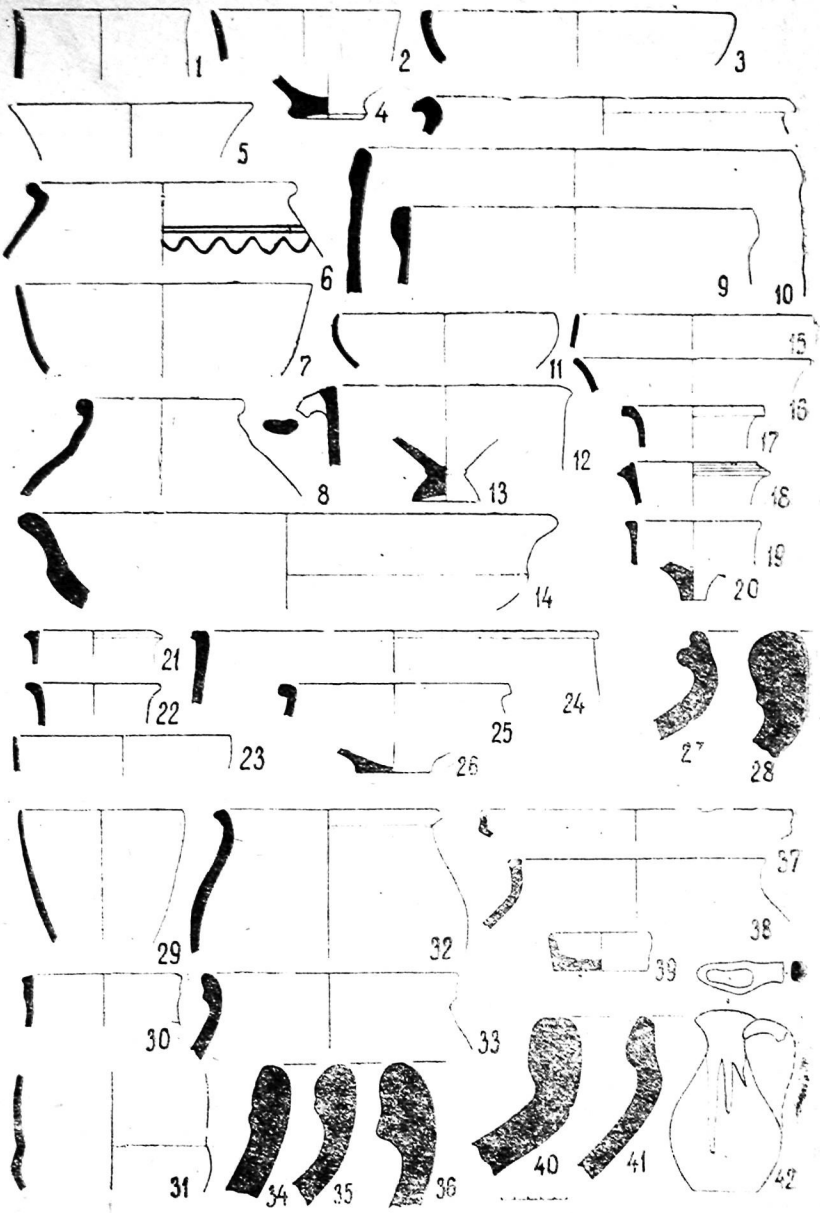

Табл. XXI. Керамика «Бековской крепости» в Керки (*1—4*), Керкичи (*5—20*), Сакар-кала (21—28), Омар-кала (*29—42*).

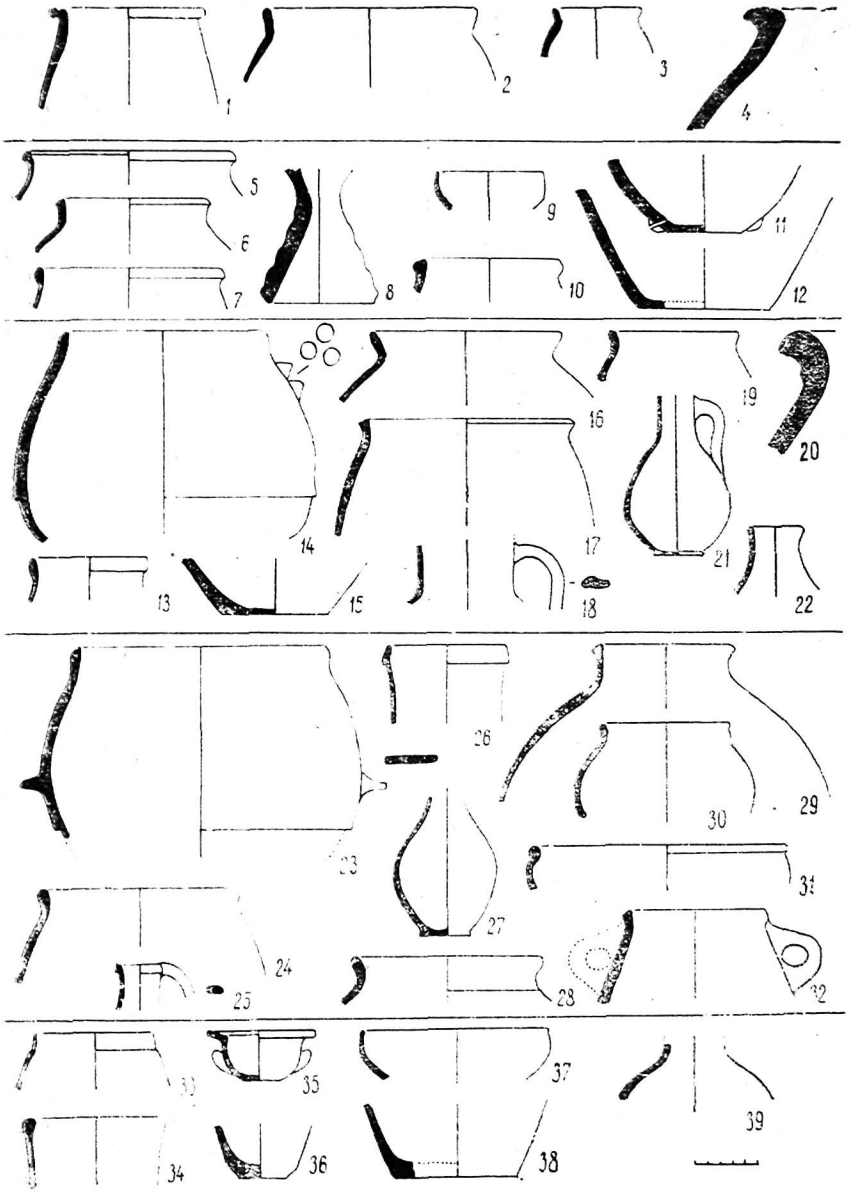

Табл. XXII. Кара-депе. Керамика из шурфа.

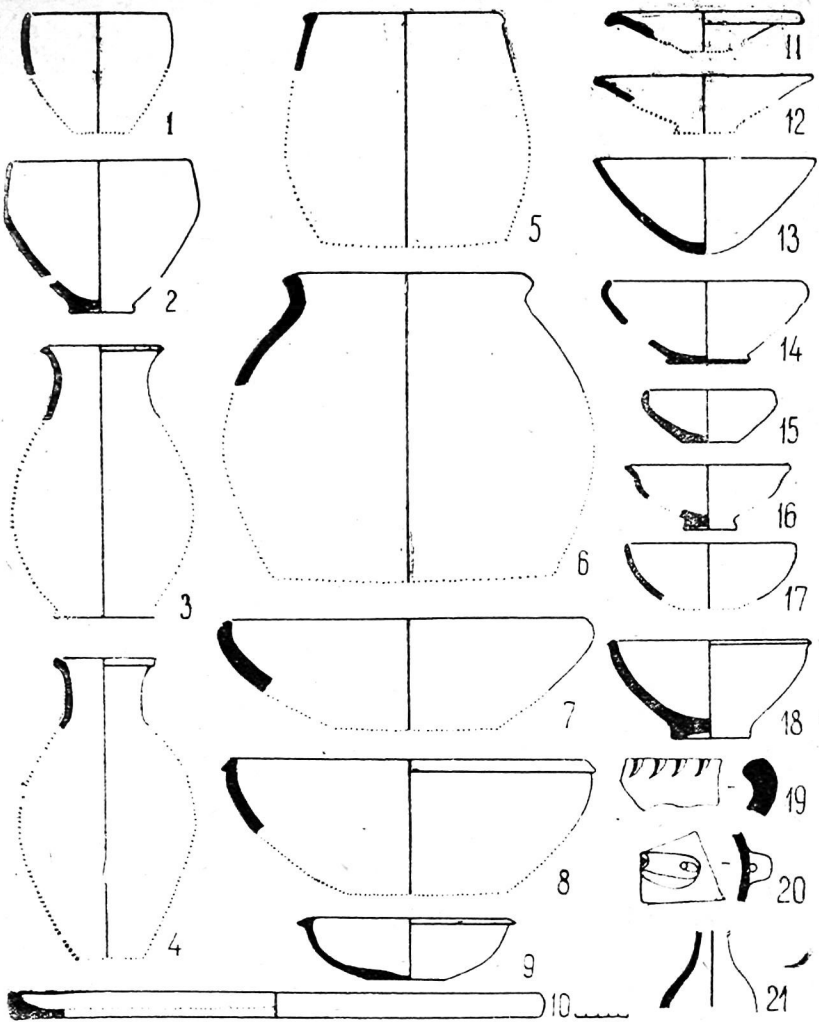

Табл. XXIII. Греко-бактрийский комплекс керамики. Реконструкция некоторых форм выполнена на основании сопоставления с керамикой Ай-ханум.

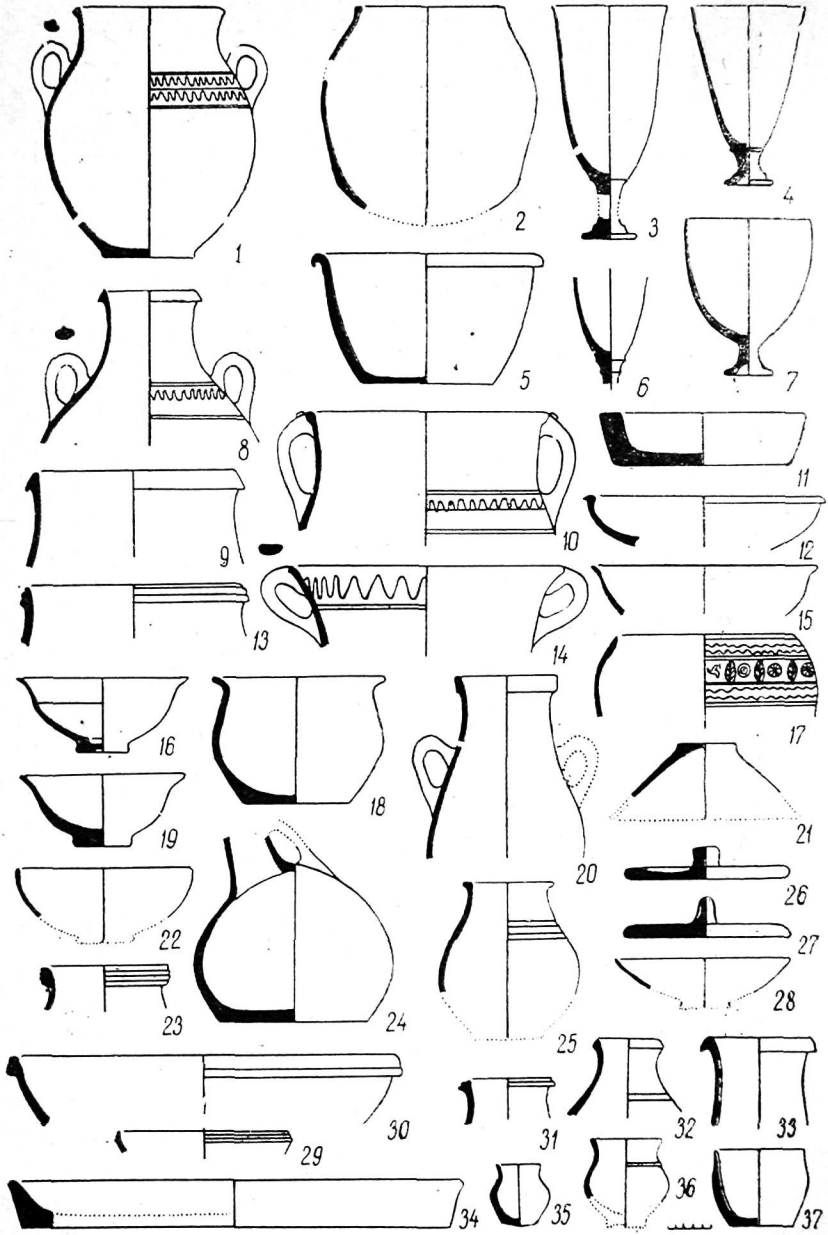

Табл. XXIV. Кушанский комплекс керамики.

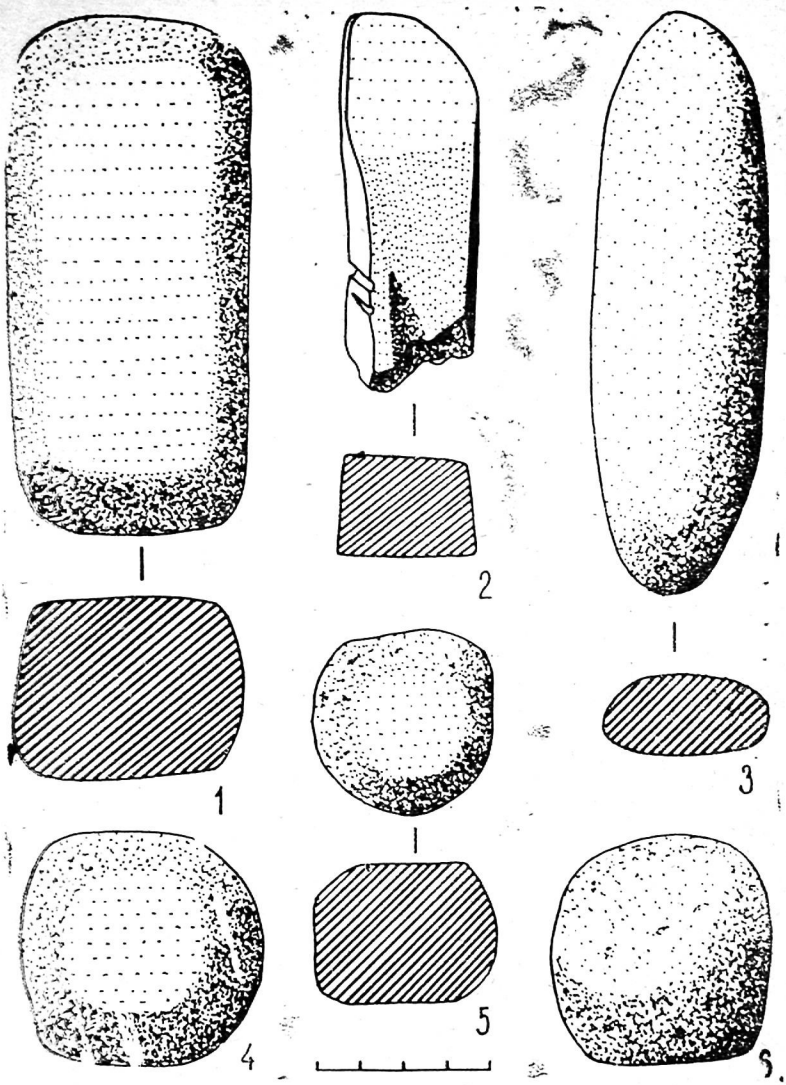

Табл. XXV. Терочники и точильные камни *(2—3)*.

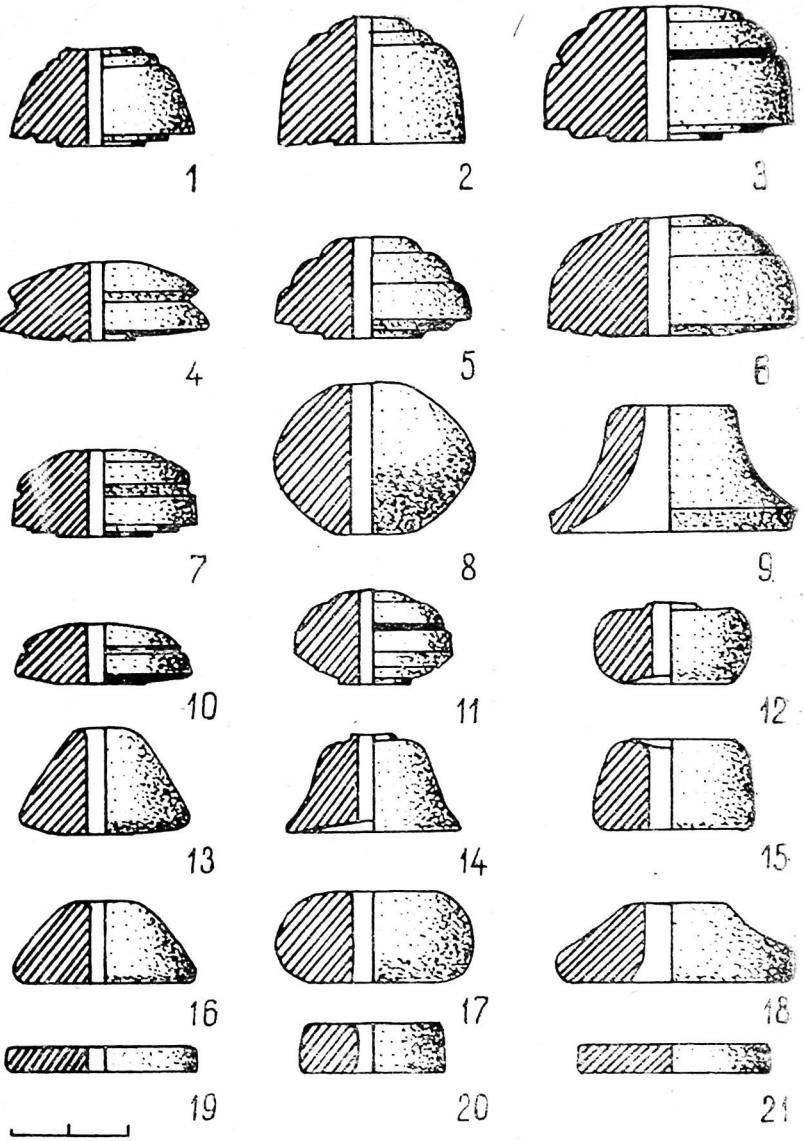

Табл. XXVI. Чопли-депе. Пряслица: *1—7, 10—11*—каменные; *8*—гипсовые; *12—17*—керамические лепные; *9, 18*—из ножек бокалов; *21*—заготовка для пряслица; *1—3, 6, 9, 11—12, 14, 16—17, 20*—из позднекушанских слоев; *4, 10, 15*—из слоёв великокушанского времени; *5, 7—8, 13, 18—19*—подъемные.

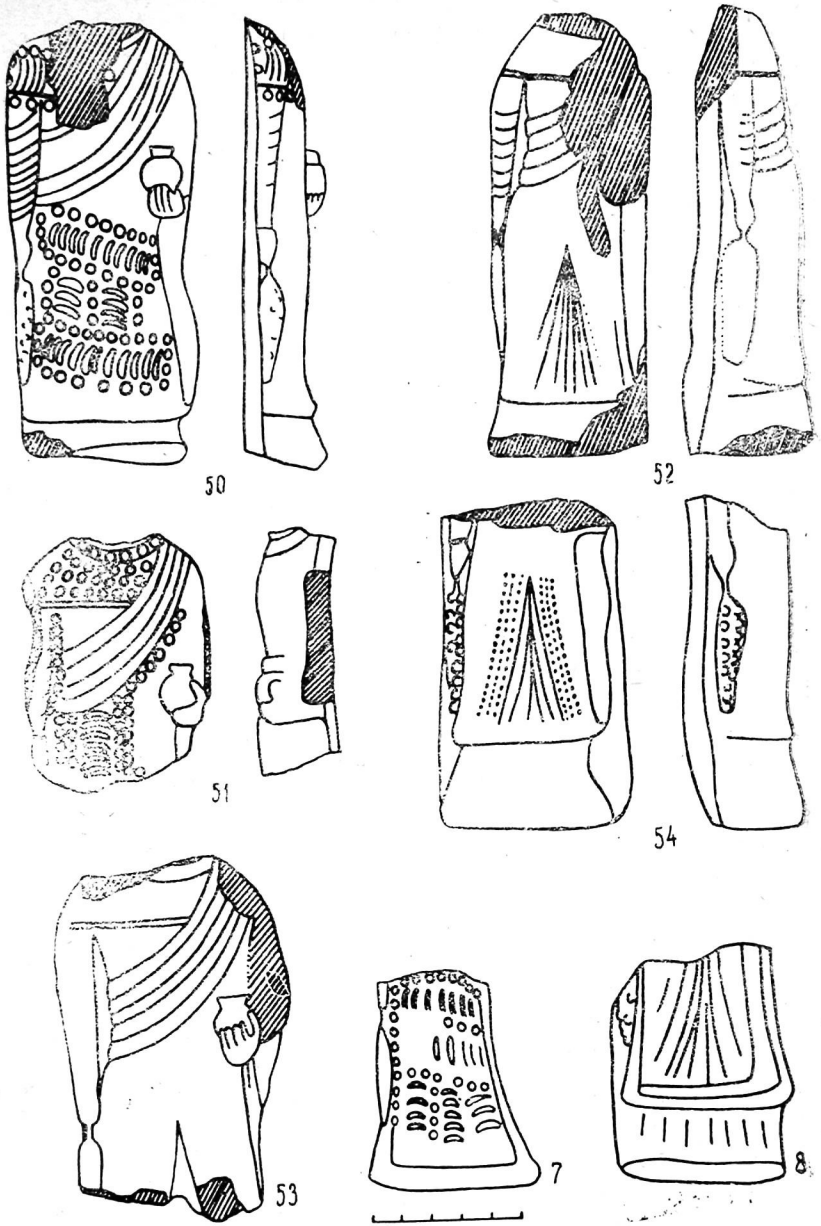

Табл. XXVII. Статуэтки «богини с виноградной гроздью».

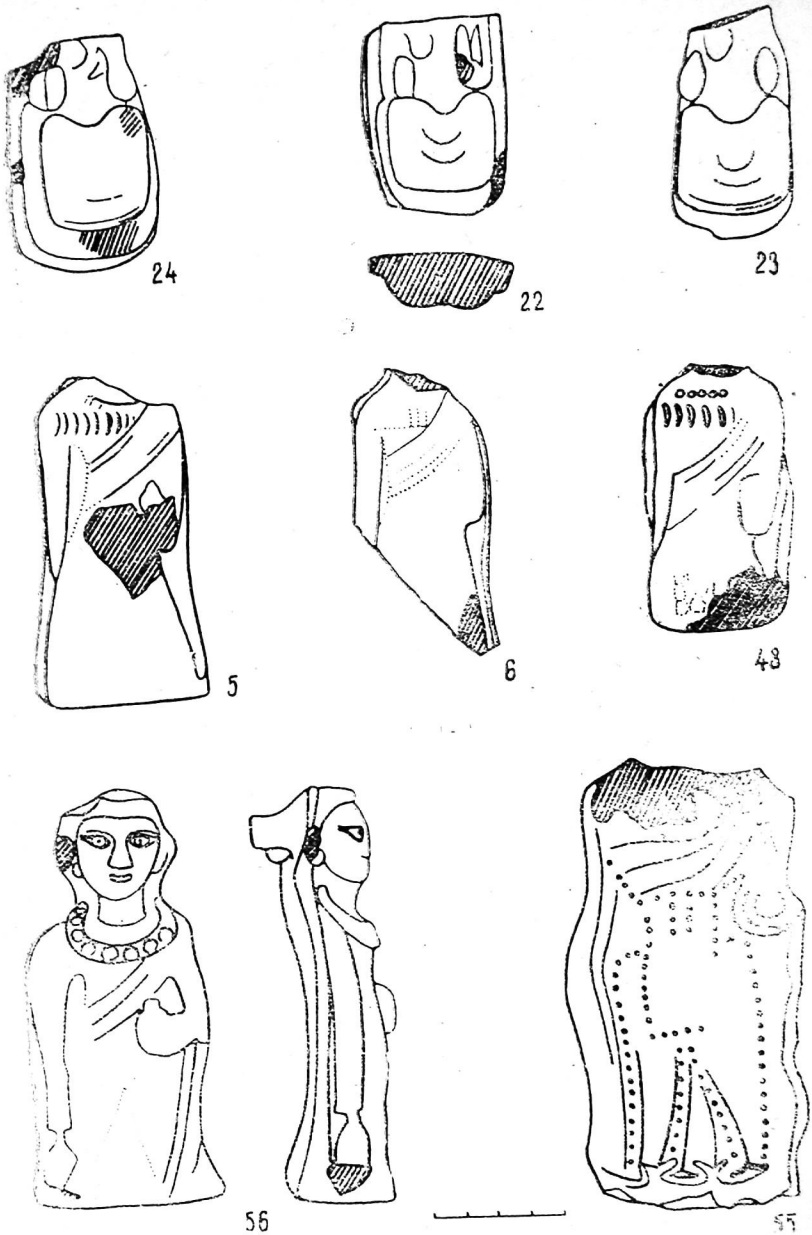

Табл. XXVIII. Статуэтки «богини с виноградной гроздью» и «сидящей богини».

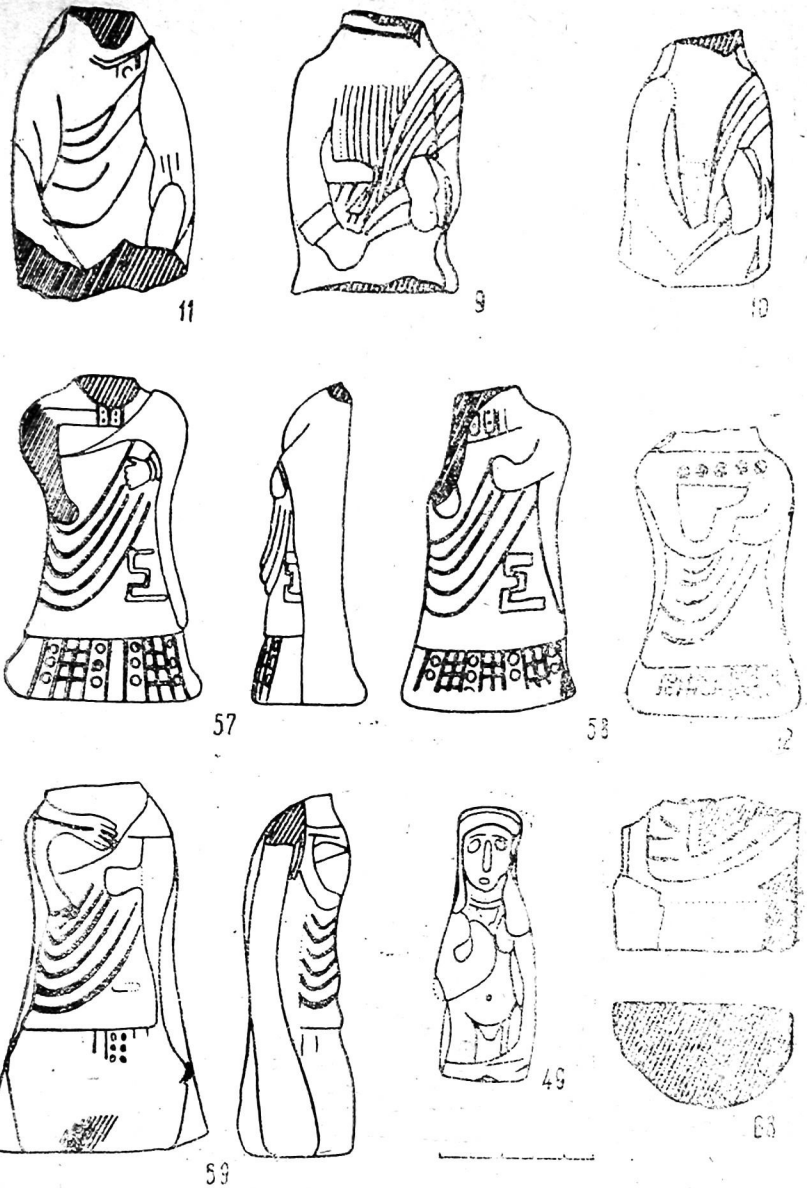

Табл. XXIX. Статуэтки «богини с бокалом», «обнаженной богини» и «богини без культовых атрибутов».

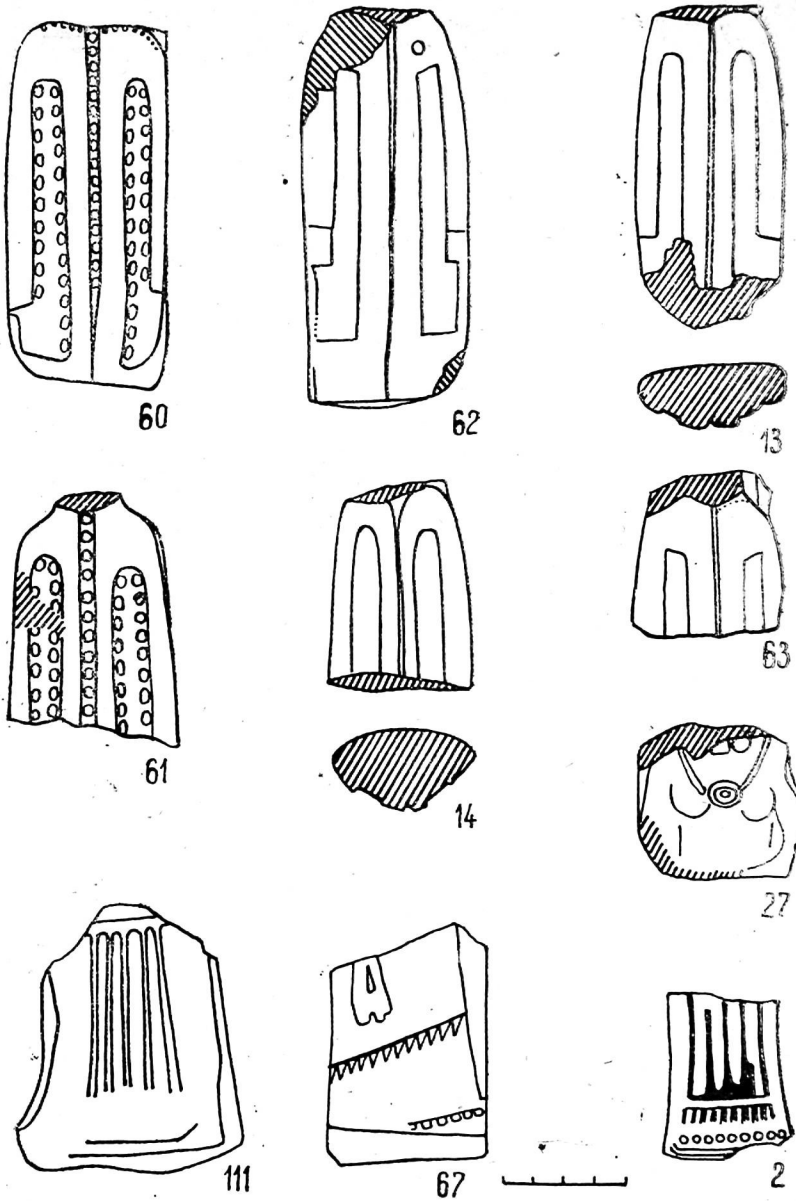

Табл. XXX. Статуэтки «богини в длинной накидке» и другие.

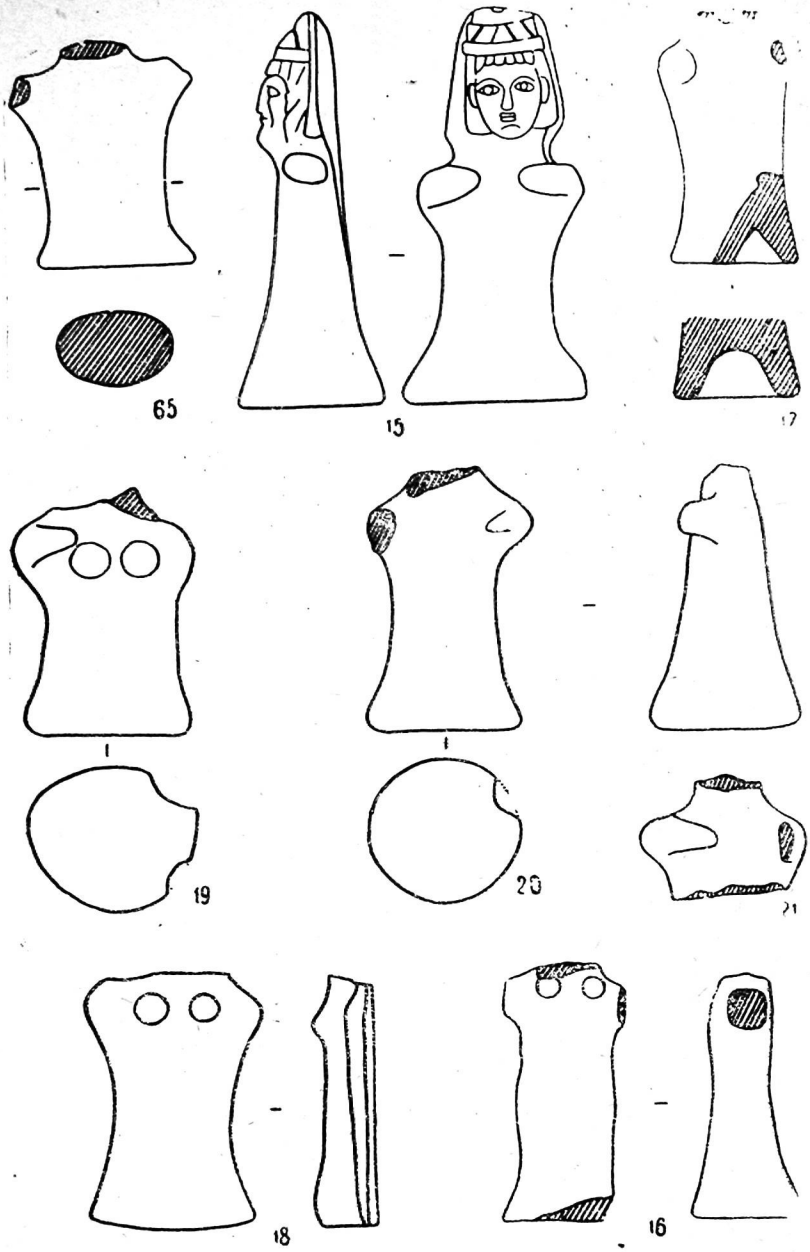

Табл. XXXI. Статуэтки «богини с лепным туловом».

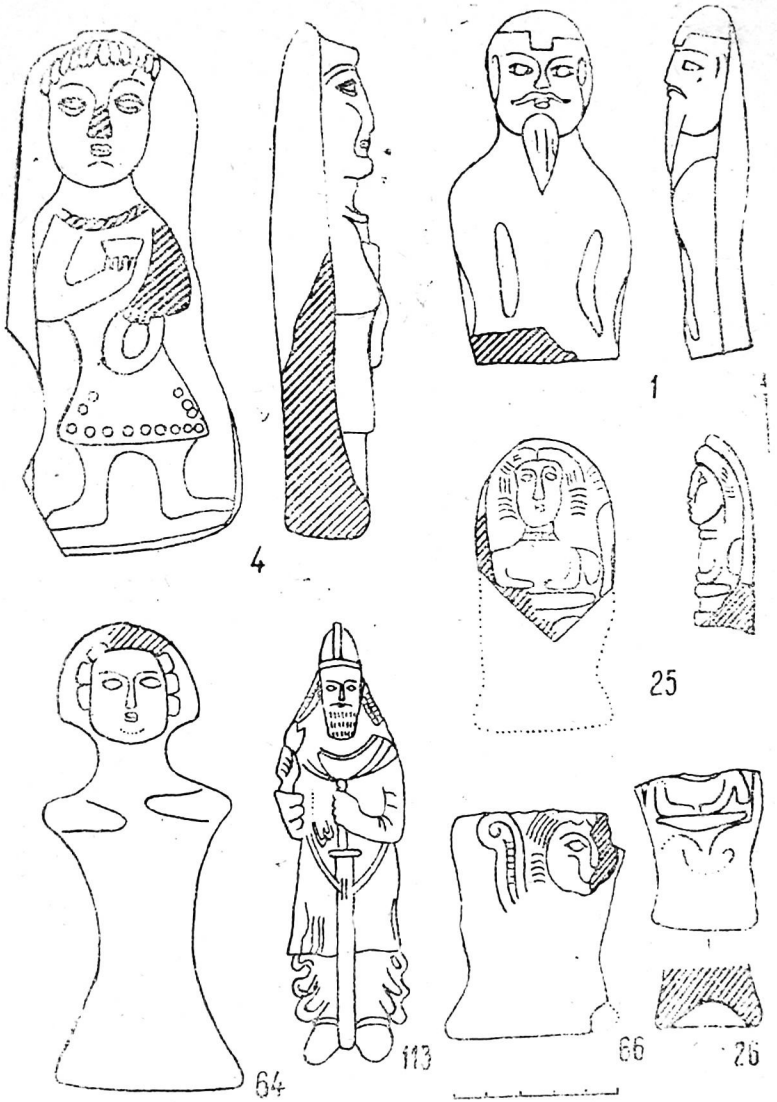

Табл. XXXII. Статуэтки различных типов.

Табл. XXXIII. Головки терракотовых статуэток.

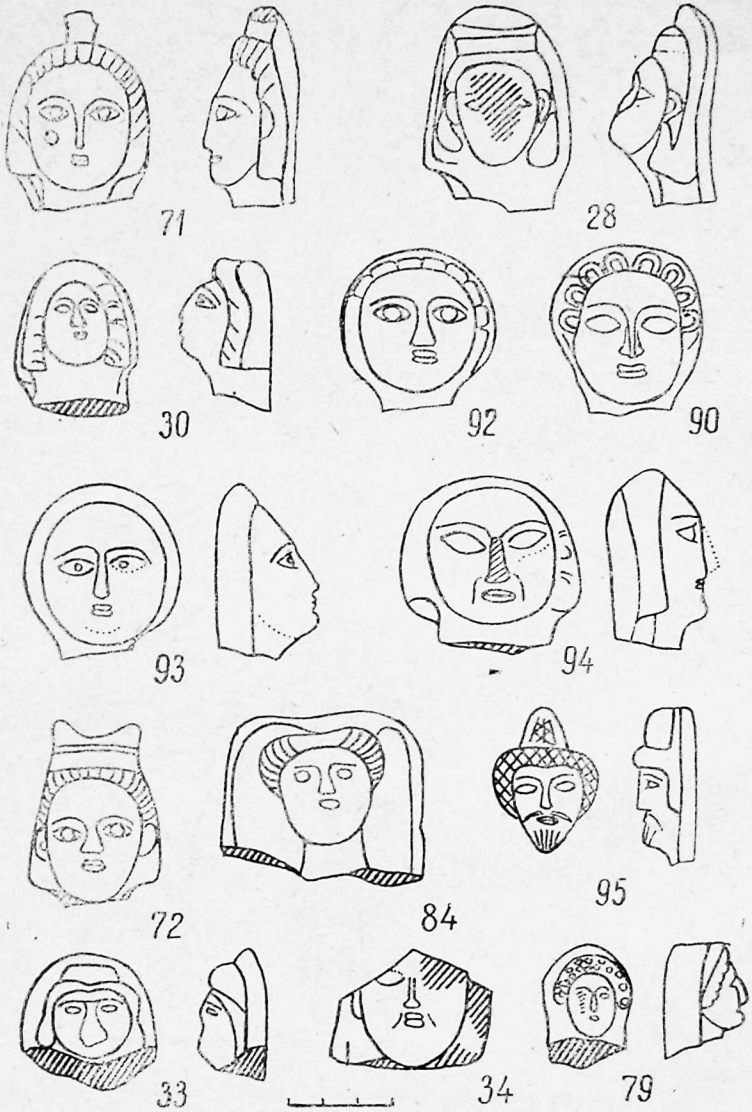

Табл. XXXIV. Головки терракотовых статуэток.

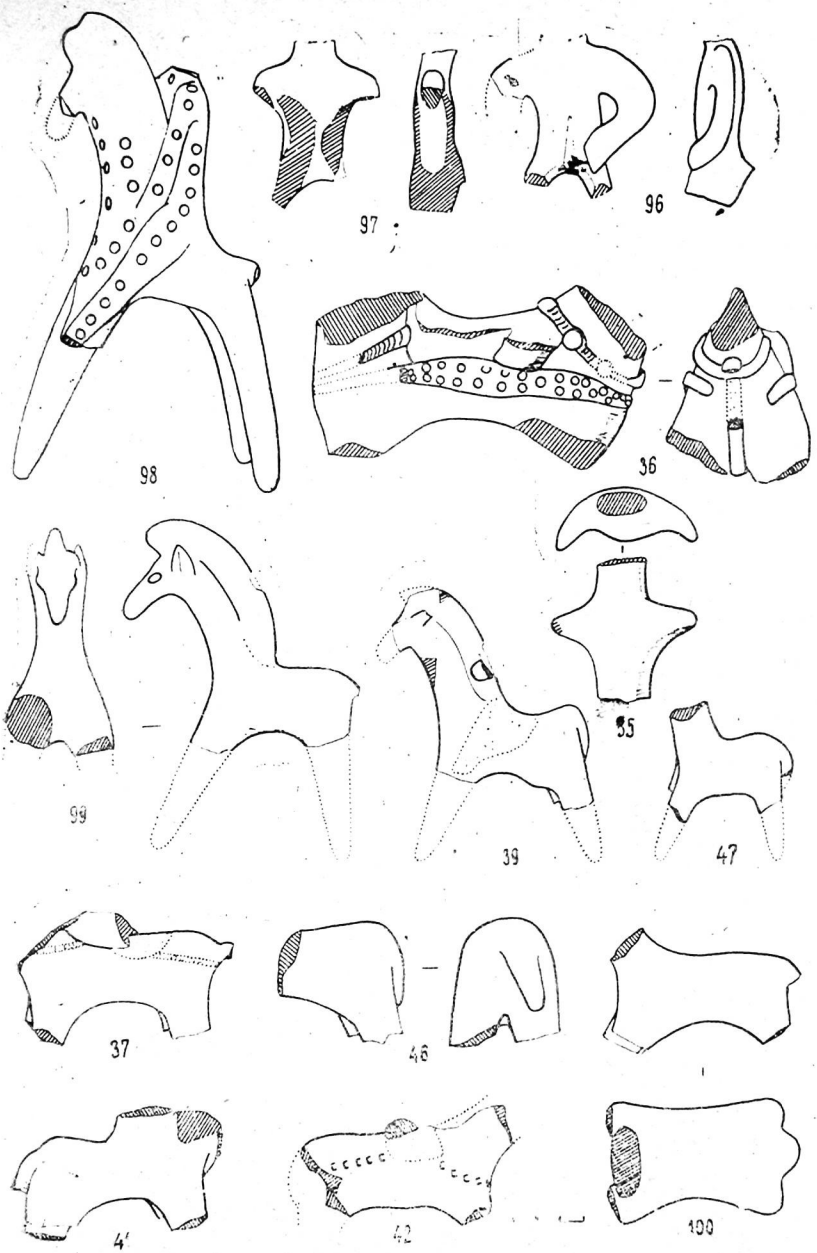

Табл. XXXV. Статуэтки всадников и животных.

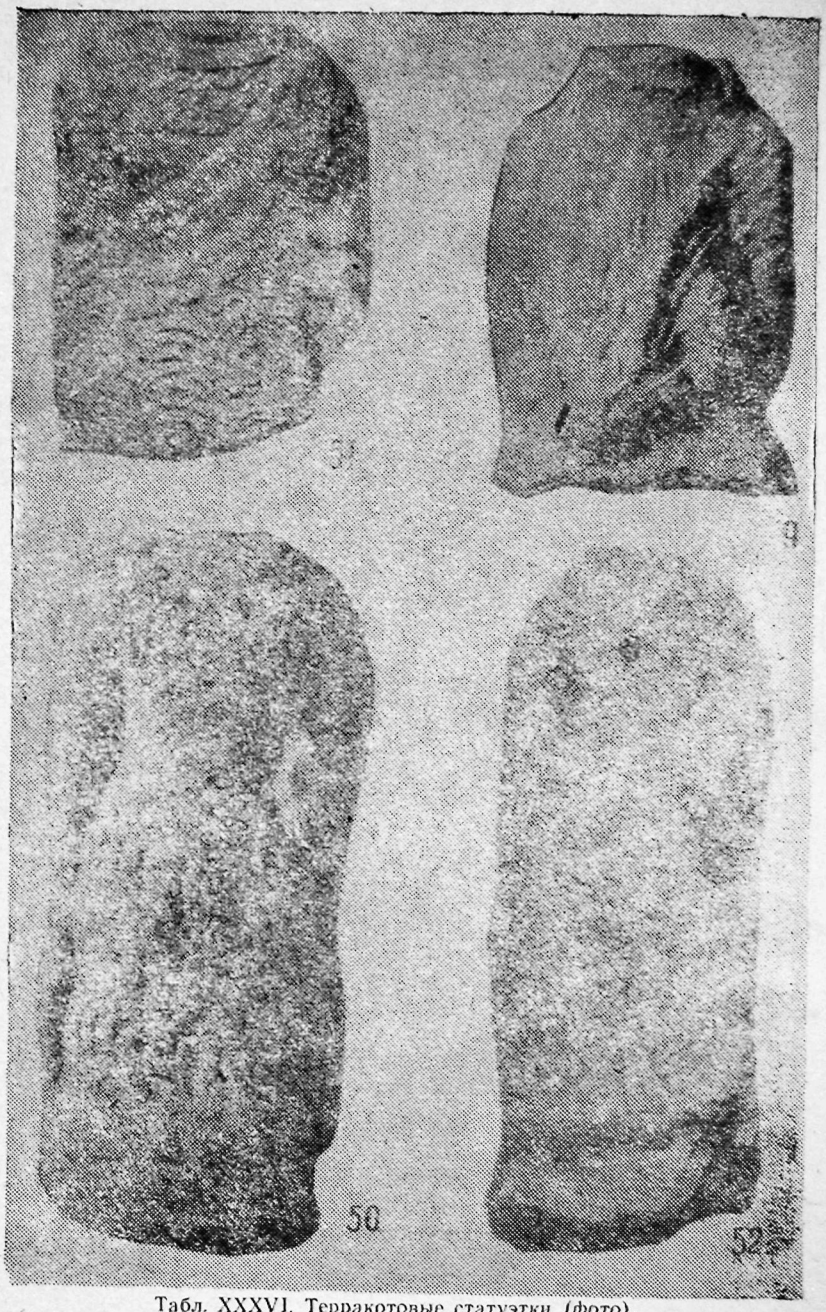

Табл. XXXVI. Терракотовые статуэтки (фото).

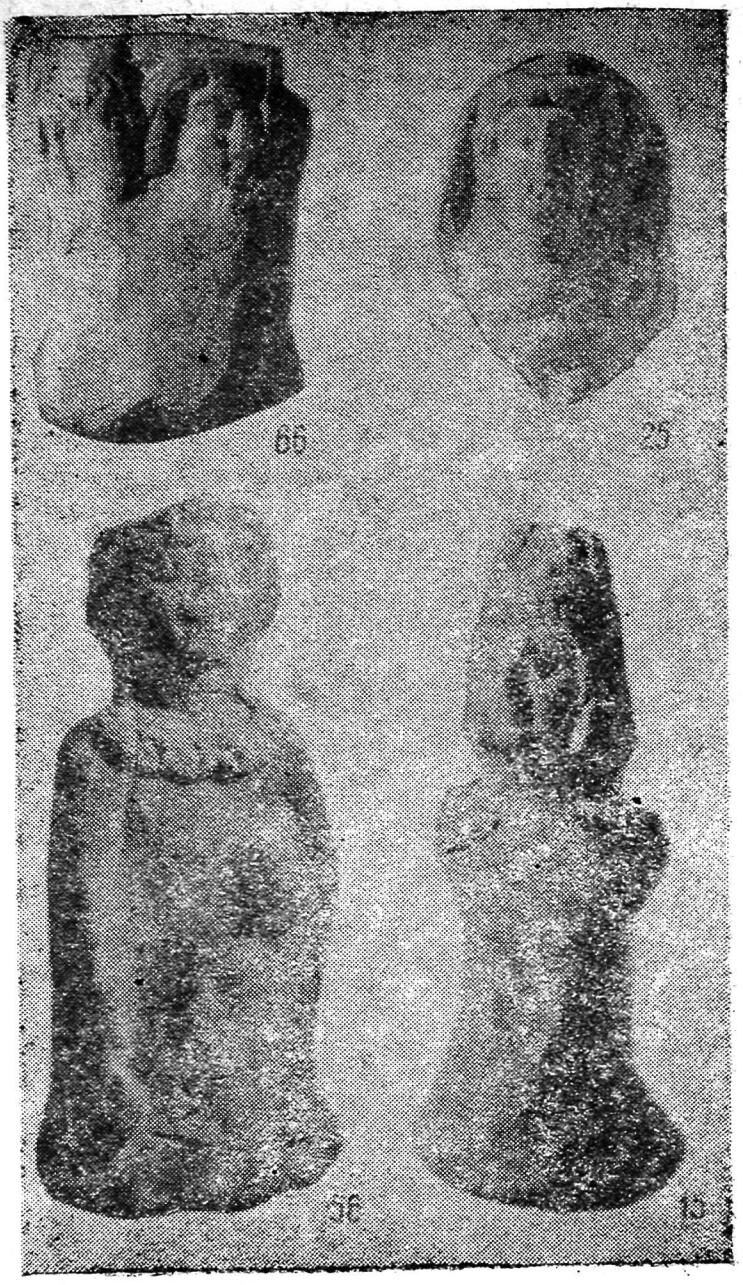

Табл. XXXVII. Терракотовые статуэтки (фото).

Табл. XXXVIII. Терракотовые статуэтки (фото).

Табл. XXXIX. Головки терракотовых статуэток (фото).

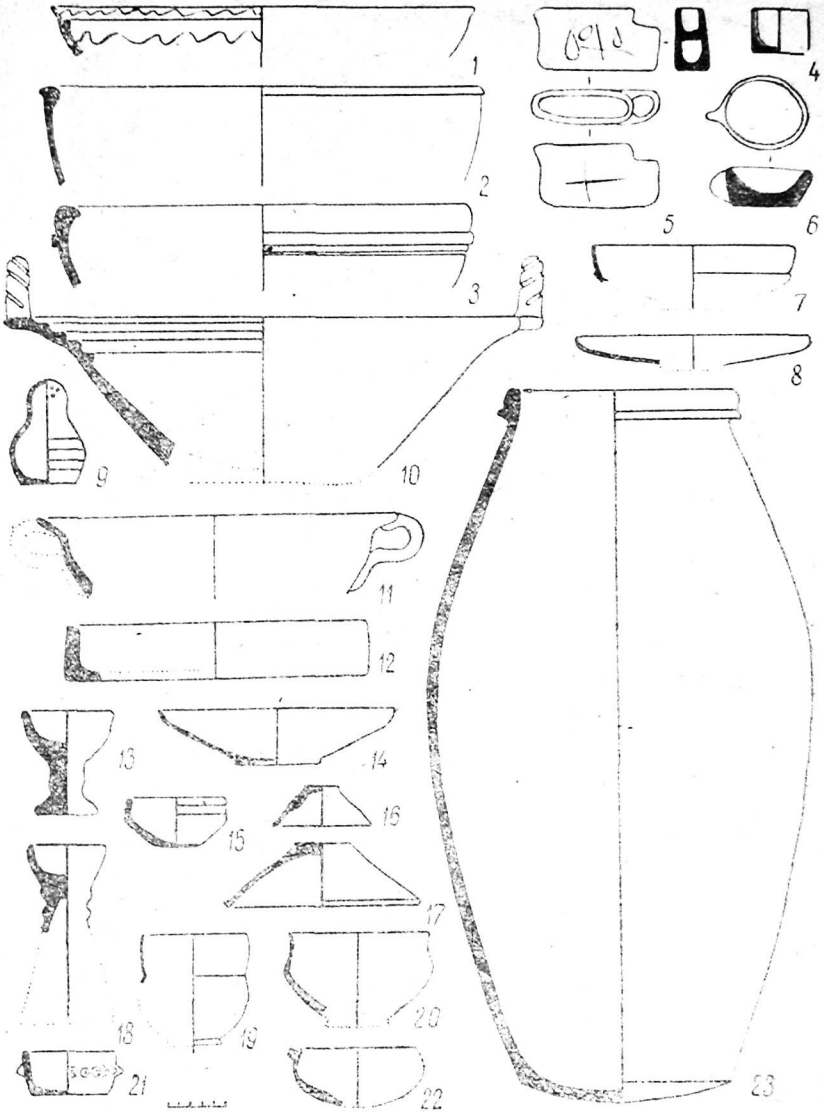

Табл. XL. Кушано-сасанидский комплекс керамики.

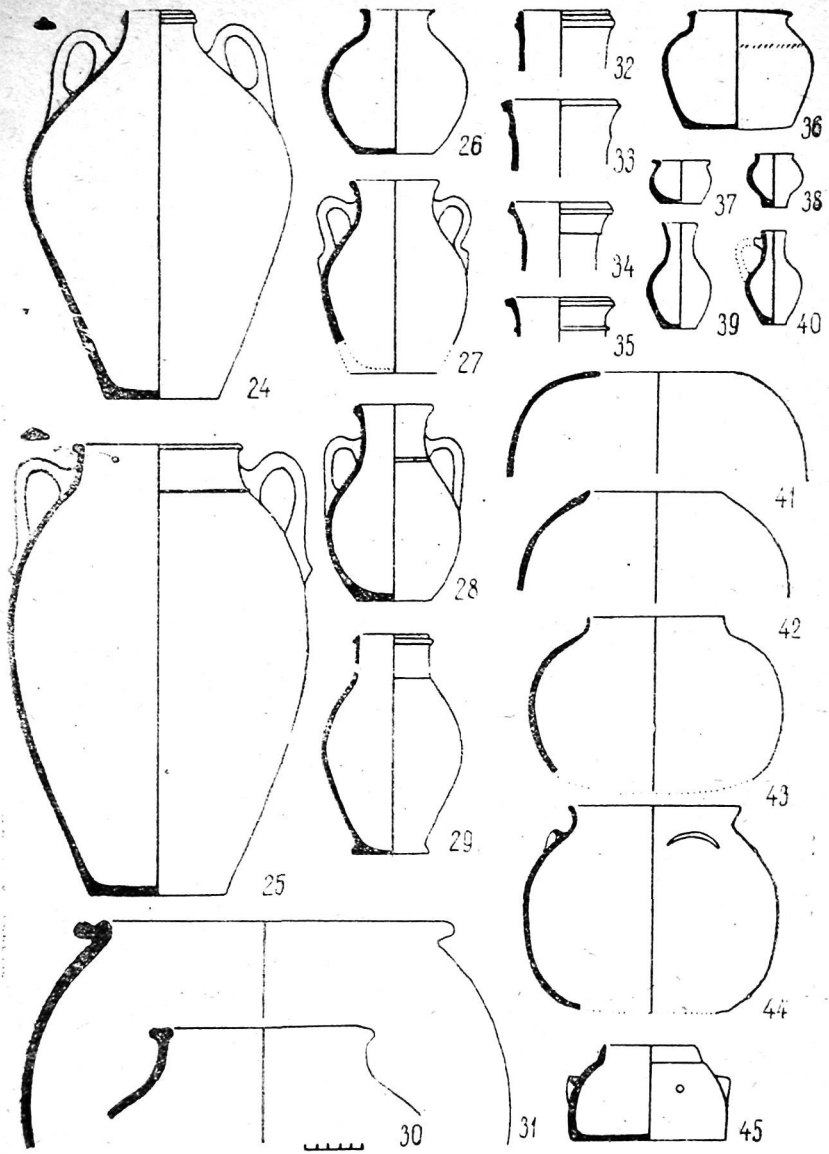

Табл. XL (окончание). Кушано-сасанидский комплекс керамики.

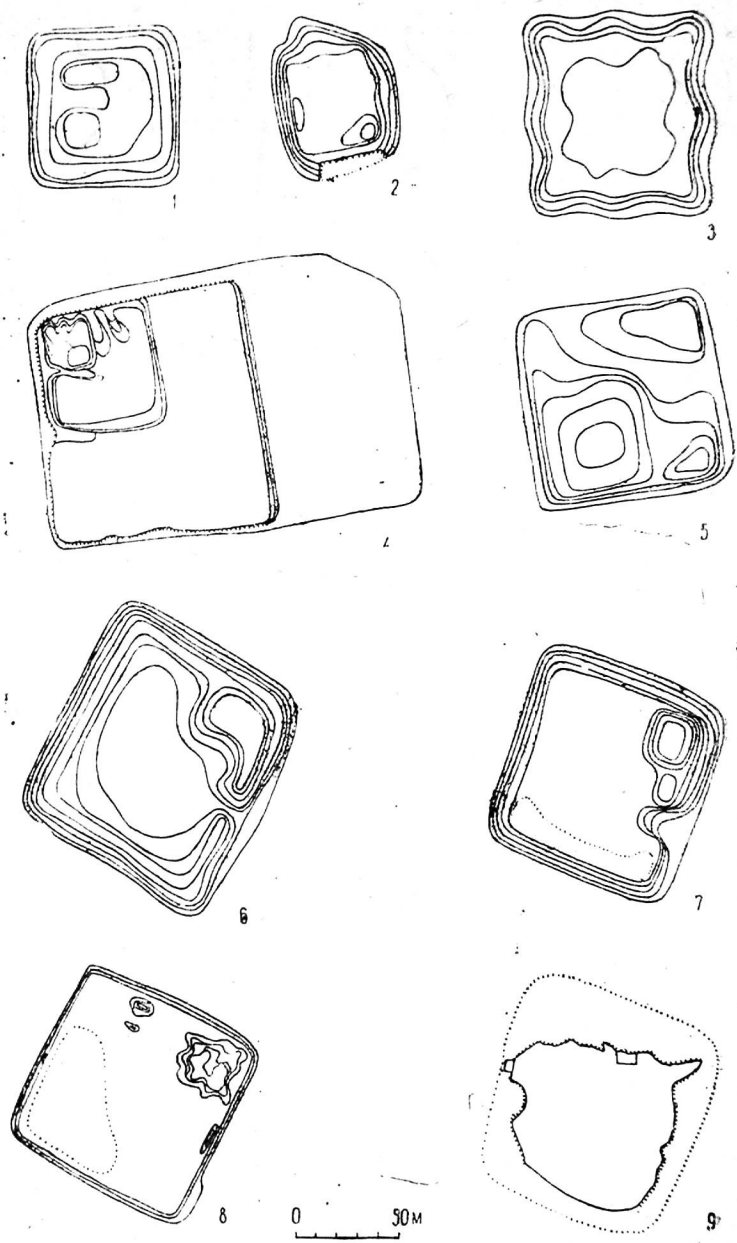

Табл. XLI. Планировка сельских поселений.

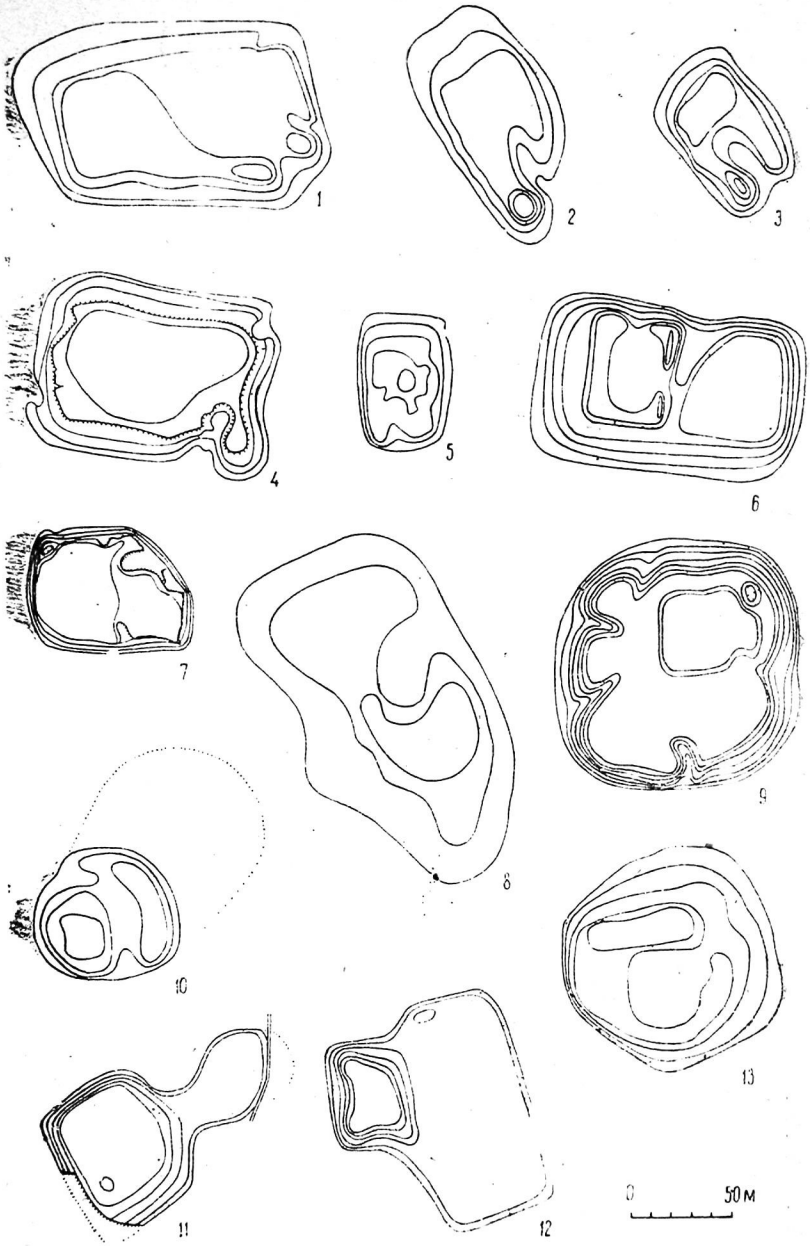

Табл. XLII. Планировка сельских поселений.

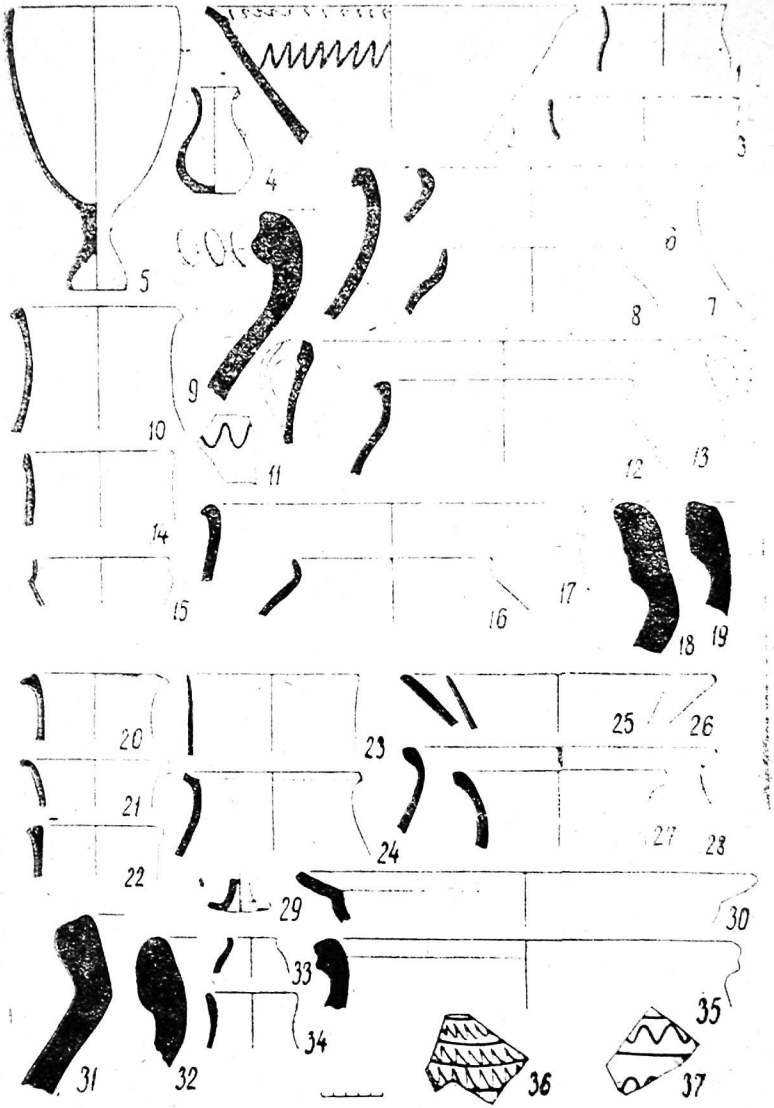

Табл. XLIII. Керамика Бешир-кала (*1—19*) и Эссен-Менгли-кала (*20—37*).

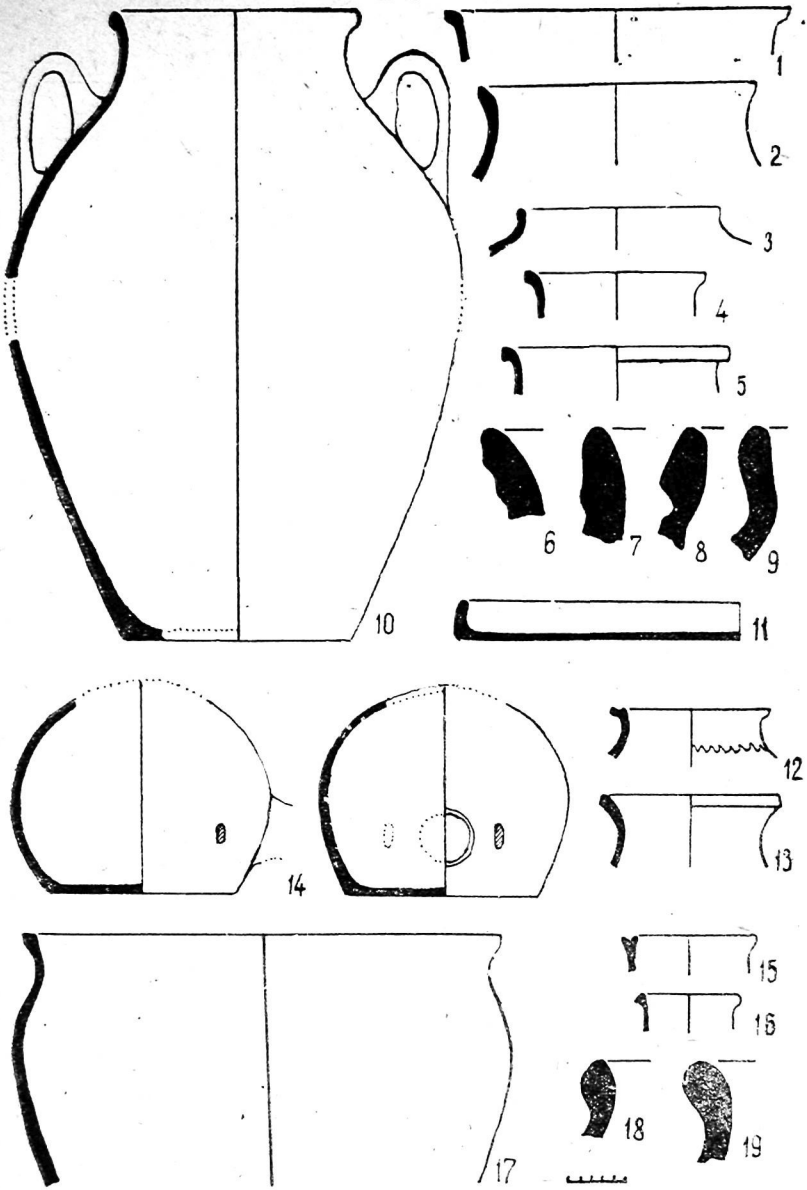

Табл. XLIV. Керамика Шор-депе (Кизил Байдак).

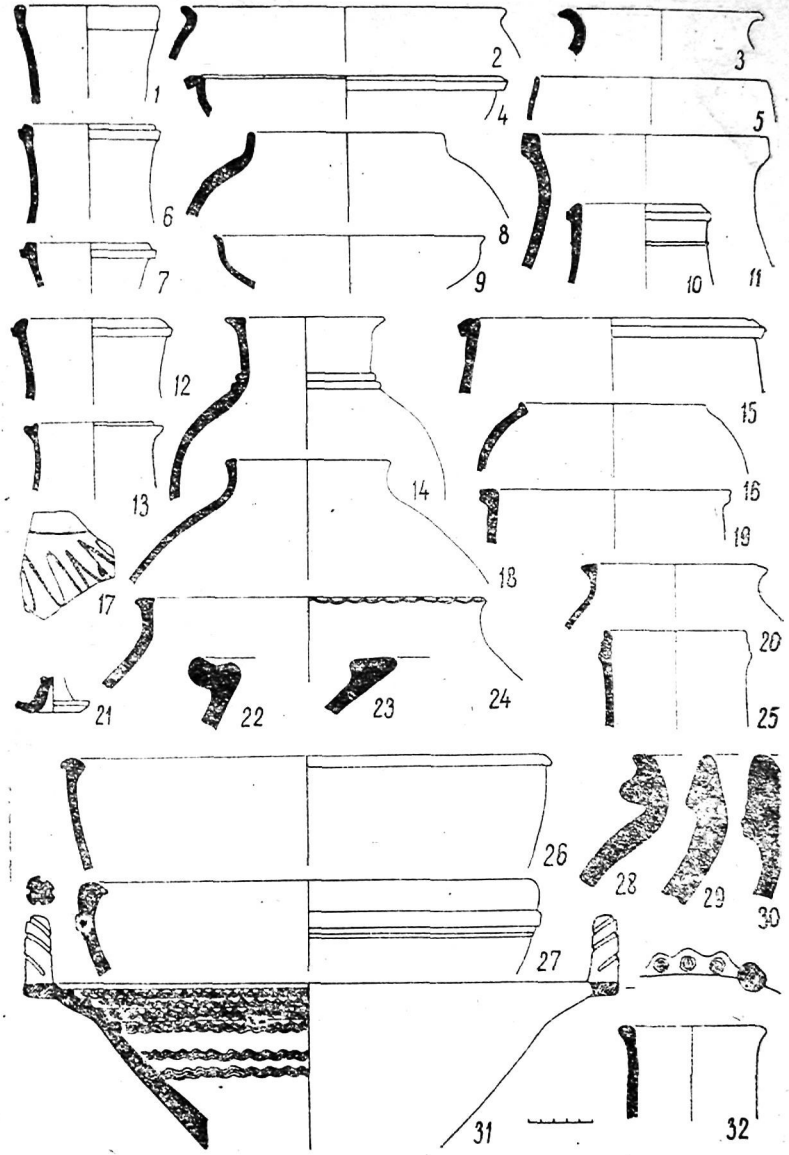

Табл. XLV. Керамика с «39 км» *(1—11)*, Дешикли-депе *(12—25)* и Мукры-кала *(26—32)*.

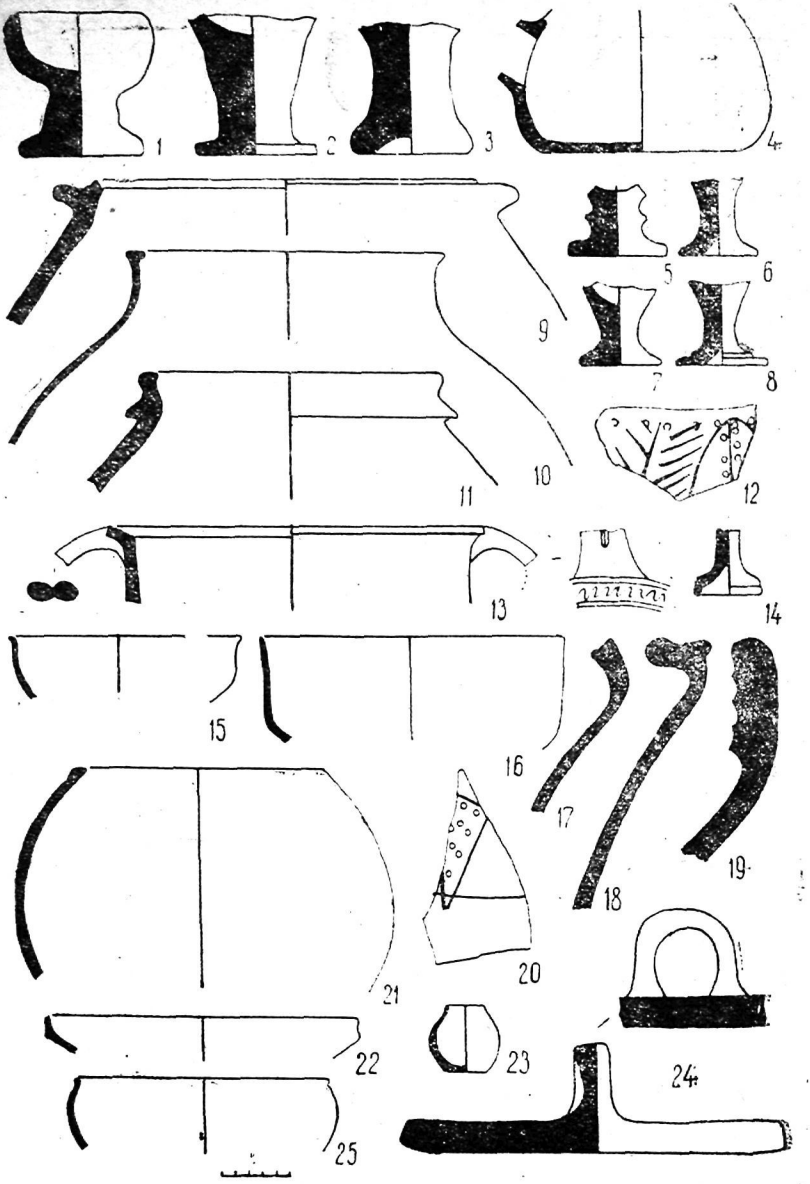

Табл. XLVI. Чопли-депе. Подъемная керамика.

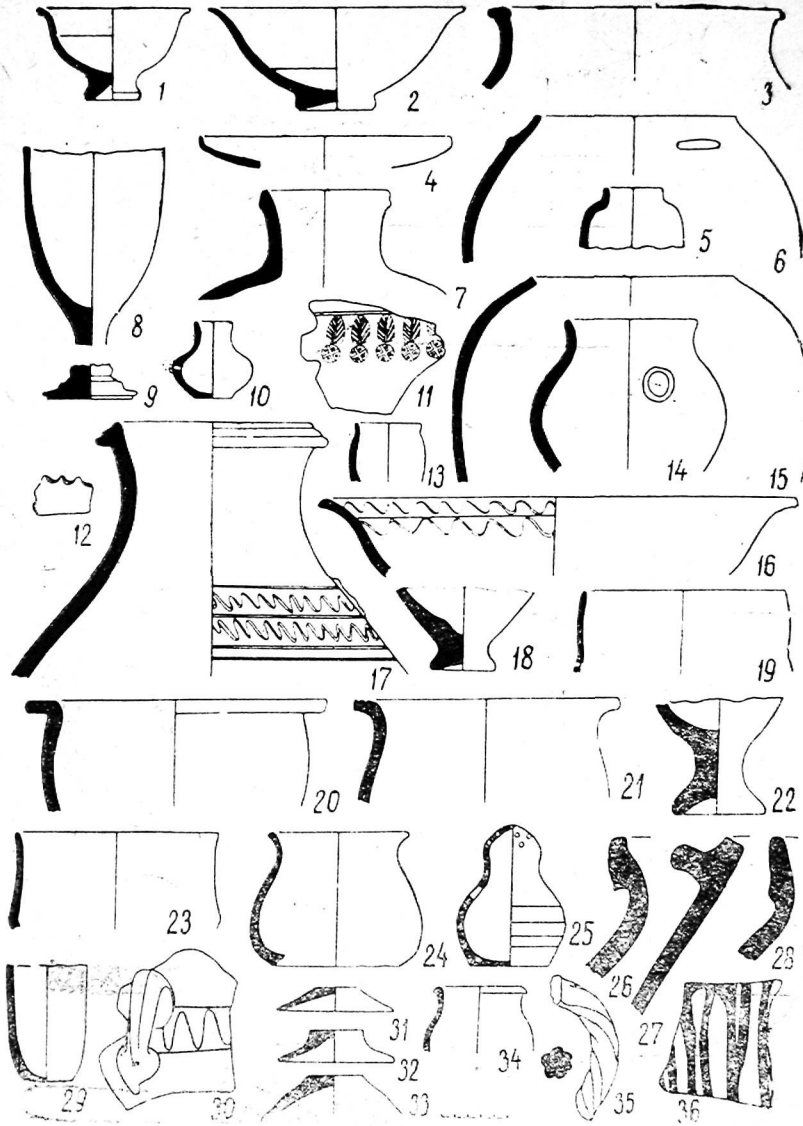

Табл. XLVII. Мирзабек-кала. Подъемная керамика.

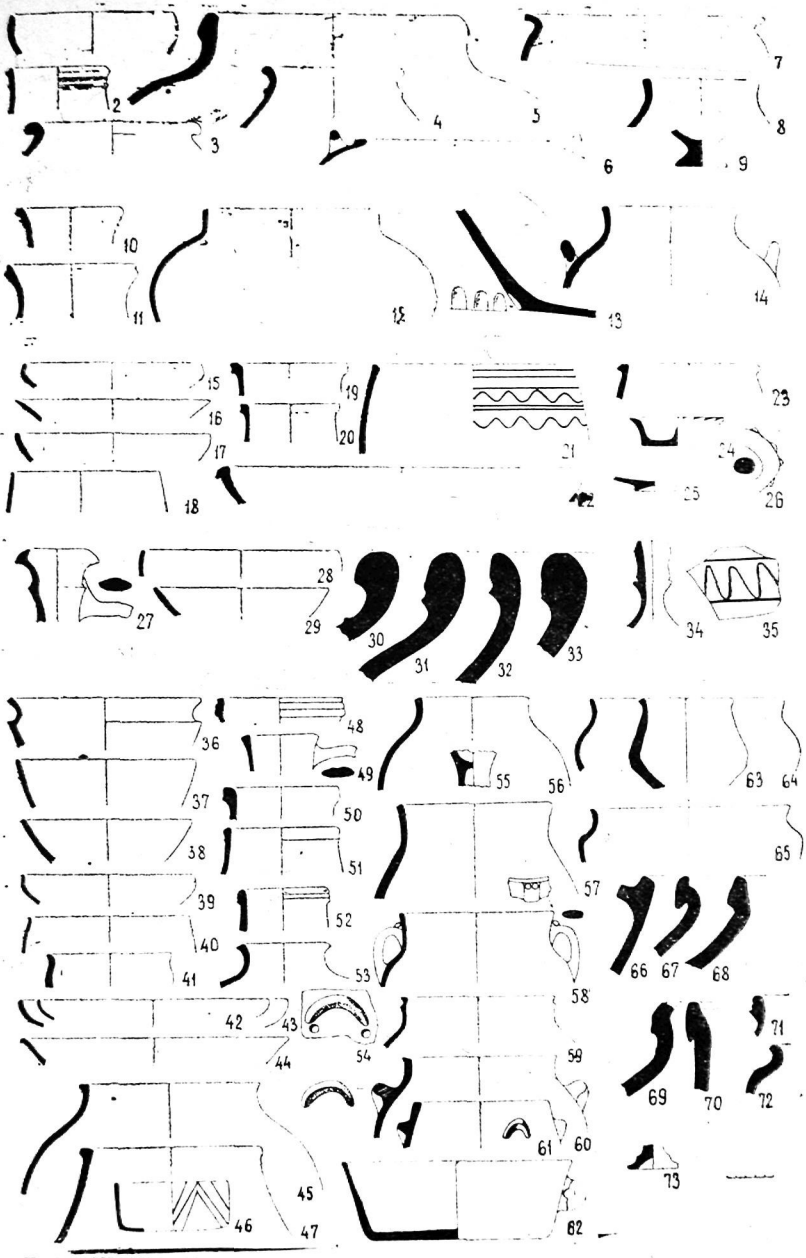

Табл. XLVIII. Керамика с поселений Мульзамата-депе (*1—5*). Мунчак-депе северный (*10—14*), Куль-депе (*15—26*), Келиф (*27—35*), Мунчак-депе южный (*36—73*).

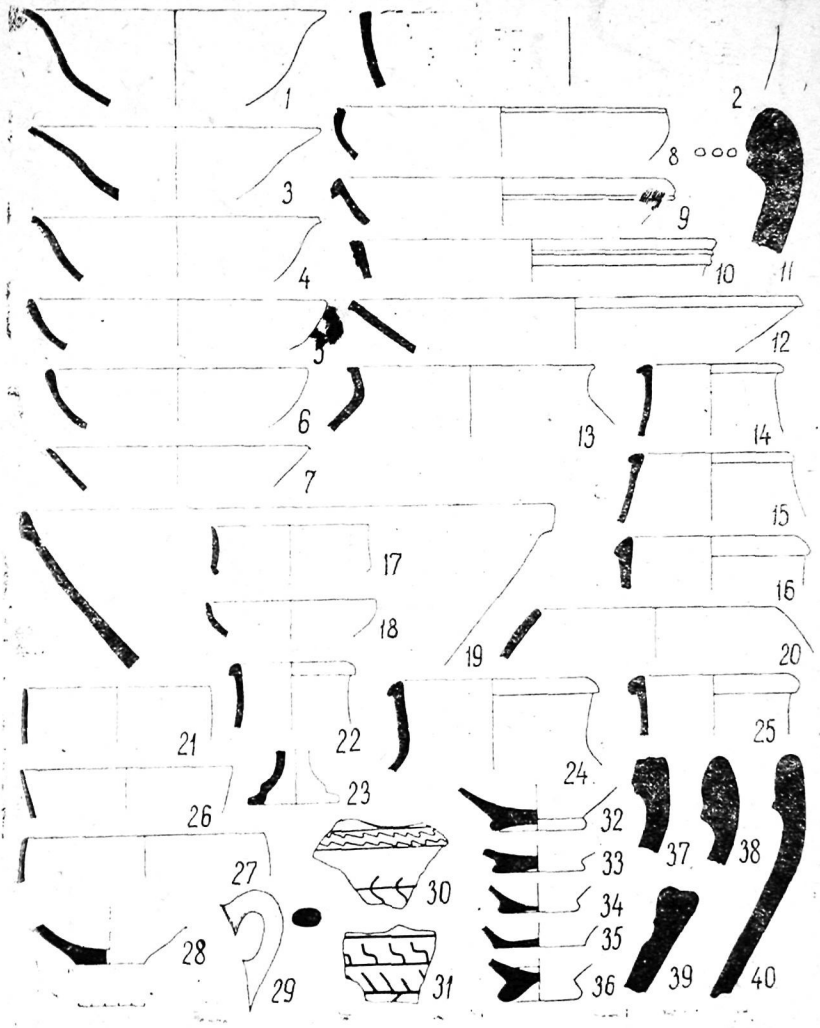

Табл. XLIX. Керамика с Тилля-депе.

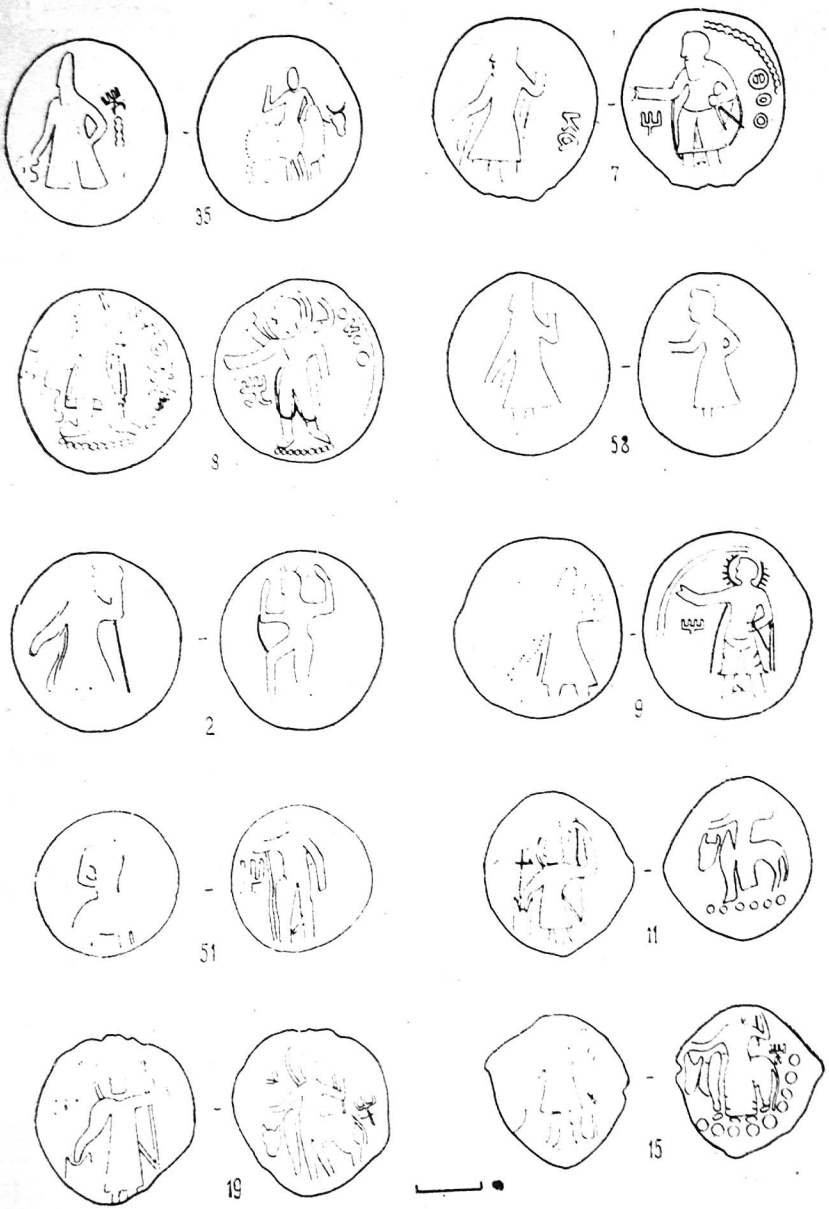

Табл. L. Прорисовки монет.

Табл. LI. Прорисовки монет.

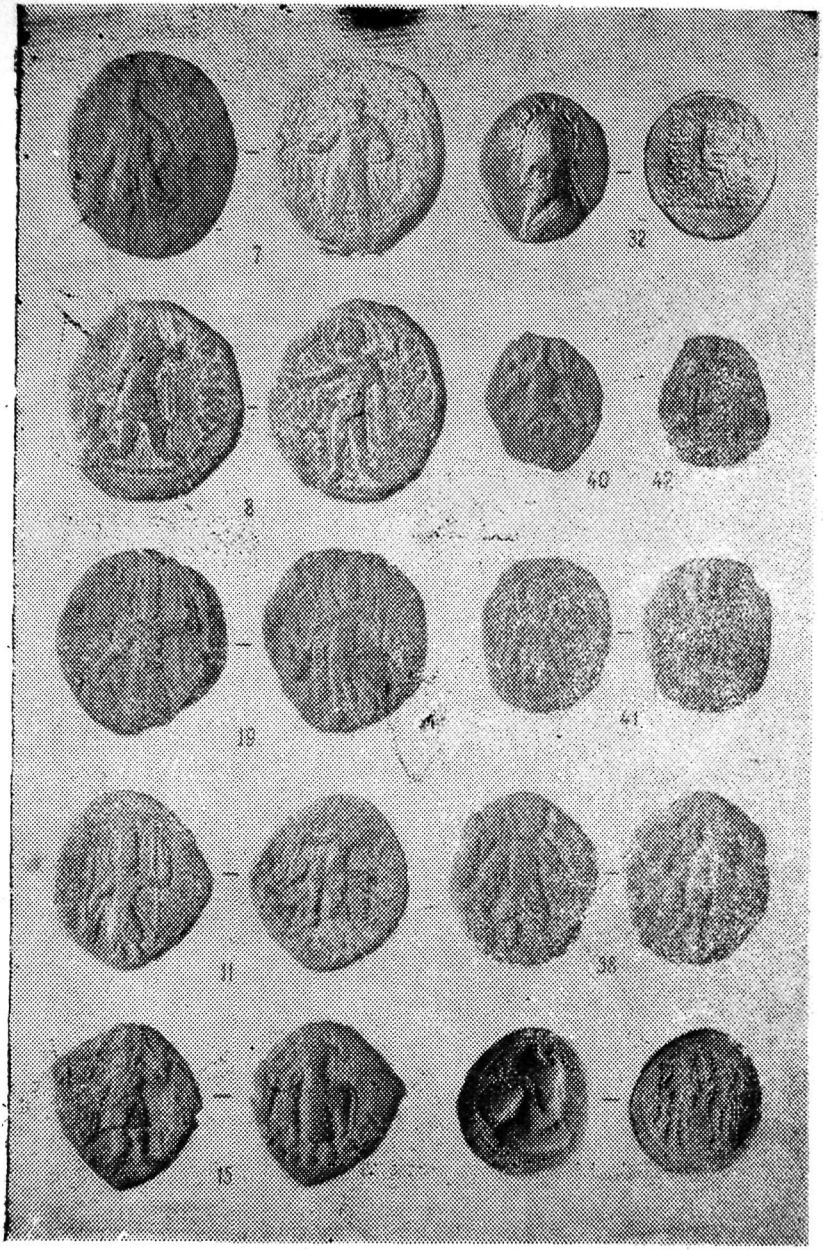

Табл. LII. Монеты (фото).

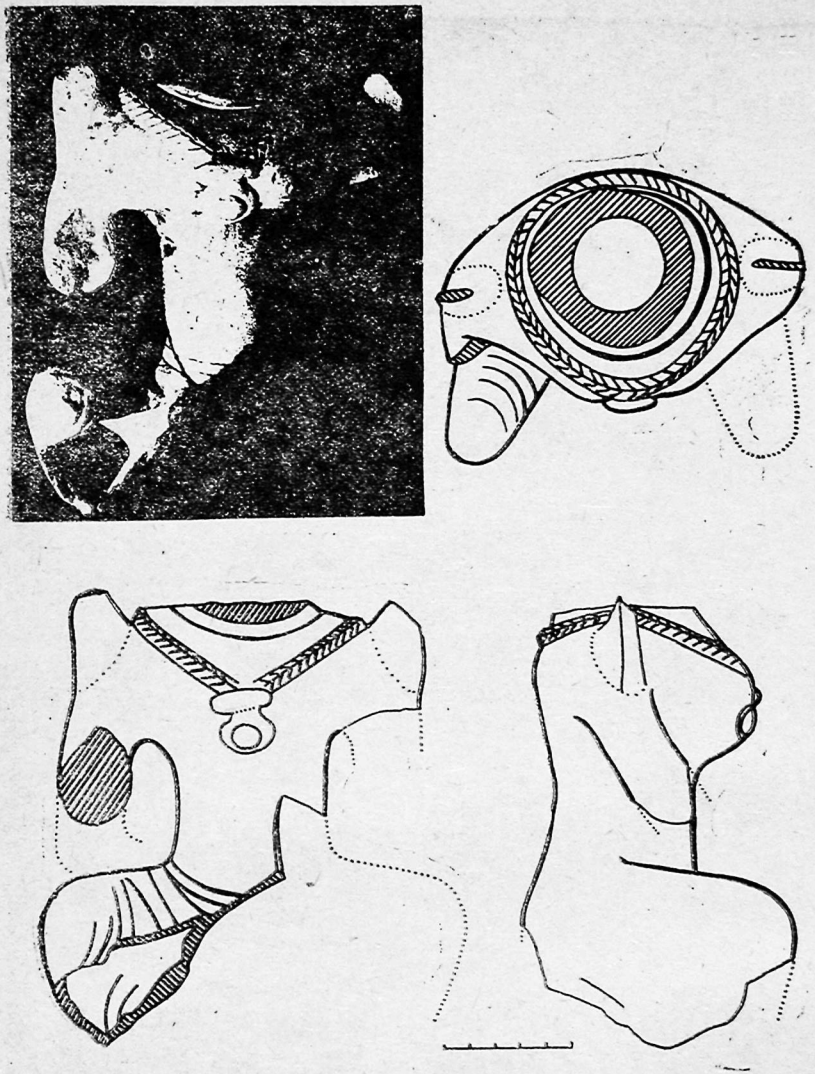

Табл. LIII. Терракотовая статуэтка с Кара-депе.

КАТАЛОГ ПОСЕЛЕНИЙ[1]

1. Бешир-кала. Расположена на окраине одноименного поселка (см. рис. 25). Городище, квадратное в плане, со стороной около 220—240 м. Ориентация осей по странам света. В центре — остатки небольшой сильно разрушенной цитадели, окруженной в древности рвом или незастроенным пространством. Цитадель была также квадратной в плане, со стороной около 30 м. Высота цитадели—8—10 м. Высота нуклеарной части поселения—3—7 м. Поверхность ее холмистая, сильно засоленная. Кроющий слой X—XII вв., но основные культурные наслоения городища относятся к античному периоду. По подъемному материалу устанавливается функционирование городища в кушанский и кушано-сасанидский периоды. Есть также основания предполагать наличие слоев юэджийского периода. Здесь найден венчик хума с вмятинами, напоминающий хумы из слоя Мирзабек 3, а также небольшой целый бокал на высокой неустойчивой ножке (табл. XLIII, *9, 5*). В 1972 г. при земляных работах найдена терракотовая статуэтка, изображающая мужчину (см. каталог терракот № 1).

Памятник обследовали А. А. Марущенко (1945 г.), А. А. Росляков (1949 г.), В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.).

2. Шор-депе (Кизил-Байдак). Расположен в 4 км восточнее-юго-восточнее селения Бешир на участке Кизил-Байдак колхоза «Правда» Ходжамбасского района. В плане холм прямоугольный (74×71 м), ориентированный осями по странам света. Высота—4—5 м. По краям холма четко прослеживаются валы былых стен, в центре — плавное понижение (табл. XLI, *1*). Поверхность сильно засолена. Подъемный материал беден. Керамика, полученная из контрольного шурфа (1975 г.), точно не датирована. Ряд форм обнаруживает некоторое сходство с материалами кушанских и кушано-сасанидских комплексов (табл. XLIV).

Памятник обследовали В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.), В. Н. Пилипко (1975 г.).

3. Гёк-депе. Расположен в 1,5 км северо-восточнее 118 км шоссе Чарджоу—Керки. В плане холм имеет очертания прямоугольника (130×75 м), вытянутого в широтном направлении (табл. XLII, *6*). Западная половина холма более высокая (10 м), она занята позднесредневековым четырехугольным укреплением. Высота восточной половины—около 8 м. Между ними ложбина с наклоном в северном направлении. Это, возможно, остатки въезда. Кроющий слой основной части поселения предположительно раннесредневековый. Помимо позднесредневековой и раннесредне-

[1] Распределение поселений по типам см. в табл. 3.

Таблица 3

Распределение поселений по типам

Тип поселения	Индекс типа	Номера поселений по каталогу	Количество поселений
Мелкие сельские поселения (S—до 0,5 га)	А—1	5,14,16,27,28,29, 31,34	8
Средние сельские поселения с цитаделью (S—0,5—1,4 га)	А—2а	6,8,9,15,17,21, 23,32(?)	8
Средние сельские поселения без «цитадели»	А—2б	2,3,18,19,22,26,30	7
Крупные сельские поселения без цитадели (S—1,4—2,6 га)	А—3б	33	1
Мелкие городки (S—2,6—5 га)	Б—1б	4	1
Городки (S—5—15 га)	Б—2	1,25	2
Укрепления	В	7,10,13	3
Неопределенные		11,12,20,24,35	5

Примечание: S—площадь поселения.

вековой керамики здесь найдены фрагменты, обнаруживающие близость с материалами кушанского времени. Функционирование поселения в кушано-сасанидский период подтверждается находкой сасанидо-кушанской монеты—Варахрам в короне *f*.

Памятник обследовали А. Ф. Ганялин (1949 г.), В. Н. Пилипко (1967 г.).

4. Эссен-Менгли-кала. Находится в 1 км севернее 157 км шоссе Чарджоу—Керки, на территории колхоза им. Жданова Халачского района. Городище в плане имеет форму неправильного овала, вытянутого по оси запад—юго-запад—восток—северо-восток. Размеры, примерно, 260×180 м. Высота—14 м. По верхнему краю склонов, повторяя форму холма, располагаются валы древних стен и примыкающих к ним строений. От края к центру высота этих увалов значительно понижается; в центре расположена обширная плоская площадка. В северо-восточной части городища возвышенный участок образует подобие цитадели. Въезд находился с восточной стороны. Поселения с подобной планировкой обычно имеют в своей основе слои середины I тысячелетия до н. э. Однако среди подъемного керамического материала наиболее ранние находки относятся к кушанскому периоду (табл. XLIII, *20—37*). Кроющий слой городища связан с периодом раннего средневековья. К югу от городища в выбросах земли из канала обнаружена поливная керамика X—начала XIII в.

Памятник обследовали А. А. Росляков (1949 г.) и В. Н. Пилипко (1967 г.).

5. Ак-тери-кала. Памятник расположен в 1 км северо-восточнее селения Халач. Остатки древнего поселения сильно обезображены выборками земли и поздней застройкой. Первоначально холм, вероятно, имел форму прямоугольника (80×55 м), вытянутого в широтном направлении. Верхняя площадка относительно ровная (высота—7,6 м), за исключением северо-западного угла, где имеется глубокая яма. В рытвинах на северном склоне отмечена кладка из сырца 39×32×10; 40×32×10 см. Наличие на памятнике слоев кушанского времени подтверждается находкой бронзовой монеты Канишки.

Памятник обследовали А. А. Росляков (1949 г.) и В. Н. Пилипко (1967 г.).

6. Шор-депе III. Находится в 8 км восточнее поселка Ходжамбас. Холм в плане прямоугольный (110×105 м). Одна из диагоналей ориентирована по линии север—юг с некоторым отклонением северного угла к западу. Высота холма—4—5 м. По краю хорошо прослеживаются остатки оплывших стен. В середине холма понижение. Въезд находился в середине юго-восточного фаса. Восточный угол занимает некогда прямоугольная в плане цитадель (40×30 м). Высота ее — до 7 м (табл. XLI, *6*). Поверхность холма сильно засолена. Шурф, заложенный вблизи западного угла, позволил выявить, что поселение обживалось в кушанский и кушано-сасанидский периоды. В 250 м к северо-востоку от Шор-депе находится небольшой неправильных очертаний холм высотой 1,5 м.

Памятник обследовали А. Ляпин, В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.).

7. Шор-депе II. Находится на территории колхоза «40 лет ТССР» Ходжамбасского района в 9 км от районного центра Ходжамбас. Это квадратный в плане холм (75×75 м), ориентированный осями по странам света. По краю холма проходят валы оплывших стен, достигающие высоты 4 м, в центре—обширное понижение. В оплывах стен четко прослеживаются остатки 8 башен — по 3 с каждого фаса (табл. XLI, *3*). Поверхность холма сильно засолена. Подъемный материал представлен небольшим количеством обломков неполивных сосудов, предположительно кушанского времени.

Памятник обследовали А. Ляпин, В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.).

8. Омар-кала. Расположена в 14 км от г. Керки на окраине селения Астана-Баба. Очертания холма в плане близки к квадрату со стороной около 110 м. Ориентация сторон по странам света. Поверхность холма сильно повреждена крупными выборками земли. Высота нуклеарной части поселения—2—3 м. На южном ее фасе частично обнажена мощная пахсовая стена. В северо-западном углу расположена подквадратная в плане цитадель со стороной около 55 м. В северо-западном углу цитадели выделяется еще одно прямоугольных очертаний возвышение, имеющее в основе мощную платформу из сырцового кирпича размерами 37—38×37—38×10—12 см. Высота цитадели—8,5 м. Она сильно повреждена промоинами, склоны ее обрывисты (табл. XLI, *4*). На основании керамики с поверхности холма и из зачисток (см. табл. XXI, *29—42*) памятник датирован кушанским и кушано-сасанидским временем. Кроющий слой, вероятно, раннесредневековый. На поселении найдена целая терракотовая статуэтка (см. каталог терракот № 4).

Памятник обследован В. Н. Пилипко (1967 г.).

9. Сакар-кала. Расположена в 9 км от г. Керки, в 2,5 км юго-восточнее селения Астана-Баба. Очертания холма в плане близки к квадрату со стороной около 100 м. Ориентация одной из диагоналей север—северо-запад—юг—юго-восток. Поверхность холма относительно ровная. Высота—3 м. В западном углу располагаются сильно разрушенные остатки цитадели, вероятно, имевшей размеры 30×30 м. Высота ее — 11,8 м (табл. XLI, *8*). В развалинах цитадели и вблизи южного угла нуклеарной части обнаружены кладки из сырца: 38×?×10; 35×22×10; 32×32×10; ?×26×10 см; некоторые кирпичи имеют клейма. Размеры кирпича и подъемная керамика указывают на обживание памятника в позднеантичный и раннесредневековый периоды (см. табл. XXI, *21—28*). В период позднего средневековья древнее городище было частично обжито. С остатками этих поздних построек, вероятно, также связаны находки обломков жженых кирпичей 30×?×6; 22×?×5,5 см.

Памятник обследован В. Н. Пилипко (1967 г.).

10. Керкичи. Остатки древнего поселения занимают выдвинутый в Амударье небольшой каменистый мыс. Точные его размеры и планировочная структура не устанавливаются ввиду того, что древнее поселение

сильно разрушено и застроено. Со стороны реки в обрыве прослеживается многометровая толща культурных слоев, накопившихся в течение длительного обживания памятника. Среди подъемного материала имеется несколько фрагментов керамики, которые можно датировать древнебактрийским периодом (см. табл. XXI, *9, 10*). Вопрос о функционировании поселения в греко-бактрийский и юэджийский периоды, до проведения стратиграфических исследований, остается открытым. Находки обломков красноангобированных чаш и бокалов свидетельствуют о наличии слоев кушанского периода. На поселении обнаружены остатки кладок из крупного квадратного сырца 42×42×12 см и вымостки из кушанского жженого кирпича размерами 37×?×5 см. Значительными по мощности напластованиями представлено средневековье. По данным письменных источников в домонгольский период здесь находился небольшой городок Ахсисак[1].

Памятник обследовали Е. Ф. Каль (1890—1891 гг.), Н. В. Брюллова-Шаскольская (1926 г.), А. А. Марущенко (1931 г.), М. Е. Массон (1948 г.), А. М. Мандельштам (1960 г.), В. Н. Пилипко (1966, 1975 гг.).

11. «Б е к о в с к а я к р е п о с т ь» в г. Керки расположена на невысоком скалистом выступе на берегу Амударьи. До революции холм был занят резиденцией керкинского бека, что в значительной мере исказило древний микрорельеф памятника. В настоящее время холм занят руинами недавних сооружений, а склоны его сильно повреждены выборками земли на хозяйственные нужды, поэтому о былых размерах и рельефе холма, образовавшегося на месте древних поселений, сейчас можно получить лишь приблизительные данные. Холм занимал площадь не менее 2 га и имел очертания прямоугольника (?), вытянутого с юго-запада на северо-восток более чем на 200 м. Высота холма, т. е. толщина культурных отложений, увеличивается с запада на восток. В северо-восточной его части расположена «цитадель», имеющая в плане очертания, близкие к прямоугольным (примерно 70×50 м по основанию) и достигающая высоты 20 м.

Наиболее древние слои, относящиеся к середине I тыс. до н. э., обнаружены в 1967 г. в обрыве юго-восточного склона холма. Основная толща культурных отложений «нуклеарной части поселения» относится к периоду развитого и позднего средневековья. В рытвинах на склонах «цитадели» обнаружены отдельные фрагменты керамики предположительно кушанского времени (см. табл. XXI, *1—4*) и два эллипсоидных ткацких грузила из сырой глины.

Памятник обследовали Н. В. Брюллова-Шаскольская (1926 г.), П. В. Арбеков (1930 г.), М. Е. Массон (1948 г.), В. Н. Пилипко (1967, 1970, 1975 гг.).

12. «Р у с с к а я к р е п о с т ь» в г. Керки. Холм имеет в плане форму неправильного пятиугольника, размеры его в поперечнике — 225×175 м, площадь — около 3 га, высота—до 20 м. Стратиграфия памятника не изучена. Подъемный материал беден и невыразителен. Часть его может быть отнесена к кушано-сасанидскому периоду. Более определенно выделяются материалы раннего средневековья. Достаточно широко представлены также материалы X—XII вв. В то время бугор, вероятно, являлся составной частью довольно крупного города Земма, о котором имеются неоднократные упоминания письменных источников[2]. В конце XIX в. на холме были сделаны находки золотых и серебряных монет. Доступные изучению золотые монеты относятся к чекану Кидары, серебряные—Варахрана V (420—438 гг.)[3]

---

[1] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. 1, М.—Л., 1939, с. 178. *Массон М. Е.* Хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.— Тр. ЮТАКЭ, 1955, т. 5, с. 200.

[2] Материалы по истории туркмен и Туркмении..., с. 178, 188 и др.; *Массон М. Е.* Краткая хроника..., с. 200.

[3] *Пилипко В. Н.* Еще раз о так называемом Керкинском кладе 1888 г.—Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1977, № 5.

Памятник обследовали Е. Ф. Каль (1889—1890 гг.), А. А. Марущенко (1931 г.), М. Е. Массон (1948 г.), А. А. Ляпин (1966 г.), В. Н. Пилипко (1967 г.).

13. Куреген-кала (дом эмира Тимура, Пил-и-зиндан). Находится в 6 км юго-западнее железнодорожной станции Бургучи на высокой скале, подходящей к самой реке. Северную часть мыса, перегораживая его, занимает прямоугольное укрепление размерами примерно 26×25 м. Южнее его, на самом краю обрыва, возвышаются остатки мощной башни, стены которой даже сейчас местами сохранились на высоту 10 м. Основной массив башни сложен из сырцового прямоугольного кирпича 52×25×12 см, характерного для раннего средневековья. Однако имеются также участки кладки из сырца—40×?×10; 43×?×10 см. Основная масса подъемной керамики собрана не на укреплениях, а к западу от них, на склоне лощины, где прослеживаются полосы темной рыхлой земли—возможно, остатки древних стен. Подъемный материал (табл. XIX, *11—33*) свидетельствует об использовании укрепления в кушанский, кушано-сасанидский, раннесредневековый и позднесредневековый периоды. Датировка по керамическим аналогиям подтверждается находками монет Канишки и кушаншаха Хормизда.

Памятник обследовали В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.), В. Н. Пилипко (1970 г.).

14. Шор-депе (Бургучи). Находится в 3,5 км юго-западнее железнодорожной станции Бургучи. В плане очертания холма близки к прямоугольным (60×45 м). Длинная ось ориентирована север—юг. Высота—около 4 м (табл. XLII, *5*). Поверхность холма сильно изрыта. По подъемной керамике поселение датируется кушанским периодом (см. табл. XIX, *1—10*).

Памятник обследовали В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.).

15. Ак-депе (Бургучи). Находится в селении колхоза им. Куйбышева Чаршангинского района, в 2,5 км восточнее железнодорожной станции Бургучи. Холм почти квадратный в плане (95×98 м). Одна из диагоналей ориентирована север—северо-запад—юг—юго-восток. Высота холма—7 м. Склоны крутые. Верхняя площадка относительно ровная, лишь по краю местами прослеживаются сильно оплывшие валы былых стен. Восточный угол поселения занят оплывшей цитаделью, первоначально, видимо, имевшей квадратные очертания (25×25 м). Высота цитадели—около 12 м. Южнее цитадели в юго-восточном фасе имеется ложбина, образовавшаяся, вероятно, на месте былого въезда (табл. XLI, *7*). Стратиграфический шурф (1970 г.), заложенный в юго-западной части холма, позволил выявить в истории памятника четыре основных периода обживания. Основание поселения относится к первым векам нашей эры. Кроющий слой датирован кушано-сасанидским периодом.

Памятник обследовали Е. Ф. Каль (1890 г.), А. М. Мандельштам (1960 г.), В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.), В. Н. Пилипко (1970 г.).

16. Уч-агач-депе. Находится на территории колхоза им. Куйбышева Чаршангинского района рядом с железнодорожной казармой. Сильно оплывший холм неправильных очертаний. Размеры в поперечнике примерно 70×60 м. Высота холма—6,5 м. Верхняя площадка имеет очертания квадрата со стороной 42 м. Одна из осей его ориентирована по линии юг—север, с некоторым отклонением к западу. В юго-восточном углу находится небольшой бугор неправильных очертаний (табл. XLI, *2*). Южный склон разрушен при сооружении кошары. В обрыве видны культурные слои и кладки из сырца 33—35×?×11—12 см. Кирпич, вероятно, квадратный с клеймами. Поселение датируется кушанским периодом (см. табл. XIX, *59—68*).

Памятник обследован В. Н. Пилипко (1970 г.).

17. Ак-депе. Находится на территории колхоза им. Куйбышева Чаршангинского района между селениями Хатаб и Ташрабат. Поселение состоит из цитадели и нуклеарной части. Последняя в плане представляет собой прямоугольник (100×60 м), длинная ось которого ориентирована север—северо-запад—юг—юго-восток. Высота—около 1,5 м. Поверхность относительно ровная, сильно засоленная. С запада к нуклеарной части примыкает цитадель, имеющая в плане форму неправильного четырехугольника (50×40 м). На западном ее фасе хорошо прослеживаются остатки двух угловых башен. Верх цитадели плоский. Высота—5—6 м (табл. XLII, *12*). Материал, полученный из контрольных шурфов на цитадели и нуклеарной части поселения, может быть датирован кушано-сасанидским периодом (см. табл. XIX, *52—58*).

Памятник обследован В. Н. Пилипко (1970 г.).

18. Мазарли-депе (Гумбезлик-депе). Находится в 6 км юго-западнее железнодорожной станции Ташрабат. Сильно оплывший холм неправильных очертаний. Размеры в поперечнике—105×100 м. Высота—5 м. Верхняя площадка с небольшим понижением в центре и валами былых стен по краю (XLII, *13*). Стены сложены из сырца—40×40×10 см. В западной части холма находится небольшое купольное здание относительно недавней постройки. Подъемный материал беден. Поселение предположительно кушанского периода.

Памятник обследовали А. М. Мандельштам (1960 г.), В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.).

19. Шор-депе (Кизыл-Аяк). Находится на 26 км дороги Керки—Головное, на территории колхоза им. Ленина Керкинского района. В плане холм имеет очертания прямоугольника, вытянутого в широтном направлении. Размеры по основанию—115×80 м. Склоны обрывистые, верх относительно плоский (табл. XLII, *4*). В обрывах отмечены кладки из сырца—34—36×34—36×9—10 см. Датировка по подъемному материалу в пределах античного периода не может быть уточнена. Кроющий слой поселения средневековый (X—нач. XIII в.).

Памятник обследован В. Н. Пилипко (1967 г.).

20. Безымянное поселение на 39 км шоссе Керки—Головное По данным топографических карт, холм имел высоту около 4 м и площадь не более 0,5 га. Холм полностью разрушен при строительстве Каракумского канала. В выбросах земснарядов собрано небольшое количество фрагментов керамики. Среди них особенно выделяются сложнопрофилированные венчики кувшинов, обнаруживающие близкое сходство с находками из слоев Чопли 9 и Мирзабек 9 (табл. XVI, *1—10*). Это дает основание датировать поселение кушанским и кушано-сасанидским периодами.

Памятник обследован В. Н. Пилипко (1967 г.).

21. Дешикли-депе. Находится южнее 40 км дороги Керки—Головное. В настоящее время памятник расположен на острове посередине Каракумского канала. Это прямоугольный в плане холм. Размеры по верху—110×90 м, по подошве—130×110 м. Высота—около 4 м.

В углу прямоугольная в плане цитадель размерами, примерно, 50×50 м. Она отделена от остальной части поселения широкой ложбиной. Отдельные участки стен цитадели сохранились на высоту 5—7 м. Местами в них имеются округлые сквозные промоины, давшие название холму («дырявый холм»). В основании цитадели хорошо видны слои с обильными фрагментами керамики и даже целыми хумами. Цитадель построена из квадратного сырцового кирпича с клеймами. По подъемному материалу устанавливается функционирование поселения в кушанский и кушано-сасанидский периоды (табл. XLV, *12—25*). Кроющий слой, судя по размерам кирпича и подъемной керамике, относится к IV—V вв. н. э.

Памятник обследован В. Н. Пилипко (1967 и 1974 гг.).

22. Чопли-депе. Находится на левом берегу Каракумского канала в 3 км западнее селения Хатаб (колхоз «Социализм» Керкинского района). Памятник сильно поврежден. С северной стороны около одной четвертой части холма разрушено руслом Каракумского канала. С трех других сторон он окружен песками. Судя по сохранившемуся рельефу, холм является остатком и укрепленного квадратного в плане сооружения со стороной 80—85 м (табл. XLI, *9*). Мощность культурных слоев, слагающих холм—11 м. Холм Чопли-депе—ядро более крупного поселения. Вокруг него на расстоянии до 100—150 м расположено несколько мелких всхолмлений. Судя по стратиграфическим наблюдениям, поселение существовало в кушанский и кушано-сасанидский периоды (табл. XLVI). В подъемном материале имеются отдельные находки керамики раннежелезного века, свидетельствующие о существовании в ближайших окрестностях Чопли-депе поселения этого времени.

Памятник обследован В. Н. Пилипко (1967 г). В 1975 г. Амударьинской экспедицией здесь пройден стратиграфический раскоп площадью 55—60 м².

23. Безымянный холм в Хатабе (Хатаб-кала). Сильно оплывший подквадратный в плане холм 90×100 м. Высота—около 5 м. Ориентация по сторонам света неправильная. В юго-западной части имеется квадратная в плане цитадель со стороной около 47 м. Микрорельеф сглажен (табл. XLI, *5*). Памятник частично застроен. Подъемный материал малочислен и невыразителен. На основании стратиграфических исследований (1975 г.) поселение датировано кушанским и кушано-сасанидским периодами.

Памятник обследован В. Н. Пилипко (1967 и 1975 гг.).

24. Мукры-кала (Туркмен-кала). Поселение расположено в 2 км северо—северо-восточнее селения Хатаб Керкинского района. Холм сильно разрушен Амударьей и выборками земли. Сохранившийся останец в плане имеет серповидную форму. Длина его с запада на восток—90 м, максимальная ширина—28 м. Северный, обращенный к Амударье, край «серпа» образует многометровый отвесный обрыв. Первоначальная планировка поселения четко не прослеживается. Судя по останцу, оно, вероятно, состояло из «цитадели» и нуклеарной части. Остатки «цитадели» имеют в поперечнике около 50 м. Сохранившаяся ее высота—до 12,3 м. В северном обрыве прослеживаются кладки из сырца 40×?×8; 36—38×?×10—12 см. По подъемному материалу наиболее четко устанавливается функционирование поселения в кушано-сасанидский период (табл. XLI, *26—32*). Здесь, в частности, найдены крупные обломки столовых «ваз» с витыми ручками. Большая мощность культурных слоев, несомненно, указывает на существование поселения и в более ранние периоды. Кроющий слой относится к X—XII вв., но мощность его невелика.

Памятник обследован В. Н. Пилипко (1967 г.).

25. Мирзабек-кала — одно из крупнейших городищ побережья среднего течения Амударьи, находится в 2,5 км западнее поселка Головное на землях колхоза «Амударья». Памятник значительно пострадал из-за вывоза на поля в качестве удобрений древних культурных накоплений. Все городище, за исключением 21-метровой громады цитадели, изрыто многочисленными глубокими (до 10—12 м) траншеями и котлованами, разделенными полосками непотревоженных культурных слоев (см. рис. 11). Со всех сторон городище окружено полями, которые поглотили часть былой застройки. Все эти повреждения значительно исказили облик городища и затрудняют его археолого-топографическое изучение. Но, несмотря на это, на городище можно выделить три основных элемента: нуклеарную часть, цитадель, «пригород», и приблизительно определить их размеры. Нуклеарная часть поселения—квадрат площадью около 4 га (вместе с цитаделью). Оси его ориентированы примерно по сторонам света. Высота городища—10—15 м, наиболее высокой является его южная часть. Се-

веро-западный угол городища занимает цитадель, первоначально, вероятно, имевшая также очертания квадрата со стороной около 80 м; ныне она имеет в плане форму неправильного четырехугольника. Цитадель отделена от остальной части городища широкой ложбиной. С востока к нуклеарной части примыкает неправильных очертаний всхолмление площадью около 3 га (см. рис. 14).

Мощность культурных напластований здесь значительно меньше, чем в пределах основного квадрата. Возможно, это часть «пригорода», непосредственно примыкавшего к городищу. Остатки пригородной разреженной застройки существовали и на значительном удалении от основного ядра поселения. Следы обживания с севера, востока и юго-востока прослеживаются на расстоянии до 300—500 м от нуклеарной части поселения. Одно из крупных всхолмлений, носящее название Хатар-депе, расположено в 400 м от основной части поселения. При его разрушении найдены многочисленные и разнообразные древние предметы, в том числе терракотовые статуэтки и клад бронзовых монет. Вероятно, остатками этого клада являются монеты каталога № 35, 37—38, 41, переданные учителями местной школы. До чистки на поверхности они имели следы сцепления с другими монетами. На окрестных полях также встречаются обломки зернотерок, жерновов, каменных плит и жженых кирпичей. На основании этих наблюдений общая площадь поселения может оцениваться в 1 км^2.

В 1975 г. на городище заложено два стратиграфических шурфа. Шурф № 1 пройден в юго-западном наиболее возвышенном участке нуклеарной части. Общая мощность исследованных культурных слоев—15,5 м. Нижние слои поселения относятся к греко-бактрийскому периоду, верхние—к кушано-сасанидскому. Шурф № 2 заложен в средней части площади III, примыкающей к нуклеарной части с востока. В этом шурфе исследована пятиметровая толща культурных отложений. Судя по наблюдениям, в шурфе освоение этой части городской территории началось на последних этапах юэджийского периода.

Памятник обследовали Н. В. Брюллова-Шаскольская (1926 г.), Герц (1930 г.), А. А. Марущенко (1931 г.), В. А. Левина (1949 г.), А. А. Ляпин (1966 г.), В.Н . Пилипко (1967, 1970, 1974, 1975 гг.).

26. Ш о р-д е п е (Мукры). Находится в 2,5 км восточнее—юго-восточнее железнодорожной станции Мукры. Это почти прямоугольный в плане холм со скошенным юго-восточным углом. Размеры его—150×80 м, высота—3—5 м. В микрорельефе выделяется возвышенная подквадратная площадка с западной части холма и узкая гряда вдоль фаса, заканчивающаяся крупной сильно оплывшей башней, которая, вероятно, фланкировала въезд на поселение (табл. XLII, *1*). На северо-восточном краю поселения обнажена мощная сырцовая стена, сложенная из квадратного кирпича со стороной 34—40 см. Находки обломков красноангобированных чаш и бокалов на высокой ножке указывают на функционирование поселения в кушанский период (табл. XX). Кроющий слой поселения относится к кушано-сасанидскому периоду. Это устанавливается по подъемной керамике и материалам из контрольной зачистки, где была найдена монета Васудевы. На поверхности поселения собрано свыше десятка медных монет, но определить удалось только две. Обе они относятся к позднекушанскому чекану. В подъемном материале имеются также обломки зернотерок, жерновов, керамических шлаков. Следует отметить обилие хумов, относящихся к верхнему слою поселения.

Памятник обследовали Е. Ф. Каль (1890 г.), А. М. Мандельштам (1960) г.), Т. Ходжаниязов (1966 г.), В. Н. Пилипко (1966, 1970 гг.).

27. Ш о р-д е п е (Уламское). Находится примерно в 9,5 км восточнее—юго-восточнее железнодорожной станции Мукры. Первоначально холм, вероятно, имел прямоугольные очертания (105×58 м). Однако сейчас он имеет форму неправильного пятиугольника в результате разрушения де-

фляцией его восточной стороны. Длинная ось поселения ориентирована северо-запад—юго-восток. Высота холма—4 м. Верхняя площадка относительно ровная за исключением юго-восточной части. Здесь прослеживается большая ложбина на месте былого въезда и высокий бугор (7 м), образовавшийся на месте башни, защищавшей въезд с юго-востока (табл. XLII, *2*). Подъемный материал, характеризующий кроющий слой памятника, относится к кушано-сасанидскому периоду (табл. XX, *55—63*). Наиболее многочисленны находки грубой плохо обожженной керамики. Наряду с горшками часто встречаются «желобчатые» венчики хумов. Есть также «скобчатые» венчики хумов с хорошего качества черепком. Найден жернов диаметром 30 см и восемь бронзовых монет. Из них удалось определить только пять: одна, вероятно, принадлежит к чекану Канишки III, три—позднекушанскому чекану и одна—к сасанидо-кушанскому (Варахран в короне ĭ).

Памятник обследовали В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.), В. Н. Пилипко (1970 г.).

28. К у м-д е п е. Находится в 11 км восточнее—юго-восточнее железнодорожной станции Мукры. Холм в плане прямоугольный, ориентирован длинной осью северо-запад—юго-восток. Высота холма—около 3 м. С трех сторон по гребню четко прослеживаются остатки внешних стен. В середине юго-восточного фаса имеется большая ложбина, доходящая до центра холма. Это—остатки въезда. Он, видимо, фланкирован мощными башнями, из которых наилучшую сохранность имеет юго-западная (табл. XLII, *3*). Высота ее—5 м. В небольшой контрольной зачистке установлено использование в кладке стен сырцового кирпича размерами 35—37×35—37××? см. В подъемном материале имеются обломки керамики кушанского (ножки бокалов) и кушано-сасанидского периодов (см. табл. XX, *46—54*). На поверхности поселения Амударьинской экспедицией собрано 13 бронзовых монет, из которых определено 7. Наиболее ранняя из них относится к чекану Хувишки, имеются также подражания монетам Васудевы и монеты сасанидо-кушанского чекана. Среди прочего подъемного материала заслуживают упоминания· верхний камень ручной мельничной установки, украшение в виде десятилепестковой, выточенной из раковины розетки, и миниатюрный игрушечный кувшин (см. рис. 26, *2, 3*).

Памятник обследовали А. М. Мандельштам (1960 г.), В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.), В. Н. Пилипко (1970 г.).

29. П у л ь т а п д ы-д е п е. Находится в 2 км северо-восточнее селения Аккумулам. В плане этот сильно оплывший холм имеет очертания неправильного круга диаметром 70×50 м (табл. XLI, *10*). Широкая ложбинка разделяет его на две неравные части. Большую—западную, высотой до 3 м и меньшую — восточную, имевшую дугообразную форму, высотой 2 м. На западной возвышенности в зачистке выявлена кладка из сырца 35×35×? см. К северо-востоку от холма имеется обширная площадка со следами слабой обжитости, на которой обнаружены остатки двух керамических печей. На поселении найдены две медные монеты Канишки. В подъемном материале наряду с керамикой кушанского периода имеются «желобчатые» венчики кушано-сасанидского времени (см. табл. XX, *33—45*).

Памятник обследовали А. М. Мандельштам (1960 г), В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.), В. Н. Пилипко (1970 г.).

30. М у л ь з а м-А т а-д е п е. Находится в северной части долины Кугитангдарьи, на правом берегу реки. В плане холм имеет прямоугольные очертания (90×75 м), ориентация длинной оси северо-запад—юго-восток. Высота холма 14 м, но можно предполагать, что в основе его лежит естественный выступ террасы. Верхняя площадка сравнительно ровная, с некоторым уклоном на восток. В обрывах и промоинах видны участки кладок из булыжника, плитняка и сырцового кирпича. Среди подъемного

материала наиболее ранняя керамика относится к античному времени, имеются ножки бокалов (табл. XLVIII, *1—9*). Кроющий слой средневековый.

Памятник обследовал А. М. Мандельштам (1960 г.).

31. Мунчак-депе (северный). Находится на южной окраине поселка Свинцовый рудник, между Кугитангдарьей и дорогой. Холм с одной стороны круто обрывается к реке, с трех других — вокруг него теснятся современные постройки. Склоны обрывистые. Высота—около 15 м. Размеры верхней площадки—75×40 м. В обрывах отмечены кладки из сырца 40×?×10 и 35×?×9 см. Наиболее частые находки — обломки грубоглиняных плохо обожженных горшков, появившихся на Средней Амударье в кушано-сасанидский период. Кроющий слой поселения предположительно раннесредневековый (табл. XLVIII, *10—14*).

Памятник обследовали В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.).

32. Мунчак-депе (южный). Находится в 12 км южнее поселка Свинцовый рудник на территории колхоза им. Калинина Чаршангинского района, неподалеку от ответвления дороги на Гаурдак. Холм округлый в плане, диаметр—120—110 м, первоначально, вероятно, имел прямоугольные очертания. Высота — около 20 м. Склоны крутые, изрезанные многочисленными промоинами. Северо-восточную часть холма занимает подобие цитадели размерами 50×38 м (табл. XLII, *9*). Многочисленные обломки керамики встречаются не только на холме, но и в его окрестностях на удалении до 150—200 м. По подъемному материалу уверенно устанавливается функционирование поселения в кушанский период. Есть также основание предполагать его обживание в юэджийский (находка обломка черноглиняной чаши) и кушано-сасанидский периоды. Кроющий слой, видимо, раннесредневековый (табл. XLVIII, *36—73*). Кроме керамики этого времени на холме найдена монета Шишпира[1]. В окрестностях холма встречается также керамика X—XII вв.

Памятник обследовали А. М. Мандельштам (1960 г.), В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.).

33. Тилля-депе. Находится в 2,5 км северо—северо-восточнее селения Карлюк. Большой неправильных очертаний холм расположен на естественном всхолмлении. Он вытянут с северо-запада на юго-восток на 165 м, его максимальная ширина—98 м, высота—5—10 м (табл. XLII, *8*). Холм сильно оплыл, кроме того, поверхность его обезображена арыком и сооружением печи для обжига извести. Холм и окружающая его местность усеяны гравием и обломками керамических сосудов. Встречаются обломки хумов, кувшинов, чаш, тарелок. Преобладает красно-ангобированная керамика, но встречается также чернолощенная посуда. Одна из ведущих форм—чаши с плавно развернутыми наружу стенками. Основная масса подъемной керамики находит аналогии в комплексах кушанского времени, не исключено также наличие на поселении слоев юэджийского периода (табл. XLIX).

Памятник обследовали А. М. Мандельштам (1960 г.), В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.).

34. Куль-депе. Находится в 2 км восточнее селения Карлюк. Это прямоугольный в плане холм (67×60 м), ориентированный длинной осью северо-запад—юго-восток. Высота—6—7 м. Верхняя площадка ровная. Склоны крутые, юго-западный нарушен поздней постройкой. С северо-востока к холму примыкает овальная площадка (40×30 м) высотой 1,5—2 м. (табл. XLII, *11*). Первоначальные ее размеры, несомненно, были большими. С востока она разрушена арыком. Поселение датируется кушанским и раннесредневековым периодами (табл. XLIII, *15—26*).

Обращает на себя внимание небольшой лепной светильник или ку-

[1] *Мандельштам А.* М. Археологическая разведка..., с. 25.

рильница, края которого оформлены зубцами (табл. XLVIII, *24*), имеется также грубая лепная ручка, украшенная шиповидными налепами. Эти находки обнаруживают сходство с изделиями IV—VII вв. из долины Кашкадарьи.

Памятник обследовали А. М. Мандельштам (1960 г.), В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.).

35. Крепость Келиф находится к югу от одноименной станции на вершине скалы, выступающей в Амударью. Крепость сильно разрушена. Относительно хорошо сохранилась лишь центральная ее часть размерами 40×15 м. Культурные слои сильно перемешаны. Наиболее древний подъемный материал, среди которого имеется монета Канишки, относится к кушанскому времени. Находки фрагментов грубой плохо обожженной керамики позволяют предполагать функционирование поселения в кушано-сасанидский период. Среди прочего материала преобладают обломки жженого кирпича разных размеров и позднесредневековая керамика.

По письменным источникам Келиф известен как крепость или небольшой городок у одной из важнейших переправ через Амударью. Основание его по легендам относится ко времени Александра Македонского. Наибольший расцвет приходится на X—XII вв.

Памятник обследовали А. А. Марущенко (1931 г.), А. М. Мандельштам (1960 г.), В. Н. Пилипко и Т. Ходжаниязов (1966 г.).

КАТАЛОГ МОНЕТ

За двумя исключениями (№ 3 и 33) каталог содержит описание только определимых монет из числа сборов Амударьинской экспедиции Института истории АН ТССР[1]. Монеты сгруппированы по памятникам. Внутри этих групп они описаны в соответствии со стратиграфией поселения, а в случае принадлежности к числу случайных находок—в хронологическом порядке. К каталогу прилагаются: краткая справка о других монетных находках на территории Юго-Восточной Туркмении, хронологический указатель монет и сводная таблица их распределения по памятникам и чеканам. Номера монет в каталоге соответствуют номерам в таблицах иллюстраций L—LII.

В большинстве монеты бронзовые, поэтому указание на материал дано лишь в тех случаях, когда они изготовлены из другого металла. Диаметр монет (Д) указан в миллиметрах, вес (В)—в граммах, соотношение осей и расположение отдельных деталей изображения приведены по часовому циферблату. Для обозначения сохранности монет приняты следующие сокращения: Х—хорошая, С—средняя, П—плохая. Первая буква указывает на сохранность лицевой стороны, вторая—оборотной. В случае одинаковой сохранности обеих сторон проставляется только одна буква.

---

[1] Из-за плохой сохранности остались неопределенными 26 монет из числа сборов Амударьинской экспедиции. Наибольшее число таких монет происходит с Чопли-депе—8, Кум-депе—7 и Шор-депе (Аккумулам) — 5.

Таблица

Номер монеты	Место и обстоятельства находки	Лицевая сторона	Оборотная сторона	Определение	Общие сведения и примечания
1	2	3	4	5	6
1	Гёк-депе, подъемная	Бюст (?) правителя обращен вправо. Различима лишь корона, увенчанная бараньими рогами.	Полностью разрушена окислами.	Сасанидо-кушанский чекан. Варахран (?).	Д—13—14; В—0,8; Оси—? П.
2	Ак-тери-кала, подъемная	Правитель, стоящий перед низким жертвенником. Голова обращена влево. Правая рука опущена, в поднятой левой—трезубец (?). Контуры широкополого кафтана очерчены рельефной линией. Детали стерты. Справа по кругу—следы легенды.	Божество ветра Вад, влево. Детали плохо различимы.	Кушанский чекан. Канишка.	Д—25,1; В—14,7; Оси—12. С.
3	Куреген-кала, подъемная	Царь, стоящий перед жертвенником, обращен влево. Тип изображения — традиционный. Детали неразличимы.	Четверорукий Шива-Виша. Видна лишь верхняя половина туловища.	Кушанский чекан. Канишка. Зеймаль[1], рис. 8, 11.	Д—23—25,5; В—15,06; Оси—22. СП. Монета найдена местными жителями. Хранится в кабинете нумизматики ЮТАКЭ.

[1] Здесь и далее при определении кушанских монет ссылки на работу: *Зеймаль Е. В.* Монеты Великих кушан в Государственном Эрмитаже. — Тр. Государственного Эрмитажа, т. 9, Л., 1967.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
4	Куреген-кала, подъемная	Бюст правителя обращен вправо. Головной убор имеет форму головы животного. Он увенчан шаром или лотосом. Сзади хорошо виден округлый пук волос.	Аташдан с конусовидной базой и такой же капителью. Ствол перевязан лентой, концы которой свисают вниз. Бюст божества над алтарем утрачен, но сохранилось изображение древка трезубца справа от алтаря. Остальные детали утрачены.	Сасанидо-кушанский чекан. Хормизд.	Д—12,3—14,2; В—1,7; Оси—9. С.
5	Ак-депе (Бургучи), шурф, VI ярус.	Сильно схематизированное изображение царя перед жертвенником.	Шива перед быком. Левая рука Шивы опущена на круп животного.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы. Серия II или III (по Зеймалю)[1].	Д—14,6; В—0,85; Оси—10. П.
6	Ак-депе (Бургучи), шурф, V ярус.	Разрушена окислами.	Плохо сохранившееся изображение жертвенника с прямоугольным основанием и трапециевидной капителью. Ствол перевязан лентой с петлями по сторонам. Расширяющиеся концы лент свисают вниз.	Сасанидо-кушанский чекан.	Д—11—11,8; В—0,64; Оси—? П.

[1] Определение серий подражаний монетам Васудевы даны по Е. В. Зеймалю. См.: *Давидович Е. А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979, с. 42—44.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
7	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 2, 700 см.	Правитель, стоящий перед низким жертвенником. Правая рука спущена к алтарю, в левой поднятой — копье (?). Вверху и справа по кругу — следы легенды.	Божество огня влево. В хитоне и гиматии. Правая рука вытянута вперед. Согнутая левая—у пояса. В ней кузнечные щипцы. Под правой рукой—тамга (сохранилась частично). Справа по дуге легенда—(А) ΘРО. Ободок из сомкнутых точек.	Кушанский чекан. Канишка. Зеймаль, с. 67, тип. 5.	Д—25—25,6; В—16,1; Оси—12. X.
8	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 2, 470 см.	Бородатый царь в кафтане и сапогах стоит перед низким жертвенником. Голова обращена влево. Правая рука опущена к жертвеннику, в поднятой левой—копье. По кругу—остатки легенды. Под ногами правителя частично сохранился *ободок из сомкнутых точек.*	Четверорукий Шива-Виша в длинном дхоти, обращенный лицом влево. Вокруг головы нимб. Слева—тамга 4 (по Зеймалю). Справа—легенда. Следы точечного ободка.	Кушанский чекан. Канишка. Зеймаль, с. 68, тип 18.	Д—25,7—26,5; В—17,16; Оси—12. X.
9	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 2, 470 см.	Царь перед низким жертвенником. Детали неразличимы.	Солнечное божество влево. Правая рука вытянута вперед, левая на поясе. Вокруг головы лучистый нимб. Под правой рукой тамга 5 (?). Ободок линейный (?).	Кушанский чекан. Канишка.	Д—26—27,2; В—16,85; Оси — 12. ПХ.
10	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 1, 305 см.	Царь перед низким жертвенником. Правая рука над алтарем, в поднятой левой—трезубец (?). Вокруг головы нимб. Над алтарем трезубец.	Шива с быком. В правой руке — путы, левая — поднята вверх на уровень головы. Бык обращен влево. Справа в поле тамга — хорошо видно лишь трехзубчатое навершие. Ободок (?) из крупных точек с 1 до 5.	Кушанский чекан. Васудева.	Д—19,6—21; В—7,16; Оси—11. С.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
11	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 1, 305 см.	Царь в доспехах и высоком головном уборе перед жертвенником. Правая рука опущена к алтарю, левая—поднята выше головы. В ней копье или трезубец. На поясе длинный меч. Вокруг головы контурный нимб. Над алтарем трезубец. Справа по кругу легенда	Шива с быком. Бык обращен влево, голова показана анфас. Детали утрачены.	Кушанский чекан. Васудева.	Д—21,8—23,3; В—6,44; Оси—12. ХС.
12	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 1, 305 см.	То же, под ногами царя горизонтальная черта.	Испорчена окислами.	Кушанский чекан. Васудева.	Д—22,3—22,5; В—6,92; Оси—10 (?) ПХ.
13	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 1, 305 см.	Силуэт фигуры царя перед жертвенником. На поясе меч, в левой руке копье или трезубец.	Сидящая богиня. Детали плохо различимы.	Кушанский чекан. Канишка III.	Д—19—21,3; В—5,95; Оси—12. С.
14	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 1, 305 см.	Плохо различимое изображение царя перед низким жертвенником.	Сидящая на троне (?) богиня. Детали плохо различимы.	Кушанский чекан. Канишка III.	Д—19—21; В—5,8; Оси—12. ПС.
15	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 1, 204 см.	Царь перед низким жертвенником. Изображение сильно попорчено окислами. Под ногами тонкая горизонтальная черта.	Шива с быком. В левой поднятой руке трезубец (?). Из-под длинного одеяния видны только ступни ног. Бык обращен влево, голова анфас. Справа в поле тамга 9 (по Зеймалю). Ободок из очень крупных редко расположенных точек с 4 до 7.	Кушанский чекан. Васудева.	Д—19,5—22,3; В—6,88; Оси—12. ПХ. Монетный кружок неправильной формы.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
16	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 1, 230 см.	Царь перед низким жертвенником. Правая рука опущена, в поднятой левой — трезубец или копье. Детали стерты.	Контур фигуры сидящей богини. Детали стерты.	Кушанский чекан. Канишка III.	Д—20,5—21,8; В—6,27; Оси—12. С.
17	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 2, 220 см.	Сильно схематизированное изображение царя перед низким жертвенником. Обе руки опущены. Полы кафтана показаны остроконечными.	Сильно схематизированное изображение Шивы с быком влево. Голова быка анфас.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы. Серия IV (?)	Д—18; В—24,1; Оси—12. СП.
18	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 3, пол.	Сильно схематизированное изображение царя перед жертвенником. Обе руки опущены вниз. Детали не прослеживаются.	Сильно схематизированное изображение Шивы с быком влево.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы. Одна из поздних серий.	Д—14,8—16,6; В—1,7; Оси — 12. П.
19	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 10, пол—205 см.	Царь, стоящий перед низким массивным жертвенником. Правая рука опущена к алтарю, левая—с трезубцем (?) высоко поднята. Вокруг головы нимб. На поясе меч. Головной убор очень высокий. Над жертвенником трезубец.	Шива с быком. Вокруг головы нимб. Корпус слегка изогнут. В правой руке трезубец. Бык обращен влево, голова анфас. Справа в поле следы тамги.	Кушанский чекан. Васудева.	Д—23,2—24,5; В—7,41; Оси — П. Х.
20	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 2, пол—200 см	Бюст правителя обращен вправо. Корона трапециевидной формы увенчана шаром или цветком. Позади короны концы поднятых вверх лент и пышные пряди прически.	Полностью стерта.	Сасанидо-кушанский чекан. Варахран (е).	Д—1,3—14; В—1,0; Оси—(?), ХП.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
21	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 2, пол—183 см.	Бюст правителя обращен вправо. Корона трапециевидной формы (тип *e* по Луконину, но дополнена рогообразным навершием как у типа h). Детали утрачены.	В центре высокий алтарь с прямоугольным основанием и массивным трапециевидным верхом. Ствол перевязан лентой, образующей по сторонам петли. Широкие с поперечными насечками концы лент свисают вниз. Над алтарем бюст божества.	Сасанидо-кушанский чекан. Вахран (e).	Д—13,7—15,4; В—1,56; Оси—9. С.
22	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 2, пол—183 см.	Частично сохранился лишь точечный ободок и неясные детали изображения в центре.	В центре — высокий алтарь с прямоугольным основанием. Хорошо видна лишь его нижняя часть. С 7 до 9 сохранился точечный ободок.	Сасанидо-кушанский чекан (?).	Д—12,7—16,2; В—1,42; Оси—(?). П.
23	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 2а, под полом, 170 см.	Плохо различимый силуэт бюста правителя вправо.	Массивный аташдан с прямоугольным двухступенчатым верхом и таким же основанием. Над алтарем условно изображены языки пламени. По сторонам с верха алтаря свисают волнистые ленты.	Сасанидо-кушанский чекан. Предположительно, Шапур или Арташир (по Луконину)[1].	Д—14,3—15,5; В—24,3; Оси — 12. ПС.
24	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 2а, под полом—170 см.	Царь перед низким жертвенником. Правая рука опущена, левая — с трезубцем (?) поднята до уровня головы.	Обращенное вправо божество на троне. Вокруг головы—лучистый нимб. В руке—венок с лентами.	Кушано-сасанидский чекан.	Д—17,4—17,8; В—1,73; Оси—12. С. Тип. об. ст. см.: Луконин, табл. XIII, 2.

[1] *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 135 и сл.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
25	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, слой завала—150 см.	Бюст правителя обращен вправо. Кулах в виде головы льва. Сзади пук «сасанидской прически». По кругу — следы легенды и точечного ободка.	Схематичное изображение алтаря и божества над ним.	Сасанидо-кушанский чекан. Пероз или Хормизд. Сохранность монеты не позволяет установить наличие или отсутствие лотоса над короной.	Д—13,5—16; В—1,33; Оси—2. ХС. Обращает внимание схематизм исполнения штемпелей.
26	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 3, 140 см.	Бюст правителя обращен вправо в львином кулахе, увенчанном шаром. Следы точечного ободка.	Плохо сохранившиеся остатки изображения божества над алтарем.	Сасанидо-кушанский чекан. Хормизд.	Д—13,6—15,3; В—1,22; Оси—5? СП.
27	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 1, завал—120 см.	Бюст правителя обращен вправо в львином кулахе, увенчанном шаром. Сзади—поднятые вверх волнистые ленты и округлый пук волос. Справа—следы легенды.	В центре—высокий алтарь с прямоугольным основанием и трапециевидным верхом. Ствол перевязан лентой, образующей по сторонам петли. Расширяющиеся концы лент свисают вниз. Над алтарем погрудное изображение божества. В правой его руке венок с лентами, в левой—трезубец. С 9 до 11—остатки точечного ободка.	Сасанидо-кушанский чекан. Хормизд.	Д—14—14,4; В—1,59; Оси—10. С.
28	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, пом. 1, завал—120 см.	Прослеживаются только остатки короны с бараньими рогами и лотосом (?).	Разрушена окислами.	Сасанидо-кушанский чекан. Варахран (?).	Д—11,5—13,1; В—0,3; Оси—?. П.
29	Чопли-депе, стратиграфический раскоп — 100 см.	Едва прослеживаемые контуры фигуры царя перед жертвенником.	Предположительно, божество огня.	Кушанский чекан. Канишка.	Д—23,5—25; В—13,09; Оси—12. П.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
30	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, верхний слой.	Стоящий в рост правитель. Лицо обращено влево. Детали неразличимы.	Повреждена окислами.	Кушано-сасанидский чекан (?).	Д—13,8—14,7; В—0,6; Оси—(?), П.
31	Чопли-депе, стратиграфический раскоп, верхний слой, пом. 1,	Повреждена окислами.	Бюст божества над алтарем (?).	Сасанидо-кушанский чекан (?).	Д—12,5; В—0,41; Оси—(?), П.
32	Мирзабек-кала, подъемная.	Бюст правителя обращен влево. Горбатый нос, вислые усы, остроконечная борода. Кулах по краю украшен тремя рядами перлов. В середине, вероятно, изображение рога. По гребню головного убора схематические фигурки оленей.	Лучник на троне обращен вправо.	Парфянский чекан, Синатрук.	Серебро. Д—18,6—19,6; В—3,4; Оси—12. Х.
33	Мирзабек-кала, подъемная.	Бюст правителя обращен влево.	Лучник на троне обращен вправо. Вокруг — остатки легенды, организованной в каре.	Парфянский чекан, Фраат III. (Определение М. Е. Массона).	Серебро. Метрические данные отсутствуют. Часть монеты обломана. Схематическая прорисовка имеется в полевом дневнике В. А. Левиной. Из сборов ЮТАКЭ.
34	Мирзабек-кала, подъемная.	Царь в широкополом кафтане перед низким жертвенником. Голова обращена влево. Правая рука протянута к алтарю, левая—опущена. Слева в поле следы легенды. Остальные детали утрачены.	Шива с быком. Бык обращен вправо. Шива опирается левой рукой на горб быка. Правая, с трезубцем (?), поднята вверх. Остальные детали не прослеживаются.	Кушанский чекан. Кадфиз II. Зеймаль, с. 65, тип. 5.	Д—26,7—27,7; В—13,72; Оси—1. С.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
35	Мирзабек-кала, подъемная.	Царь в высоком коническом головном уборе перед низким жертвенником. Голова обращена влево. Правая рука опущена к жертвеннику, левая—у пояса. Справа в поле палица и тамга (тип 3, по Зеймалю). По кругу—следы легенды.	Сильно затертое изображение Шивы с быком. Бык обращен вправо.	Кушанский чекан. Кадфиз II.	Д—25—26,3; В—13,7; Оси—12. С.
36	Мирзабек-кала, подъемная.	Схематизированное изображение царя перед жертвенником. Обе руки опущены. Вокруг головы, возможно, нимб. Контуры кафтана обрамлены мелкими точками.	Огрубленное изображение Шивы с быком. Бык обращен влево.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы. Серия II.	Д—18—18,3; В—3,83; Оси—11. Х. Монетный кружок меньше штемпелей, изображения отчеканились частично.
37	Мирзабек-кала, подъемная.	Испорчена окислами.	Огрубленное изображение Шивы с быком. Бык обращен влево.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы. Серия III (?).	Д—17,2; В—1,27; Оси—? П. Монетный кружок поврежден.
38	Мирзабек-кала, подъемная.	Схематизированное изображение стоящего царя. Обе руки опущены вниз. Вокруг головы—нимб. Полы кафтана приострены.	Схематичное изображение Шивы с быком. Фигура Шивы высокая, тонкая, ноги ниже колен слегка расходятся. Бык обращен влево, голова анфас.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы. Серия III (?).	Д—21—22,5; В—6,16; Оси — 12. Х. Монетный кружок меньше штемпеля оборотной стороны.
39	Мирзабек-кала, подъемная.	Сильно схематизированное изображение стоящего правителя. Правая рука опущена. Положение левой неясно.	Частично поместившееся изображение Шивы с быком. Шива перепоясан. Бык обращен влево.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы. Серия IV (?).	Д—17—17,8; В—3,08; Оси—12. С.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
40	Мирзабек-кала, подъемная.	Сильно схематизированное изображение стоящего человека с расставленными в стороны руками и ногами. В левой руке копье (?). Вокруг изображения точки.	Сильно повреждена окислами. Видна лишь нижняя часть стоящей фигуры (?).	Позднекушанский чекан (?) Подражание монетам Васудевы. Серия IV (?).	Д—16—18,5; В—1,6; Оси—6. СП.
41	Мирзабек-кала, подъемная.	Царь в львином кулахе перед низким алтарем. Голова повернута влево. Правая рука опущена к алтарю, в поднятой левой—трезубец. Вокруг головы—нимб. Слева в поле над алтарем еще один трезубец с лентой. Справа в поле следы каких-то дополнительных знаков или легенды.	Божество в сасанидском одеянии, стоящее перед быком. Бык обращен влево. Детали плохо различимы. С 1 до 3—следы точечного ободка.	Кушано-сасанидский чекан. Перо з.	Д—19—20; В—3,36; Оси—12. ХС. Монеты № 35, 37—38, 41 — предположительно происходят из одного клада.
42	Мирзабек-кала, подъемная.	Правитель с «сасанидской» прической (кружок из мелких точек) перед низким жертвенником. Голова обращена влево. Вокруг головы нимб. На поясе меч. Остальные детали неразличимы.	Божество в сасанидском костюме перед быком. Голова божества анфас. Бык обращен влево. Детали плохо различимы.	Кушано-сасанидский чекан.	Д—15,5—17,2; В—1,6; Оси—12. ПС.
43	Шор-депе (Мукры), зачистка верхнего слоя.	Царь, стоящий перед низким жертвенником, обращен влево. Правая рука опущена к алтарю, левая—поднята на уровень головы. Царь одет в длинный кафтан. Детали неразличимы.	Шива перед быком. Бык обращен влево.	Кушанский чекан. Васудева.	Д—20—21,5; В—5,97; Оси—11. С.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
44	Шор-депе (Мукры), подъемная.	Сильно схематизированное изображение царя перед жертвенником.	Шива с быком. Бык обращен влево.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы.	Д—16; В—1,19; Оси—(?), П.
45	Шор-депе (Мукры), подъемная.	Остатки сильно схематизированного изображения царя перед жертвенником.	Разрушена окислами.	Позднекушанский чекан (?).	Д—14,2; В—0,48; Оси—9. П.
46	Шор-депе (Аккумулам), подъемная.	Царь перед низким жертвенником. Детали неразличимы.	Сидящая богиня Ардохш. Детали не прослеживаются.	Кушанский чекан. Канишка III (или подражание его чекану).	Д—20,3; В—6,42; Оси—11. С. Часть монеты обломана.
47	Шор-депе (Аккумулам), подъемная.	Правитель перед низким жертвенником. Детали неразличимы.	Сидящая богиня. Детали неразличимы.	Кушанский чекан. Канишка III или подражание его чекану.	Д—18,5—19,5; В—5,08; Оси—12. П.
48	Шор-депе (Аккумулам), подъемная.	Видны ноги царя и низ кафтана с подтреугольным выемом посередине.	Едва прослеживаемые очертания фигуры Шивы с быком. Голова Шивы и быка вне монетного кружка.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы. Серия II или III.	Д—14,1—14,5; В—1,51; Оси—12. П.
49	Шор-депе (Аккумулам), подъемная.	Сильно схематизированное изображение правителя перед жертвенником.	Шива с быком. Бык обращен влево.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы. Одна из поздних серий.	Д—12,6—13,9; В—1,33; Оси—5. П.
50	Шор-депе (Аккумулам), подъемная.	Голова правителя обращена вправо. Корона с бараньими рогами увенчана лотосом. Прическа прямыми линиями. Изображение схематизировано.	Разрушена окислами.	Сасанидо-кушанский чекан. Варахран (f).	Д—12,8—14,0; В—1,42; Оси—(?). П.

Продолж. табл.

1	2	3	4	5	6
51	Кум-депе, подъемная.	Царь, едущий на слоне, обращенном вправо. Изображение нечеткое. Слон изображен схематично и непропорционально маленьким.	В центре — стоящий Шива-Вишна. Левая рука опущена, в правой, поднятой на уровень головы, трезубец. На слегка расставленных ногах поперечные складки одежды (дхоти). Справа по кругу—следы легенды.	Кушанский чекан. Хувишка.	Д—20—21,4; В—8,38; Оси—12. С. Не исключено, что это подражание монетам Хувишки.
52	Кум-депе, подъемная.	Сохранилась лишь нижняя часть фигуры. царя перед жертвенником. Царь в широкополом кафтане, в левой руке трезубец (?), на поясе длинный косоторчащий меч.	Шива с быком. Бык обращен влево.	Кушанский чекан. Васудева или подражание его монетам, серия 1.	Д—17; В—4,32; Оси—11. С. Монетный кружок овальной формы, часть его отломана.
53	Кум-депе, подъемная.	Сильно схематизированное изображение правителя перед жертвенником. Правая рука опущена вниз. Положение левой точно не устанавливается.	Почти неузнаваемое изображение Шивы с быком.	Позднекушанский чекан. Подражание монетам Васудевы.	Д—14,3—15,8; В—1,24; Оси—12. СП.
54	Кум-депе, подъемная.	Сильно схематизированное изображение царя перед жертвенником. Детали неразличимы.	Испорчена окислами.	Позднекушанский чекан (?).	Д—15—16; В—1,35; Оси—(?). П.
55	Кум-депе, подъемная.	Бюст правителя обращен вправо. Головной убор имеет форму птицы. Сзади дугообразными линиями передана пышная «сасанидская» прическа. Волосы на затылке перехвачены лентой, широкие концы которой подняты вверх. Короткая борода передана	Плохо сохранившаяся композиция с двумя противостоящими фигурами. Изображение можно реконструировать по двум однотипным монетам из Музея истории народов Узбекистана (135/19, 135/20). Справа—женское (?) божество в длинном облегающем одеянии.	Сасанидо-кушанский чекан. Неизвестный правитель.	Д—18,2—18,8; В—1,83; Оси—3. СП.

1	2	3	4	5	6
		рельефными точками. Справа и слева от изображения по кругу следы среднеперсидской легенды.	В левой его руке трезубец (?), в правой, поднятой на уровень лица, конусовидный предмет, вероятно, корона кушанского типа. Левая фигура, видимо, царь, принимающий корону из рук божества. На затылке свисает лента с широким концом. Видны шаровары со складками в сасанидском стиле. Остальные детали плохо различимы. Справа и слева—следы легенды.		
56	**Кум-депе, подъемная.**	Бюст правителя обращен вправо. Головной убор типа *d* или *e* (по Луконину). Детали плохо различимы.	Высокий алтарь с трапециевидным верхом и погрудным изображением божества над ним. Детали неразличимы.	Сасанидо-кушанский чекан. Хормизд или Вахран.	Д—14,7—16,2; В—1,4; Оси—9. П.
57	Кум-депе, подъемная.	Бюст правителя обращен вправо. Головной убор увенчан сильно закрученными рогами и цветком лотоса. Перед лицом правителя следы среднеперсидской легенды.	Видны отдельные непонятные детали изображения.	Сасанидо-кушанский чекан. Вахран (f).	Д—12,2—13,3; В—0,69; Оси—(?). П.
58	Пультапды-депе, подъемная.	Царь в широкополом кафтане перед низким жертвенником, обращен влево. Правая рука опущена к алтарю, согнутая левая поднята на уровень головы. Детали не прослеживаются.	Лунное (?) божество обращено влево. Детали неразличимы.	Кушанский чекан. Канишка Зеймаль, с. 68. (рис. 8, *2*).	Д—24,2—25; В—14,39; Оси—1. СП.
59	Пультапды-депе, подъемная	Царь, стоящий перед низким жертвенником.	Божество ветра Вад обращено влево.	Кушанский чекан. Канишка.	Д—26; В—16,8; Оси—(?). С.
60	Келиф, подъемная.	Царь, стоящий перед низким жертвенником. Детали утрачены.	Плохо сохранившееся изображение лунного или солнечного божества.	Кушанский чекан, Канишка.	Д—24—25,2; В—15,08; Оси—12. П.

В архивных материалах и в публикациях имеются указания на ряд других монетных находок на территории Юго-Восточной Туркмении. Однако эти сведения, как правило, не содержат точных данных о самих монетах или месте их обнаружения. В описи вещей, принадлежавших Е. Ф. Калю, упоминается монета, найденная в «кургане» Керкичи, и 19 монет, купленных в Керки[1], но определения их отсутствуют, место хранения неизвестно. В литературе содержатся сведения о находке[2], а точнее продаже[3] в Керки дариков. В настоящее время проверить подлинность данного факта не представляется возможным. В. И. Масальский без ссылок на источник сообщает о находках греко-бактрийских монет в Келифе[4], сведения о количестве этих монет и их точное определение отсутствуют. В 1927 г. в Керки (точное место находки неизвестно) найдена драхма Синатрука с надчеканом[5]. Сообщенных сведений о монете недостаточно для ее точного определения. Она могла быть подлинной, надчеканенной монетой Синатрука (?), но не исключена ее принадлежность к числу подражаний этому типу монет[6]. А. М. Мандельштам указывает на находки кушанских монет на Шор-депе (Мукры) и Кум-депе. Но конкретные определения и точные сведения о количестве монет в публикации отсутствуют[7]. Этому же исследователю принадлежит сообщение о находке монеты Шапура на южном Мунчак-депе в Карлюкской долине[8]. В неправдоподобном дореволюционном газетном описании подземного города в Керкичи упоминается о находке серебряной монете Шапура I[9]. Обширная литература посвящена находкам золотых и серебряных монет в районе Керки в конце XIX в. Специальное рассмотрение данного вопроса позволило придти к выводу, что в конце 80-х гг. XIX в. в Керки (Русская крепость) и его окрестностях (возможно, на поселении Омар-кала) было найдено два клада, имеющих примерно одинаковый состав. Оба они содержали чеканенные в Мерве драхмы Варахрана V и изготовленные из низкопробного золота блюдцеобразные монеты, по своему типу—позднейшие в кушано-сасанидской серии. Эти монеты, называвшиеся в ряде ранних публикаций индо-скифскими, кушанскими, кушано-сасанидскими, в действительности относятся к монетной продукции кидаритских или хионитских правителей[10].

УКАЗАТЕЛЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МОНЕТ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ

Парфянский чекан

Синатрук—32.

Фраат III—33.

Кушанский чекан

Кадфиз II—34, 35.

Канишка—2, 3, 7, 8, 9, 29, 58—60.

Хувишка—51.

Васудева—10, 11, 12, 15, 20, 43, 52(?).

---

[1] Архив ЛОИА, ф. 1. оп. 1, д. 86, л. 42.

[2] История таджикского народа, т. 1. М., 1969, рис. на с. 207.

[3] *Массон М. Е.* Прошлое города Керки. — Памятники Туркменистана, 1973, № 1, с. 7.

[4] *Масальский В. И.* Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание, т. 19. Спб., 1913, с. 730.

[5] *Массон М. Е.* Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 гг. — Изв. Средазкомстариса, вып. 3. Ташкент, 1928, с. 285.

[6] Точное описание монеты отсутствует. Монеты, ранее приписывавшиеся Синатруку, ныне отнесены к чекану Орода I. См.: *Sellwood D.* An Introduction to the coinage of Porthia. London, 1971, tun. 31.

[7] *Мандельштам А. М.* Археологическая разведка в Чаршангинском районе. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1967, № 1, с. 23—24.

[8] Там же, с. 25.

[9] Туркестанские ведомости, 1981, № 21, с. 83(3).

[10] Подробнее об этих кладах см.: *Пилипко В. Н.* Еще раз о так называемом Керкинском кладе 1888 г. — Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук, 1977, № 5.

Канишка III—13, 14, 16, 46, 47.
Позднекушанский чекан
5, 17, 19, 36—40, 44, 45, 48, 49, 53, 54.
Сасанидо-кушанский чекан.
Шапур или Арташир—18.
Пероз—25(?), 41.
Хормизд—4,56(?).
Варахран *e* — 21, 23, 26, 27.
Варахран *f*—28, 50, 57.
Неизвестный правитель—55.
Точно не определенные—6, 22, 24, 30, 31, 42.

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МОНЕТ

Название памятника	Парфянские	Кушанские	Позднекушанские	Сасанидо-кушанские и кушано-сасанидские	Всего
Гёк-депе				1	1
Ак-тери-кала		1			1
Куреген-кала		1		1	2
Ак-депе (Бургучи)			1	1	2
Чопли-депе		12	2	11	25
Мирзабек-кала	2	2	5	2	11
Шор-депе (Мукры)		1	2		3
Шор-депе (Аккумулан)		2	2	1	5
Кум-депе		2	2	3	7
Пультапды		2			2
Келиф		1			1
Всего	2	24	14	20	60

КАТАЛОГ ТЕРРАКОТ

Описание терракот дано по отдельным памятникам. Их распределение по типам приведено в табл. 7, там же даны условные названия отдельных типов[1]. Статуэтки с отломанными головками в тексте называются фигурками. Номера терракот в тексте и на иллюстрациях (см. табл. XVII—XXXIX) соответствуют номерам каталога.

БЕШИР-КАЛА

1. Поясная мужская статуэтка. Изображение фронтальное. Лицо несколько одутловатое, полное. Глаза удлиненные, сравнительно узкие, с нечеткой моделировкой глазного яблока и век. Брови очень широкие. Нос небольшой, рот маленький. Пышные усы слабо изогнуты. Борода длинная, приостренная, растет только на подбородке. Уши намечены, но моделированы плохо. Стрижка короткая. На лоб свисает прямоугольный зубец челки. Руки и торс переданы обобщенно. Вытянутые вдоль туловища руки непропорционально коротки. Проработка деталей одежды отсутствует. Ниже пояса гладкий срез.

Высота—10,8 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

---

[1] Обоснование выделения отдельных типов см. в разделе «Кушанский комплекс», а также в статье: *Пилипко В. Н.* Женские культовые статуэтки берегов Средней Амударьи. — СА, 1977, № 1, с. 188. Ниже ссылки на эту работу даны сокращенно: Пилипко, 1977.

Случайная находка при земляных работах 1972 г. Публикации: Дурдыев Д. Уникальная статуэтка с берегов среднего течения Амударьи.— Памятники Туркменистана. 1976, № 1, с. 8—9.

2. Фрагмент женской статуэтки. Сохранилось изображение нижней части длинного платья, условно переданного широкими вертикальными рельефными полосами. Низ платья украшен широким орнаментальным поясом из вертикальных полос и рельефных колечек.

Высота—5,1 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красно-коричневый.

Подъемная, 1975 г.

ШОР-ДЕПЕ II (ХОДЖАМБАСС)

3. Фигурка коня с всадником. От всадника сохранились лишь следы прикрепления на спине коня. Небольшая объемная фигурка коня обобщенно вылеплена от руки. Спина выгнута горбом.

Длина—6,6 см. Черепок красный, внешняя поверхность желтая.

Подъемная, сбор А. А. Ляпина (1966 г.).

ОМАР-КАЛА

4. Статуэтка богини с сосудом и венком. Поза фронтальная. Голова непропорционально большая. Крупное одутловатое лицо. Крутые дуги бровей, большие глаза с мясистыми тяжелыми веками; небольшой рот. Волосы короткими прямыми прядями ниспадают на лоб. На толстой короткой шее массивное ожерелье или гривна. Правая рука придерживает у груди конусовидный бокал; полусогнутая левая—прижимает к низу живота крупный кольцевидный предмет (венок?). Ноги расставлены на уровне плеч, ступни развернуты в разные стороны. Платье короткое, до колен, прилегающее у талии и конусовидно расширяющееся книзу. Подол внизу и частично с боков украшен цепочкой вдавленных колец. Низ статуэтки несколько округлен. По сторонам изображения оставлен излишек глины, образующий фон.

Высота—16,5 см. Оттиск в форме с последующей подправкой отдельных деталей. Голова выполнена в высоком рельефе, туловище уплощено. Контур плитки неправильной формы со следами неровной обрезки. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Случайная находка при земляных работах 1966 г.

Публикации Пилипко, 1977, с. 191.

ЧОПЛИ-ДЕПЕ

5. Фигурка богини с виноградной гроздью. Изображение фронтальное. Правая рука вытянута вдоль тела, левая — согнута под прямым углом и прижата локтем к боку. Богиня одета в длинное богато декорированное платье. Через грудь наискось с левого плеча перекинут шарф, драпирующийся складками. Рельеф сильно сглажен. Многие детали утрачены. Почти полностью исчезло изображение виноградной грозди. Аморфным стало изображение левой руки и сосуда в ней. Детали орнаментации платья прослеживаются лишь местами. В частности, на груди хорошо видна широкая горизонтальная полоса вертикальных дугообразных штрихов.

Высота—10,5 см. Оттиск в односторонней сильно изношенной форме. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность кремовая, местами розовая.

Подъемная, 1975 г.

6. Фрагмент фигурки богини с виноградной гроздью. Нижняя часть сколота. Рельеф сильно сглажен. Многие детали утрачены. По размерам и иконографии очень близка к предыдущей. Не исключено, что они изготовлены одним штампом.

Высота—9,5 см. Оттиск в форме. Черепок коричневый, внешняя поверхность белая.

Подъемная, 1975 г.

7. Нижняя часть фигурки богини с виноградной гроздью. Сколота по пояс. Положение рук традиционное. Сохранилась лишь кисть правой руки с виноградной гроздью. Платье длинное, богато украшенное рельефными дугами, кружками и кольцами. Из-за неплотной набивки формы некоторые детали утрачены или получились нечеткими. Основание утяжеленное, устойчивое.

Высота—7,1 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность желтая.

Стратиграфический раскоп. Уровень—600 см.

8. Нижняя часть фигурки богини с виноградной гроздью. Сколота ниже пояса. Частично сохранилось изображение виноградной грозди в правой опущенной руке. На подоле платья веерообразно расходящиеся складки. Ниже подола изображен невысокий постамент (?).

Высота—7,3 см. Оттиск в односторонней форме. Фигурка очень массивная. Низ уплощен. Черепок красноватый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1967 г.

9. Поясная фигурка богини с сосудом. Изображение фронтальное. Правая полусогнутая рука придерживает шарф (?) у правого бедра. Левая, согнутая под прямым углом и прижатая к туловищу, держит какой-то предмет, вероятно, сосуд. Ниже пояса статуэтка несколько расширяется и образует небольшое устойчивое основание. Богиня одета в платье, украшенное мелкими вертикальными складками. Выше пояса оно перехвачено широкой лентой, завязанной спереди узлом. С левого плеча наискось вниз, покрывая левую руку до локтя, спускается шарф или накидка, конец которой зажат в правой руке. На шее ожерелье, переданное горизонтальными валиками.

Высота — 8,1 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок и внешняя поверхность кремовые.

Подъемная, 1975 г.

10. Поясная фигурка богини с сосудом. Правая слегка согнутая рука опущена к низу живота. Левая, согнутая в локте, прижата к туловищу сбоку. В ней какой-то предмет, вероятно, сосуд. Шарф или накидка опускается с левого плеча к правому бедру. Поверхность фигурки затерта, детали неразличимы.

Высота—7,6 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок желто-коричневый, в тесте примесь мелкого песка.

Подъемная, 1975 г.

11. Фрагмент поясной фигурки богини с сосудом (?). Изображение сильно огрублено. Полусогнутая правая рука опущена вниз, левая, вероятно, согнута под прямым углом и прижата к туловищу сбоку, изображение ее аморфно. На шее гривна или ожерелье. Одеяние несколько отличается от статуэтки № 9. Шарф изображен как у статуэтки «богини с виноградной гроздью». Верхний его край опускается с левого плеча под правую подмышку. Платье выше шарфа, вероятно, декорировано широкими вертикальными полосами, украшенными кружками. Хорошо видны складки рукава или покрывала на правой руке. У левой руки имеется волнистая рельефная линия. Однако, что это — одеяние, или технический брак, неясно.

Высота — 10 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красный, внешняя поверхность цвета черепка, обжиг неравномерный.

Стратиграфический раскоп. Помещение 2, уровень — 550 см.

12. Фигурка богини без культовых атрибутов. Изображение фронтальное. Руки непропорционально короткие. Правая рука опущена вниз, полусогнутая левая прижата к левой стороне груди. Длинное расширяющееся книзу платье на груди орнаментировано горизонтальным рядом оттиснутых колец. На торсе изображение косых складок слева—вниз—направо. Ниже подола платья имеется широкая орнаментальная полоса из углубленных линий и оттиснутых колец. Слева на подоле следы зигзагообразного знака.

Высота—8,5 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок розовато-коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1967 г.

13. Фигурка богини в накидке. Изображение фронтальное, сильно стилизованное. Богиня одета в длинную наглухо застегнутую накидку с ложными рукавами. Борта накидки рельефно выделены. Низ фигурки обломан.

Высота—9,6 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок розовый, внешняя поверхность кремовая, в тесте небольшая примесь мелкого песка.

Подъемная, 1975 г.

14. Фрагмент фигурки богини в накидке. Аналогичная предыдущей. Нижняя часть фигурки сколота.

Высота—6,3 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок желто-коричневый, внешняя поверхность светло-желтая.

Подъемная, 1974 г.

15. Статуэтка «богини с лепным туловом». Изображение фронтальное. Туловище обобщенно вылеплено от руки, голова оттиснута в форме. Основание конусовидное, вогнутое, устойчивое. Руки в виде коротких плоских налепов прижаты к груди (плечам). Головка типа «богини в конусовидном головном уборе» (№ 69).

Высота—12,8 см. Черепок красно-коричневый с пятнами желтых известковых включений, внешняя поверхность цвета черепка.

Извлечена из обрыва с глубины 7—8 м (1975 г.).

16. Фигурка лепного идольчика. Тело грубо вылеплено из одного куска глины, поверхность неровная Основание слегка расширяющееся, устойчивое. Руки расставлены в стороны. Они были отломаны еще в древности—места сколов затерты. Груди, видимо, были переданы небольшими плоскими налепами. Статуэтка с одного бока (правого) закопчена.

Высота—8,3 см. Черепок и внешняя поверхность серо-коричневого цвета.

Стратиграфический раскоп. Уровень—830 см.

17. Фигурка лепного идольчика. Туловище имеет форму слегка сужающегося в середине овального в сечении столбика. Плоское основание имеет конусовидную глубокую выемку. Руки переданы очень короткими загнутыми к груди налепами.

Высота—8,4 см. Черепок коричневый с примесью мельчайших частиц гипса, слюды или кварца. Внешняя поверхность светло-желтая.

Стратиграфический раскоп. Уровень—820 см.

18. Фигурка идольчика. Первоначально фигурка, вероятно, была оттиснута в очень старой со сглаженным рельефом матрице. Поэтому после изготовления оттиск подвергся дополнительной обработке. Были налеплены бугорки грудей, при этом остатки старого рельефа были почти полностью заглажены. Руки отсутствуют. Образ предельно обобщен. Основание плоско срезанное, устойчивое.

Высота—8,2 см. Черепок розовый, внешняя поверхность белая.

Подъемная, 1975 г.

19. Фигурка идольчика. Образ предельно схематизирован. Руки переданы короткими конусовидными отростками. Правая прижата к груди горизонтально, левая (судя по отпечатку на туловище) с наклоном вниз. Груди переданы бугорками, остальные детали опущены. Ниже пояса фигурка конусовидно расширяется и заканчивается плоским основанием. Фигурка объемная.

Высота—8,2 см. Грубая ручная лепка. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1974 г.

20. Фигурка идольчика. То же, что № 19.

Высота—8,8 см. Черепок коричневый с примесью мелкого песка. Внешняя поверхность пятнистая от кремового до слегка зеленоватого.

Подъемная, 1974 г.

21. Верхняя часть фигурки идольчика. Обобщенная ручная лепка. Руки переданы небольшими плоскими налепами, прижатыми к груди.

Высота—4,1 см. Черепок розовато-коричневый, внешняя поверхность светло-желтая.

Подъемная, 1975 г.

22. Фигурка сидящей богини. Изображение фронтальное. Кисти согнутых и прижатых к туловищу рук покоятся на коленях. В них, возможно, имеются какие-то культовые предметы. Небольшими бугорками переданы груди. Платье длинное, полностью закрывающее ноги. На подоле между ног дугообразные складки. Остальные детали неразличимы.

Высота — 6,8 см. Оттиск в односторонней форме, фигура сильно уплощена. Черепок и внешняя поверхность розовые.

Подъемная, 1975 г.

23. Фигурка сидящей богини. То же, что № 22.

Высота — 7,5 см. Черепок желто-коричневый.

Подъемная, 1975 г.

24. Фигурка сидящей богини. То же, что № 22.

Высота—7,8 см. Черепок розовый, внешняя поверхность кремовая.

Подъемая, 1975 г.

25. Погрудное изображение женщины среди архитектурного декора. Голова выполнена в высоком рельефе. Лицо овальное. Большие, выпуклые глаза, круто изогнутые брови. Крупный нос и маленький рот с короткой верхней губой. Лоб низкий, покатый. Перевязанные лентами волосы двумя косицами спускаются по сторонам головы. Шея длинная, украшенная широким ожерельем. Торс непропорционально маленький и изображен в более низком рельефе. Плечи узкие. Маленькие руки согнуты под прямым углом и прижаты к груди. Снизу бюст ограничен горизонтальным валиком, ниже которого частично сохранились какие-то выпуклости, вероятно, волюты. По сторонам бюста (судя по другим статуэткам этого типа) поднимаются листья аканта или волюты. Низ статуэтки обломан.

Высота—6,3 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красновато-коричневый, внешняя поверхность кремовая.

Подъемная, 1975 г.

26. Фрагмент статуэтки с погрудным женским изображением. Сохранилась нижняя часть фигурки, голова утрачена. Верхняя часть аналогична фигурке № 25. Волюты ниже горизонтального валика сохранились лучше, но не полностью. Нижняя часть оттиска заглажена при прикреплении лепной конусовидной полой внутри ножки.

Высота—5 см. Оттиск в односторонней форме с последующей доработкой от руки. Черепок розовато-коричневый, плотный красный ангоб.

Подъемная, 1975 г.

27. Фрагмент женского торса. Изображение фронтальное. Положение рук не устанавливается. Четко обозначены груди. На шее ожерелье из крупных пластин. На груди овальный медальон на длинной широкой ленте. Тип статуэтки точно не устанавливается.

Высота—4,7 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок розовый, внешняя поверхность желтая.

Подъемная, 1975 г.

28. Головка богини в небольшом головном уборе. Оттиск выполнен в сильно изношенной матрице. Значительная часть лица сколота. Изображение головного убора сильно деформировано. Правильный овал лица. Волосы обрамляют лицо до уровня подбородка. Схематично изображены уши. Более четкие оттиски головок этого типа имеются с городища Мирзабек-кала (см. ниже № 72).

Высота—6,5 см. Оттиск в односторонней форме. На шее следы ручной обработки, видимо, головка прикреплялась к лепному тулову.

Стратиграфический раскоп. Помещение 4. Уровень—500 см.

29. Головка простоволосой богини. Лицо округлое, выполнено в высоком рельефе. Лоб полукруглых очертаний, очень покатый. Брови дугообразные с опущенными наружными концами. Глаза большие, глазное яблоко и веки рельефно моделированы. Нос сбит. Рот маленький с короткой верхней губой. Волосы веерообразно обрамляют голову, изображение прядей превратилось в орнамент (на оттиске детали прически видны плохо). У правой щеки овальная выпуклость, вероятно, изображение уха. Головка наклонена вправо.

Высота—5,1 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красновато-коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Подъемная, 1975 г.

30. Головка простоволосой богини. Лицо овальное, несколько одутловатое. Лоб низкий, покатый. Брови дугообразные. Глаза большие с рельефной моделировкой век и глазного яблока. Изображения носа и рта стерты. Судя по сохранившимся остаткам, нос был небольшой, рот также маленький с короткой верхней губой. Подбородок массивный округлый. Волосы спускаются по сторонам лица до уровня подбородка. Пряди волос переданы рельефными валиками, разделенными косыми насечками.

Высота—4,8 см. Оттиск в односторонней форме. На шее следы ручной лепки. Вероятно, головка прикреплялась к лепному туловищу. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Подъемная, 1975 г.

31. Головка богини с виноградной гроздью. Поверхность выветрена, но сохранность в целом хорошая. Изображение стандартное (подробное описание головок этого типа см. ниже—№ 85). Черты лица правильные. На левой щеке прослеживаются следы рельефного кольца. На тыльной стороне имеются остатки выступа.

Высота—4,8 см. Оттиск очень высокого скульптурного рельефа в односторонней форме с последующим прикреплением сзади налепного выступа и с подрезкой. Черепок красный. Внешняя поверхность цвета черепка.

Подъемная, 1975 г.

32. Головка богини с виноградной гроздью. Стандартный тип. Оттиск выполнен изношенной матрицей. В этой форме дополнительно подправлено или заново вырезано изображение кольца на левой щеке. Вместо кольца получился овальный кружок. Выступ на тыльной стороне головки отсутствует.

Высота—4,7 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Стратиграфический раскоп. Уровень—640 см.

33. Женская головка. Изображение схематизировано. Лицо

полное, округлое. Лоб низкий, покатый. Брови переданы рельефными слабоизогнутыми дугами, глаза—маленькими, овальными выпуклостями. Нос и рот сбиты. На голове маленькая трапециевидная шапочка. По сторонам лица обобщенно переданные пряди волос. Судя по всему, это поздний вариант каких-то ранних статуэток, но прототип точно не устанавливается.

Высота—4,2 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок желто-коричневый с примесью мельчайших песчинок. Внешняя поверхность желтая.

Подъемная, 1975 г.

34. Фрагмент крупной женской головки. Верхняя часть головки отбита. Поверхность выветрена. Детали плохо различимы. Черты лица правильные. Небольшой нос, маленький рот, крупный подбородок. По сторонам головы оставлен «фон».

Высота—3,4 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок желтый с небольшой примесью мельчайших песчинок.

Подъемная, 1975 г.

35. Фрагмент фигурки наездника (?). Обобщенно вылепленный торс. Туловище в виде цилиндра, шея толстая, длинная. Руки переданы конусовидными расставленными в стороны и слегка загнутыми вперед отростками. Детали не проработаны.

Высота—5,9 см. Ручная лепка. Черепок в изломе коричневый с мельчайшими крапинами гипса. Внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1975 г.

36. Две соединенные вместе лошадиные протомы. Головы и конечности утрачены. Налепными полосами, украшенными оттисками пуансона, насечками и налепными дисками, изображена сбруя. На спине сохранились следы прикрепления наездников (?). Их было два.

Длина—13,5 см. Ручная обобщенная лепка. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность желтая.

Подъемная, 1975 г.

37. Фигурка коня с всадником. Голова, нижние части ног и всадник утрачены. Ручная обобщенная лепка. Вдоль туловища коня (от груди до хвоста) проходила налепная полоса, передающая детали упряжи. Всадник был без ног, сохранилась часть его торса.

Длина—8,2 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Стратиграфический раскоп. Уровень — 900—950 см.

38. Фрагмент фигурки животного. Голова и ноги отбиты. Обобщенная ручная лепка. На спине налеп, вершина которого сколота (наездник или горб?). Хвост прижат. Вид животного точно не устанавливается.

Длина—8,5 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность желтая.

Стратиграфический раскоп. Уровень—900—950 см.

39. Фигурка коня со следами прикрепления наездника. Конец морды и ноги обломаны. Обобщенная ручная лепка. Тело короткое. Ноги широко расставлены. Шея длинная, высоко поднятая, с торчащей ровно подстриженной гривой. Хвост короткий, конусовидный. От наездника сохранился след на спине коня (поверхность другого красноватого цвета), по которому можно судить о том, что всадник был изображен с ногами. На гриве сохранился кусочек налепа. Вероятно, всадник держался за гриву левой рукой.

Длина туловища — 6,3 см. Черепок желто-коричневый, внешняя поверхность желтая.

Стратиграфический раскоп. Помещение 2. Уровень 550—600 см.

40. Фрагмент фигурки коня с наездником. Морда, ноги коня и наездник утрачены. Ручная обобщенная лепка. У коня широко

расставленные ноги, длинная вытянутая вперед шея. Грива короткая с торчащей между ушей челкой. От всадника сохранились только условно переданные ноги.

Высота—8,6 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Стратиграфический раскоп. Помещение 1. Уровень—500—600 см.

41. Фигурка коня с наездником. Нижняя часть ног и голова коня отбиты. От всадника сохранилась лишь нижняя часть туловища. Обобщенная ручная лепка. Наездник вылеплен без ног. На спине коня широкая ложбина.

Длина—8,5 см. Черепок розовато-коричневый, внешняя поверхность кремовая.

Подъемная, 1975 г.

42. Фрагмент статуэтки коня с наездником. Голова и ноги коня отбиты. От всадника сохранились лишь следы прикрепления. Обобщенная ручная лепка. Оттисками С-образного пуансона передано украшение упряжи.

Длина—8.5 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Подъемная, 1975 г.

43. Статуэтка коня. Часть морды и концы ног отбиты. Ручная обобщенная лепка. Ноги расставлены, шея короткая. Небольшая торчащая грива, короткий хвост. Уши переданы небольшими наленами, глаза—оттисками пуансона.

Длина корпуса—6 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Стратиграфический раскоп. Уровень—700 см.

44. Голова и шея коня. Ручная обобщенная лепка. Шея и морда вытянуты вперед. Уши переданы защипами; рот — неглубоким надрезом; челка — специальным налепом между ушей; грива—невысоким гребнем.

Длина—6,6 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1975 г.

45. Фрагмент статуэтки коня. Голова и ноги отбиты. Обобщенная ручная лепка.

Длина—5,8 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность желтая.

Подъемная, 1975 г.

46. Фрагмент статуэтки коня (?). Сохранился лишь круп. Обобщенная ручная лепка. Короткий конусовидный хвост сдвинут в сторону.

Длина—5,1 см. Черепок и внешняя поверхность красные.

Стратиграфический раскоп. Помещение 3. Уровень—550—600 см.

47. Фигурка животного. Голова и нижняя часть ног обломаны. Ручная обобщенная лепка. Шея непропорционально толстая.

Длина—5 см. Черепок красный, внешняя поверхность серо-желтая.

Подъемная, 1975 г.

ХАТАБ-ДЕПЕ

48. Фигурка богини с виноградной гроздью. Низ фигурки поврежден сколами. Изображение фронтальное. Положение рук традиционное—правая с виноградной гроздью опущена вдоль тела, согнутая левая прижата к боку. Слева—вниз—направо косыми складками спускается шарф. Длинное платье богато украшено. Однако из-за сильной потертости статуэтки детали плохо различимы.

Высота—9 см. Оттиск в односторонней форме. Рельеф высокий, ста-

туэтка почти объемная. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1967 г.

МИРЗАБЕК-КАЛА

49. Поколенная статуэтка обнаженной богини. Изображение фронтальное. Покрывало или шарф скрывает лишь нижнюю часть бедер. Дугообразно изогнутая правая рука прижата к груди. Левая, по-видимому, опущена вдоль туловища. Лицо удлиненное с крупным носом и приостренным подбородком. Большие выпуклые глаза без моделировки век, внешние уголки глаз опущены книзу. На голове небольшая шапочка, из-под которой на плечи опускаются длинные пряди волос. На шее ожерелье из мелких перлов. Остальные детали неразличимы из-за сильной потертости статуэтки.

Высота—8,2 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок розовый, внешняя поверхность кремовая.

Подъемная, 1970 г.

Публикации: Пилипко, 1977, с. 188—189.

50. Фигурка богини с виноградной гроздью. Изображение фронтальное. В правой опущенной вдоль туловища руке большая виноградная гроздь. В левой, согнутой под прямым углом и прижатой к телу локтем — небольшой горшковидный сосуд или крупный плод граната. Платье длинное, полностью скрывающее ноги. Верх и подол платья богато украшены небольшими рельефными кольцами и дугообразными полосами, вероятно, имитирующими нашивные бляшки. Правый рукав платья в частых поперечных складках. Поверх платья наброшен широкий шарф, драпирующийся косыми складками с левого плеча к правому бедру. На шее широкое ожерелье или кайма ворота.

Высота—13,7 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Найдена при земляных работах на территории пригорода в 1972 г. Публикации: Пилипко, 1977, с. 192.

51. Торс богини с виноградной гроздью. Аналогична предыдущей, но орнаментация платья иная. По верху платья проходит горизонтальная рельефная линия, выше которой платье сплошь орнаментировано рельефными колечками. Цепочки колец имеются не только на подоле, но и в средней части одеяния. На шее четко показано массивное ожерелье, украшенное оттиснутыми кружками. На правом запястье, вероятно, браслет.

Высота—8 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый с включением мелких частиц гипса. Внешняя поверхность серо-желтая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

52. Фигурка богини с виноградной гроздью. Часть изображения повреждена сколами. Поза традиционная для данного типа. Отличие от фигурок № 50—51 в ином покрое платья и отсутствии на нем украшений. На груди платье имеет горизонтальную рельефную линию, продолжающуюся на плече. На подоле от низа живота веерообразно расходятся частые складки.

Высота—14 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

Публикации: Пилипко, 1977, с. 192—193.

53. Торс богини с виноградной гроздью. То же, что № 52, но матрица другая.

Высота—10,5 см. Черепок красно-коричневый с примесью мелких частиц гипса и песка. Внешняя поверхность светло-желтая.

Стратиграфический шурф 1975 г., VII ярус, из завала.

54. Нижняя часть статуэтки богини с виноградной гроздью. Платье с веерообразными складками на подоле. По сторонам складок орнаментация из трех рядов мелких кружков. Четко оттиснута большая виноградная гроздь с крупными ягодами. На правом запястье браслет.

Высота—10,2 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый, внешняя поверхность цвета черепка.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

55. Фигурка богини с виноградной гроздью. Верхняя часть груди сколота. Первоначальный тип в значительной мере деформирован. Правая рука не изображена (возможно, это дефект данного экземпляра). Левая—придерживает у бедра сосуд (?), изображение повреждено. Покрой платья как у фигурок № 52—54, но манера исполнения иная. Складки на нижнем крае подола образуют волнистый узор. Шарф изображен нечетко, воспринимается как деталь покроя платья. Складки сочетаются с орнаментацией мелкими рельефными точками.

Высота—14,5 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Найдена В. А. Левиной (1949 г.).

Публикации: Массон. Краткая хроника..., с. 208; Пилипко, 1977, с. 193.

56. Поколенная статуэтка богини с виноградной гроздью. Оттиск изготовлен старой изношенной матрицей. Многие детали изображения деформированы и нечетко оттиснуты. Поза традиционная для данного типа. Платье без украшений с веерообразными складками на подоле. Голова простоволосая с правильными чертами лица, первоначальный облик однако сильно деформирован (ср. головки № 85—87). После оттиска в форме статуэтка была подправлена вручную—точками обозначены зрачки, на шее появилось массивное налепное ожерелье, украшенное оттисками колец, тыльная сторона головы снабжена цилиндрическим выступом.

Высота—13,5 см. Черепок красный, ангоб светло-серый.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

57. Фигурка богини без культовых атрибутов. Изображение фронтальное. Руки непропорционально короткие. Почти прямая правая опущена вниз (поверхность руки сколота, но четко виден ее контур). Согнутая левая прижата к груди, кисть ее четко моделирована, на запястье массивный круглый браслет. Характер одеяния не совсем ясен. Богиня одета в расширяющееся книзу платье. Верх его, подчеркнутый горизонтальной полосой, украшен широкими вертикальными полосами с точечными углублениями. В средней части платья пять углубленных косо расположенных дугообразных складок. Начинаются они под левой рукой и заканчиваются на правом бедре. На левой стороне подола крупный «знак» в виде меандра. Ниже гладкого подола имеется широкая орнаментальная полоса, заполненная расширяющимися книзу вертикальными полосами, украшенными поперечными насечками и углубленными кольцами. С левого плеча свисает плащ, частично скрывающий левую руку. Верхний его конец косо пересекает грудь.

Высота—9,7 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность палевая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

Публикации: Пилипко, 1977, с. 194—195.

58. Фигурка богини без культовых атрибутов. Аналогична № 57. Правая рука сколота.

Высота—9,3 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1967 г.

59. Фигурка богини без культовых атрибутов. Аналогична предыдущим. Оттиск выполнен старой матрицей, детали видны нечетко. В результате небрежности или нечеткого представления об иконографии богини, на матрице вырезано две правых руки. Одна, как у остальных экземпляров, опущена вниз, вторая — почти горизонтально расположена на груди. Однако при изготовлении оттиска оплошность была замечена и изображение верхней руки было перечеркнуто горизонтальной линией.

Высота—11 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность кремовая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

60. Фигурка богини в накидке. Изображение фронтальное, стилизованное. Тело богини полностью скрыто длинной накидкой с длинными ложными рукавами. Рукава и борта накидки рельефно выделены. Углубленные участки заполнены цепочками рельефных колец. По контуру фигурка украшена цепочкой мелких ромбов и треугольников.

Высота—11 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый, ангоб светло-серый.

Подъемная, 1967 г.

Публикации: Пилипко, 1977, с. 195.

61. Верхняя часть фигурки богини в накидке. Аналогичная № 60.

Высота—7,3 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность кремовая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

62. Фигурка богини в накидке. То же, что № 60, но без орнаментации. Слева на груди крупная рельефная точка (правая сторона сколота).

Высота—12 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый, ангоб светло-серый.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

Публикации: Пилипко, 1977, с. 195.

63. Верхняя часть фигурки богини в накидке. То же, что № 62.

Высота—5,7 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1967 г.

64. Статуэтка «богини с лепным туловом». Туловище имеет вид овального в сечении столбика, снабженного конусовидным устойчивым, полым внутри основанием. Руки, условно переданные короткими плоскими налепами, согнуты в «локтях» (?) и прижаты к груди на уровне плеч. Голова оттиснута в форме. Лицо округлое со скошенным лбом и подбородком. Нос крупный, рот маленький. Большие миндалевидные глаза с рельефно-моделированными веками и глазным яблоком. Условно переданные пряди волос полукругом обрамляют голову, волосы сохранили следы окраски в черный цвет.

Высота—12,7 см. Черепок коричневый с пылевидной примесью минеральных частиц, ангоб светло-серый.

Шурф № 1. Найдена на полу с отметкой—980 см.

65. Фигурка идольчика. Обобщенная ручная лепка. Туловище передано невысоким овальным в сечении столбиком. Расставленные в стороны руки — короткими отростками (концы обломаны).

Высота—6,7 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1975 г.

66. Погрудное изображение женщины среди архитектурного декора. Статуэтка повреждена еще в древности. Сохранилась лишь правая половина хорошо моделированного выразительного лица. Бровь передана рельефной широкой дугой. Крупный глаз с выпуклым глазным яблоком и рельефно моделированным верхним веком. Пряди пышной прически закрывают лоб и обрамляют лицо сбоку. Волосы по сторонам лица перевиты лентами. Лист аканта сильно схематизирован и превращен в подобие волютообразного завитка. Верхняя часть статуэтки, где, возможно, имелось еще какое-то изображение, сколота. Левая половина лица смята при изготовлении, когда к только что извлеченному оттиску была приделана массивная полая внутри подставка.

Высота—7 см. Оттиск в односторонней форме с последующей доработкой вручную. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность кремовая.

Подъемная, 1970 г.

Публикации: Пилипко, 1977, с. 199—200.

67. Нижняя часть женской статуэтки. Фигура плоская. Изображение фронтальное. Ввиду неполной сохранности детали изображения неясны. Видимо, богиня была одета в длинное до пят платье. По самому низу оно украшено рельефным орнаментом. Выше по подолу наискось (справа—вниз—налево) проходит ряд треугольников, обращенных вершинами вниз. Правая рука была опущена. Сохранилось нечеткое изображение ее кисти или предмета, который богиня держала в этой руке.

Высота—7,2 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый с белыми кромками (гипса ?). Внешняя поверхность желто-коричневая. Обжиг неравномерный.

Подъемная, 1970 г.

68. Нижняя часть женской статуэтки. Частично сохранилось лишь изображение драпирующегося складками платья. Тип статуэтки неясен.

Высота—4,6 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1975 г.

69. Головка богини в высоком конусовидном головном уборе. Передает образ немолодой женщины с энергичным мужеподобным лицом. Лоб скошен назад. Массивный подбородок выдвинут вперед. Глаза с рельефно-моделированными веками и глазным яблоком слегка скошены к носу. Нос слегка приплюснутый, с четко очерченными крыльями. Узкогубый рот расположен близко к носу. Схематично изображены уши. Над лбом волосы переданы крупными прямыми прядями. По сторонам лица прическа заканчивается спиральными завитками. Высокий головной убор сужается кверху. Внизу он имеет широкий околыш, выше расположен орнаментальный пояс, расчлененный углубленными линиями на треугольники и трапеции, еще выше — неорнаментированный пояс с прямоугольной выемкой в верхней части.

Высота—6,8 см. Оттиск в односторонней форме. Головка несколько уплощена. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность зеленовато-серая.

Подъемная, 1974 г.

Публикации: Пилипко, 1977, с. 196.

70. Головка богини в высоком конусовидном головном уборе. Сильно повреждена сколами. Аналогична № 69.

Высота—5,3 см. Черепок коричневый, ангоб светло-желтый.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

71. Головка богини в небольшом головном уборе. Овал лица правильный. Тонкий длинный нос, маленький рот. Глаза большие с рельефно моделированными веками и зрачком. Уложенные валиком

волосы полукругом обрамляют высокий лоб и спускаются несколько ниже ушей. Головной убор (или шиньон) в виде небольшого расширяющегося кверху конуса. На правой щеке прослеживается кольцевой оттиск.

Высота—6,2 см. Оттиск в односторонней форме. Не очень плотная набивка матрицы привела к некоторому искажению изображения. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность цвета черепка.

Подъемная, 1970 г.

72. Форма для изготовления головок богини в небольшом головном уборе. Округлый полусферический кусок глины. Выпуклая его сторона неровная со следами пальцев. С уплощенной стороны углубленный оттиск женской головки анфас. Форма предназначена для изготовления головок с правильным овалом лица, большими миндалевидной формы глазами: веки четко очерчены. Зрачки показаны рельефными точками. Нос короткий и широкий. Рот маленький с короткой верхней губой. Волосы зачесаны за уши, которые моделированы достаточно четко. Уложенные валиком волосы полукругом обрамляют высокий лоб. Невысокий головной убор кверху несколько сужается. У него широкий околыш и округлая выемка сверху.

Высота формы—7,3 см (оттиска—6 см). Черепок желто-коричневый. Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

73. Головка богини в небольшом головном уборе. Аналогична оттискам из матрицы № 80. Изображение головного убора сверху срезано, сохранился лишь нижний околыш. На сохранившемся участке шеи имеются следы ручной обработки. Вероятно, головка была присоединена к лепному туловищу.

Высота—5 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность светло-желтая.

Подъемная, 1975 г.

74. Головка богини в «кокошнике». Мягко очерченное полное лицо. Глаза большие с рельефно-моделированными веками и глазным яблоком; слегка скошены к переносице. Небольшой нос, пухлые губы. Лоб низкий, округлой формы. Лицо обрамляет уплощенный валик, верхняя часть которого—головной убор, нижняя—прическа. Головной убор подобен кокошнику, поверхность которого украшена мелкими рельефными прямоугольниками. Пряди волос условно переданы тремя выпуклостями с каждой стороны. После изготовления в форме головка подверглась дополнительной обработке. В центре головного убора пальцем сделана округлая вмятина, по сторонам лица проколоты сквозные отверстия.

Высота—5,1 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1967 г.

75. Головка богини в «кокошнике». Аналогична № 74. Дополнительная обработка отсутствует, но образцом для матрицы служила головка с проколотыми в «ушах» отверстиями—у описываемой головки имеются углубления, соответствующие этим отверстиям.

Высота—5,1 см. Черепок красный, внешняя поверхность кремовая. Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

76. Головка богини в «кокошнике». Аналогичная № 75. Поверхность сильно повреждена сколами.

Высота—4,5 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность цвета черепка.

Подъемная. Передана местными жителями.

77. Головка богини в «кокошнике». От вышеописываемых отличается меньшими размерами и искажением первоначального типа. Изображение «кокошника» исчезло, его заменяет дугообразный валик без орнамента. В нижней части прически сделаны сквозные отверстия. Скол на

шее позволяет установить, что в матрице отдельно была изготовлена головка, прикрепленная затем к туловищу, вероятно, лепному.

Высота—4,5 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Подъемная, 1970 г.

78. Головка богини в «кокошнике». Лицевая сторона сильно повреждена. Оттиск сделан старой матрицей. Детали изображения утрачены. Сверху после обжига сделана округлая выемка. Глаза сильно скошены.

Высота—4,5 см. Черепок коричневый с примесью мелких белых крапин. Внешняя поверхность светло-серая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

79. Головка «кудрявой» богини. Правильный овал лица. Низкий скошенный лоб. Крупный с горбинкой нос. Маленький рот близко расположен к носу. Верхнюю часть лица обрамляют волосы, переданные небольшими округлыми бугорками.

Высота—3,7 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок розовый, ангоб кремовый.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

Публикации: Пилипко, 1977, с. 199.

80. Головка простоволосой богини. Мягко очерченное округлое лицо, низкий лоб, дугообразно изогнутые брови, глаза с выпуклым глазным яблоком, но без проработки век, нос прямой, рот маленький с припухлыми губами. Выражение лица скорбное. Волосы переданы клочковатыми, веерообразно расходящимися прядями. Судя по остаткам изображения шеи, головка была склонена влево.

Высота—4,6 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок желтоватый, внешняя поверхность цвета теста.

Подъемная, 1967 г.

Публикации: Пилипко, 1977, с. 199.

81. Головка простоволосой богини. Лицо округлое. Лоб дугообразных очертаний, скошенный. Дуги бровей слабо изогнуты. Глаза большие, миндалевидные с рельефной моделировкой век и зрачка. Нос длинный, тонкий (кончик сколот). Прямая линия небольшого рта. Подбородок смят, возможно, при формовке. Верхнюю часть лица обрамляют схематично трактованные волосы — округлый валик разделяют радиальные линии. По краю головки оставлен валик «лишней» глины.

Высота—5,2 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый, внешняя поверхность бледно-желтая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

82. Головка простоволосой богини. Лицо округлое, с низким покатым лбом и скошенным подбородком. Очень крупные миндалевидные глаза с припухлыми веками и углубленным зрачком—точкой. Нос прямой, сильно выступающий вперед, рот небольшой. Прическа изображена веерообразно расположенными прядями. По сторонам лица неумело изображены уши.

Высота—5,2 см. При изготовлении матрицы использована бывшая в употреблении потертая статуэтка. Мастер пытался доработать новую форму. По внутренней стороне век процарапан контур глаза, заново изображены уши и зрачок. Черепок коричневый, внешняя поверхность серо-желтая. Возможно, был плотный коричневый ангоб.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

83. Головка простоволосой богини. Лицо округлое с низким лбом. Большие глаза имеют форму, характерную для профильного изображения. Веки рельефно моделированы. Зрачки изображены углубленными точками. Нос короткий, широкий (сколот). Рот маленький, с пухлыми губами. Вокруг лица веерообразно расходятся пряди волос.

Высота—4,1 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок и внешняя поверхность розовато-коричневые.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

84. Женская головка на плоской плитке. Лицо скуластое, с непропорционально крупным подбородком. Волосы уложены валиком над низким лбом. Глаза запавшие, без четкой моделировки. Приплюснутый нос, маленький рот, тонкая длинная шея.

Высота—5,2 см. Оттиск штампом высокого рельефа на прямоугольной плитке с загнутыми вверх краями. Черепок коричневый, внешняя поверхность цвета черепка.

Подъемная. Из сборов краеведа Герц, 1930 г.

85. Головка богини с виноградной гроздью. Тонкая моделировка. Черты лица правильные. Лоб низкий, покатый. Дугообразно изогнутые брови. Глаза большие, удлиненные, с рельефно моделированными веками и глазным яблоком. Нос прямой, тонкий. Рот небольшой. Волосы переданы массивным сплошным валиком, скругленным мыском спускающимся на лоб. На щеках изображены крупные рельефные кольца.

Высота—4,7 см. Оттиск в односторонней форме Высокий скульптурный рельеф. С тыльной стороны сохранился обломок дополнительного цилиндрического налепа. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность кремовая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

86. Головка богини с виноградной гроздью. То же, что № 85. Частично повреждена сколами.

Высота—5,6 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность кремовая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

87. Головка богини с виноградной гроздью. То же, что № 85.

Высота—5 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность кремовая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

88. Головка богини с виноградной гроздью. То же, что № 85. Выступ-налеп на тыльной стороне отсутствует.

Высота—4,7 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

89. Головка богини с виноградной гроздью. То же, что № 85, но оттиск выполнен в старой, сработанной форме. Черты лица нечеткие. Выступ-налеп на тыльной стороне отсутствует.

Высота—5,1 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность желтая.

Подъемная, 1975 г.

90. Форма для изготовления женских головок со стилизованной прической. Округлый неправильной формы комок глины с углубленным оттиском на лицевой стороне. Оттиск: лицо широкое, округлое. Под правильными дугами бровей широко открытые большие глаза с хорошо моделированными веками и глазным яблоком. Нос высокого рельефа, тонкий с горбинкой. Уголки небольшого рта приподняты вверх. Покатый лоб полукругом обрамляют волосы, стилизовано трактованные в виде арочек.

Высота формы—6,2 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность кремовая.

Найдена местными жителями.

91. Женская головка. Лицо округлое, с дугообразно очерченным пологим лбом. Большие миндалевидные глаза с рельефно моделированными веками и глазным яблоком. Нос крупный, приплюснутый, с резко очерченными крыльями. Прямая линия рта с короткой верхней губой. Твердо очерченный подбородок. Схематично изображены уши. Прическа

передана узким расширяющимся книзу валиком, с условной моделировкой отдельных прядей.

Оттиск в односторонней форме, под подбородком следы пальцев. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, найдена Н. В. Брюлловой-Шаскольской (1926 г.).

Публикации: Брюллова-Шаскольская. Глубины великих культур..., с. 8; Ремпель Л. И. Терракоты..., с. 337—339.

92. Женская головка. Лицо округлое с дугообразно очерченным пологим лбом. Большие глаза с рельефно моделированными веками и глазным яблоком. Небольшой нос (частично сбит), маленький рот. Волосы переданы узким обрамляющим лицо валиком, расчлененным в верхней части радиально расположенными линиями.

Высота—5,6 см. Оттиск в односторонней форме.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

93. Женская головка. Лицо округлое с дугообразно очерченным покатым лбом. Дуги бровей несколько опущены наружными концами книзу. Глаза большие, миндалевидные, близко расположенные. Веки рельефно моделированы. Зрачки обозначены выемками. Нос тонкий. Рот маленький с короткой верхней губой. Подбородок маленький. Волосы переданы узким обрамляющим лицо валиком. Лицо изображено как бы обращенным вверх.

Высота—5,5 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый, ангоб кремовый.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

94. Женская головка. Лицо широкое, уплощенное. Глаза большие, миндалевидные, косо поставленные. Лоб покатый, округло очерченный. Нос сколот. Рот небольшой, с плотно сжатыми губами, близко расположенный к носу. Лицо обрамляет условный валик волос. Видны следы моделировки отдельных прядей. Шея толстая, короткая.

Высота—5,3 см. Оттиск в односторонней сильно изношенной форме. Черепок коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

95. Форма для изготовления мужских головок. Продолговатый кусок глины, на одной стороне которого оттиснута мужская головка. Изображение анфас. Лицо худощавое, глаза небольшие, узкие; нос прямой; длинные вислые усы и небольшая бородка клинышком. На лоб надвинута конусовидная шапка с меховой (?) оторочкой по низу. На конусовидной части шапки спереди имеется орнамент в виде косой сетки.

Высота матрицы—10,4 см, высота головки—4,5 см. Углубленный оттиск ранее изготовленной статуэткой. Черепок коричневый.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

96. Фигурка наездника. Обобщенная ручная лепка. Руки дугообразно изогнуты, «кисти» их покоятся на бедрах. Ноги обозначены короткими уплощенными отростками. На шее, вероятно, было налепное ожерелье или гривна.

Высота—6,2 см. Черепок красный, внешняя поверхность светло-желтая.

Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

97. Фигурка наездника. Голова, руки и ноги обломаны. Обобщенная ручная лепка.

Высота—6,7 см. Черепок красный, внешняя поверхность серо-желтая.

Подъемная. Из сборов краеведа Герц, 1930 г.

98. Статуэтка всадника. У наездника отбита голова, у коня—левая передняя нога и часть морды. Ручная обобщенная лепка. Конь с коротким туловом, длинными широко расставленными ногами, высоко поднятой головой. Условно трактованный всадник посажен вплотную к шее коня, руками держится за холку, прямые длинные ноги вытянуты наискось вперед. Грудь коня и всадник украшены углубленными круглыми оттисками.

Высота—18 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность кремовая. Найдена при земляных работах в пригороде, 1972 г.

99. Статуэтка коня. Ноги отломаны. Ручная обобщенная лепка довольно реалистично передающая натуру. Длинная узкая морда с торчащими ушами и рельефно намеченными глазами. Длинная слегка изогнутая шея с высокой торчащей гривой и свисающей вперед челкой. Короткое поджарое туловище.

Высота—8,5 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная, 1967 г.

100. Фрагмент фигурки животного. Обобщенная ручная лепка. Голова, ноги и хвост отбиты. Плохая сохранность и условное исполнение не позволяют точно определить вид животного.

Длина—8,2 см. Черепок розовый, внешняя поверхность кремовая.

Подъемная, 1967 г.

101. Фрагмент фигурки животного. Обобщенная ручная лепка. Голова и ноги отбиты. На спине следы прикрепления наездника без ног.

Длина—7,3 см. Черепок коричневый, внешняя поверхность светло-серая.

Подъемная. Сбор А. А. Ляпина, 1966 г.

102. Передняя часть статуэтки коня с наездником. У коня отбиты голова и концы ног. От всадника сохранились только длинные конусовидные ноги. Ручная обобщенная лепка.

Высота—7 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность светло-желтая.

Шурф № 1, VII ярус.

103. Фрагмент статуэтки животного. Сохранился лишь круп и одна нога. Ручная обобщенная лепка.

Высота—9 см. Черепок красновато-коричневый с инородными примесями. Внешняя поверхность серо-желтая.

Шурф № 1, VIII ярус.

104. Головка статуэтки коня. Аналогичная № 99. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Шурф № 2, II—III ярусы.

105. Обезглавленная фигурка коня. Ручная обобщенная лепка. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность светло-желтая. Шурф № 2, V—VI ярусы.

106. Фрагмент торса всадника. Хорошо сохранилась только тыльная сторона фигурки. Лепная обобщенная лепка.

Высота—4,4 см. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность серо-желтая. Шурф № 2, IX ярус.

107. Задняя часть лепной фигурки животного. Черепок красно-коричневый. Шурф № 2, IX ярус.

108. Задняя часть фигурки животного. Обобщенная ручная лепка. Концы ног отбиты, хвост короткий.

Высота—5 см. Черепок красно-коричневый. Шурф № 2, XI ярус.

КУМ-ДЕПЕ

109. Фрагмент женской головки. Частично сохранилось изображение головного убора, лба, глаза. Головной убор типа тюрбана или невысокой шапочки состоит из двух валиков. Сверху оставлен неубранным кусок «лишней» глины, значительно увеличивающей размеры головного убора. Лоб покатый. Глаз с рельефно моделированными веками и глазным яблоком.

Высота—5,4 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок коричневый, красный (?) ангоб.

Подъемная. Из сборов А. М. Мандельштама, 1960 г.

ПУЛЬТАПДЫ-ДЕПЕ

110. Женская головка. Часть лица сбита, детали стерты. Худощавое энергичное лицо пожилой женщины. Массивные надбровные дуги. Большие глаза с выпуклым глазным яблоком. Сильно выступающий подбородок. Низко на лоб надвинут высокий сужающийся кверху головной убор (детали конструкции неясны).

Высота—7,5 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красный.

Подъемная. Из сборов А. М. Мандельштама, 1960 г.

111. Нижняя часть женской статуэтки. На сохранившемся фрагменте от рельефной горизонтальной черты опускаются вниз, слегка расходясь, пять рельефных вертикальных линий. Вероятно, это стилизованное изображение складок на подоле длинного платья.

Высота—7,8 см. Оттиск в односторонней форме. Черепок красно-коричневый, внешняя поверхность серо-желтая.

Подъемная. Из сборов А. М. Мандельштама, 1960 г.

КАРА-ДЕПЕ

112. Крупная объемная фигурка сидящей женщины (табл. LIII). У нее пышный бюст, тонкая талия. Колени сильно раздвинуты, ступни сомкнуты или даже скрещены. На шее, на широкой с насечками ленте, висит крупная круглая подвеска, прикрепленная к ленте с помощью массивной поперечины. Изображаемая подвеска, вероятно, имела каменную вставку, т. к. в середине ее имеется еще один кружок. Над покатыми плечами поднимаются сужающиеся кверху плоские налепы. На бедрах видны складки платья, переданные процарапанными линиями. Статуэтка сильно повреждена. Отсутствуют голова, левая рука и левая нога, правая рука обломана до локтя, правая нога—до колена. Все эти повреждения затрудняют понимание образа.

Наибольшая сохранившаяся высота фигурки—17 см, ширина плеч—13,7 см, диаметр талии—5 см. Реконструируемая высота статуэтки—25—27 см. Статуэтка вылеплена из желто-коричневой светлой глины. Тесто плотное, тонко отмученное, с изредка встречаемыми мелкими блестками кварцевого песка. Поверхность заглажена, но не везде достаточно тщательно, и покрыта красным ангобом.

Техника изготовления необычна. В отличие от большинства статуэток Средней Азии, это круглая скульптура. Основа ее (торс) полая внутри, вылеплена, вероятно, от руки ленточным способом. Руки и ноги изготовлены из отдельных округлых в сечении глиняных валиков. Ноги сверху покрыты пластинчатым слоем глины (толщина—4—6 мм), имитирующим одежду и скрывающим каркас. На месте скола шеи имеется большое отверстие (диаметр—3,5 см), заставляющее предполагать, что головка также была полая. Не совсем ясно устройство нижней части фигурки. Вероятно, здесь имелось изображение какого-то сиденья, не исключено, что статуэтка являлась лишь навершием какого-то керамического изделия. На сохранившемся фрагменте отчетливо видно, что центральная полость продолжается ниже таза фигурки и даже несколько увеличивается в диаметре.

Статуэтка найдена при земляных работах.

ОКРЕСТНОСТИ КЕРКИ

113. Статуэтка сасанидского вельможи. Представлена хорошо сохранившейся формой для изготовления статуэток. Это ладьевидной формы кусок плотной хорошо обожженной глины, на лицевой стороне которого с помощью ранее изготовленной статуэтки оттиснуто углубленное изображение. Следы дополнительной обработки оттиска отсут-

ствуют. Тыльная сторона матрицы округлая, тщательно обработанная, торцовые ее части плоско срезаны. Черенок в изломе красно-коричневый. Высота формы—15,3 см, наибольшая ширина—5,8, глубина оттиска—до 2,4 см.

Оттиск дает изображение фронтально стоящей мужской фигуры. Голова слегка наклонена вперед. Левая, согнутая почти под прямым углом рука придерживает поставленный между ног длинный меч. Сжатая в кулак кисть правой руки держит у плеча какой-то небольшой предмет, возможно, цветок. Ноги согнуты, носки ступней обращены вперед. Лицо удлиненное, с аккуратно подстриженными усами и небольшой ухоженной бородкой трапециевидной формы. Пряди волос бороды переданы тремя горизонтальными валиками с вертикальными штрихами. Черты лица правильные. На лоб надвинут высокий, эллиптических очертаний, головной убор с узким ободком понизу и массивным продольным ребром. Из-под головного убора по сторонам лица до плеч свисают волнистые пряди волос. В мочках ушей небольшие удлиненной формы серьги. На шее массивная гривна или рельефная оторочка ворота.

Воин одет в длинный до колен кафтан, шаровары и плащ. Рукава кафтана с поперечными складками. Шаровары широкие, живописно драпирующиеся по сторонам ног. Концы переброшенного за спину плаща переданы на груди полукруглыми складками. Меч длинный, широкий с прямым перекрестием и шаровидным навершием длинного эфеса. Он вложен в ножны, прикрепленные к поясу с помощью специального ремня, продетого в скобу.

Изображение выполнено реалистично, с большим мастерством.

Находка краеведов. Точное место находки неизвестно.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПО ТИПАМ И ПАМЯТНИКАМ ЖЕНСКИХ КУЛЬТОВЫХ СТАТУЭТОК

Номер типа	Название типа	Бешир-кала	Омар-кала	Чопли-депе	Хатаб-кала	Мирзабек-кала	Кум-депе	Пульган-ды-депе	Всего
	Фигурки								
I	Богиня с виноградной гроздью	—	—	4	1	7	—	—	12
II	Богиня с сосудом	—	—	3	—	—	—	—	3
III	Богиня без культовых атрибутов	—	—	1	—	3	—	—	4
IV	Богиня в длинной накидке	—	—	2	—	4	—	—	6
V	Богиня с лепным туловом	—	—	7	—	2	—	—	9
VI	Сидящая богиня	—	—	3	—	—	—	—	3
VII	Богиня в обрамлении архитектурного декора	—	—	2	—	1	—	—	3
VIII	Богиня с бокалом и венком	—	1	—	—	—	—	—	1
XI	Обнаженная богиня	—	—	—	—	1	—	—	1
	Прочие	1	—	1	—	2	—	1	5
	Всего фигурок	1	1	23	1	20	—	1	47
	Головки								
1	В конусовидном головном уборе	—	—	—	—	2	—	—	2
2	В небольшом головном уборе	—	—	1	—	3	—	—	4
3	Головки статуэток с виноградной гроздью	—	—	2	—	5	—	—	7
4	В «кокошнике»	—	—	—	—	5	—	—	5
5	«Кудрявая»	—	—	—	—	1	—	—	1
6	С веерообразным расположением прядей волос	—	—	2	—	4	—	—	6
7	С орнаментальным оформлением прически	—	—	—	—	5	—	—	5
8	На плоской плитке	—	—	—	—	1	—	—	1
9	Прочие	—	—	2	—	—	1	1	4
	Всего головок	—	—	7	—	26	1	1	35
	Всего терракот	1	1	30	1	46	1	2	82

Примечание: Форма для изготовления статуэток или головок приравнивалась к одной терракоте.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Введение 4
История археологического изучения . . 6
Монетные находки 12
Основы хронологии 12
Стратиграфия поселений . . . 23
Синхронизация комплексов . . . 72
Археологические комплексы Юго-Восточной Туркмении 76
Древнебактрийский комплекс . . . 76
Греко-бактрийский комплекс . . 77
Юэджийский комплекс 79
Кушанский комплекс 81
Кушано-сасанидский комплекс . . 93
Заключение 100
Каталог поселений 171
Каталог монет 181
Каталог терракот 196

Виктор Николаевич Пилипко
Поселения Северо-Западной Бактрии

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета АН ТССР

Редактор издательства *Л. А. Татаурова*
Технический редактор *Г. А. Артыкова*
Корректоры *И. Бондарева, Д. Хазиахметова*

ИБ № 622

Сдано в набор 6.04.84. Подписано в печать 29.04.85. И—03911. Формат 60×90 1/16. Бумага тип. № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч.-изд. л. 14,14. Привед. печ. л. 13,5. Тираж 800 экз. Изд. № 14. Заказ № 2456. Цена (в переплете № 4) 2 р. 25 к.

Издательство «Ылым» АН ТССР. 744000, Ашхабад, ул. Энгельса, 6.

Типография АН ТССР. 744012, Ашхабад, ул. Советских пограничников, 92а.

2 р. 25 к.